Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Фонд «Интерсоцис»

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

2026. Том XXIX. № 2

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

Санкт-Петербург
2026

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Foundation "Intersotsis"

ZHURNAL SOTSIOLOGII I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII

(The Journal of Sociology and Social Anthropology)

2026. Volume XXIX. No 2

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)
ISSN 2306-6946 (online)
Frequency: quarterly

Saint Petersburg
2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Владимир Вячеславович Козловский (д.филос.н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)
Асалхан Ользонович Бороноев (д.филос.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
Руслан Геннадьевич Браславский (д.соц.н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)
Юрий Витальевич Веселов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
Вадим Викторович Волков (PhD, д.соц.н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)
Ирина Андреевна Григорьева (д.соц.н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к.соц.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Инна Феликсовна Девятко (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Александр Владимирович Дука (к.полит.н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Ирина Ильинична Елисеева (д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия)
Елена Андреевна Здравомыслова (к.соц.н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)
Дмитрий Владиславович Иванов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
Владимир Иванович Ильин (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинкский Университет, Финляндия)
Вольфганг Кнебль (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)
Николай Николаевич Крадин (д.истор.н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)
Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)
Елена Леонидовна Омельченко (д.соц.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)
Никита Евгеньевич Покровский (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Николай Генрихович Скворцов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)
Лариса Григорьевна Титаренко (д.соц.н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)
Жанна Владимировна Чернова (д.соц.н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2026
© Авторы материалов, статей, 2026

EDITOR
Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR
Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD
Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (Dr., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

© Intersotsis, 2026
© Authors of the issue, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая социология

Розов Н.С. Политическая социология траекторий раннего цивилизационного развития: между гомоархиями и гетерархиями 7

Социология труда

Шинкаренко Е.А., Курамшев А.В., Витковская С.К. Факторы семейной социализации женщин, занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий 27

Ефимова Г.З. Как преподаватели вузов распределяют время: субъективная оценка структуры затрат времени 56

Социология семьи

Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Филимонов Р.М. Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции 92

Социология здоровья

Богомягкова Е.С. «Ремень безопасности для ребенка»: преконцепционный генетический скрининг в оценках экспертов 118

Социология культуры

Талакаускас Д.С., Лукин И.Ю. Смысл за страницами: какими смыслами обмениваются даритель и получатель при дарении книг 144

Городские исследования

Шамшура К.А. Формула победы или рецепт неудачи: что определяет результативность гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах? 170

Исследования неравенства

Меркулова О.Д. Классово-специфические модели воспитания детей как культурный механизм воспроизводства неравенства 205

Визуальная антропология

Сергеева О.В. Визуальная антропология негородских пространств (по материалам российских фолк-хоррор фильмов и сериалов) 229

Научная жизнь

Григорьева И.А., Парфенова О.А., Петухова И.С. Конференция «Социальные исследования старения. Старение на месте и повседневность пожилых» 251

Рецензии

Поплавская А.А. Социальное движение за исторически осведомленное исполнительство музыки: назад в будущее? Рецензия на книгу: Хейнс Б. (2024) Конец старинной музыки. М.: Ад Маргинем Пресс. — 384 с. 257

CONTENTS

Historical Sociology

Nikolai Rozov. Political Sociology of the Trajectories of Early Civilizational Development: Between Homoarchies and Heterarchies 7

Sociology of Labor

Elena Shinkarenko, Alexander Kuramshev, Sofia Vitkovskaya. Factors of Family Socialization among Women Employed in the ICT Sector 27

Galina Efimova. How University Faculty Allocate Time: A Subjective Assessment of Time-Budget Structure 56

Sociology of the Family

Olga Bezrukova, Valentina Samoylova, Ruslan Filimonov. How Families of Veterans and Participants in the Special Military Operation Cope with Family Problems and Crises 92

Sociology of Health

Elena Bogomyagkova. "A Child's Seat Belt": Preconception Genetic Screening in Experts' Assessments 118

Sociology of Culture

Daria Talakauskas, Igor Lukin. Meaning behind the Pages: What Meanings are Exchanged between the Giver and the Receiver in the Gift Giving of Books 144

Urban Studies

Kirill Shamshura. A Formula for Victory or a Recipe for Failure: What Determines the Effectiveness of Civic Participation in the Protection of Historical Sites in Russian Cities? 170

Inequality Studies

Olesya Merkulova. Class-Specific Models of Child-Rearing as a Cultural Mechanism for the Reproduction of Inequality 205

Visual Anthropology

Olga Sergeyeva. Visual Anthropology of Non-Urban Spaces: Based on Russian Folk-Horror Films and Television Series 229

News / Information

Irina Grigoryeva, Oksana Parfenova, Irina Petukhova. Conference "Social Research on Aging. Aging in Place and Everyday Life of the Elderly" 251

Reviews

Anita Poplavskaya. The Social Movement for Historically Informed Musical Performance: Back to the Future? Book Review: Haynes B. (2024) The End of Early Music. Moscow: Ad Marginem Press. — 384 p. 257

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ТРАЕКТОРИЙ РАННЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУ ГОМОАРХИЯМИ И ГЕТЕРАРХИЯМИ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2026) Политическая социология траекторий раннего цивилизационного развития: между гомоархиями и гетерархиями. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 7–26.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.1 EDN: EWMYPW

Аннотация. Статья направлена на выявление факторов и механизмов складывания разных типов политических устройств на стадии самого раннего цивилизационного развития, когда варварские общества (племена, вождества, храмовые и ремесленные центры, военные коалиции, первые торговые узлы и сети) начинали обретать главные признаки цивилизаций: городскую культуру, черты государственности и письменность. Используется известная шкала, на полюсах которой находятся выраженные гомоархии (централизованные, принудительные, перераспределительные системы власти) и выраженные гетерархии (устойчивые коалиции обществ, скрепляемые договорными и обменными отношениями, сплоченностью для борьбы с общими врагами). Представлены краткие описания каждого случая и перечень 18 гипотетических бинаризованных факторов выбора той или иной траектории эволюционного развития и результаты проведенного качественного сравнительного анализа (QCA) обеих групп, благодаря чему выделены основные конфигурации и «пути» к гомоархиям («сакрально-храмовый», «ирригационно-завоевательный») и гетерархиям («интеграция земледельческих обществ», «интеграция обществ жителей гор и лесов»). Для более тонкого анализа выделена группа «гетерархий с оговорками» между этими полюсами. Здесь обнаружены три существенно различные конфигурации факторов и соответствующие типы обществ: «кочевая/подвижная гетерархия», «конкурентные вождества» и «корпоративная протогородская цивилизация». С учетом фактора ранее пройденного пути (path dependency principle) выявленный ряд типов социально-политических устройств, сложившихся на заре цивилизационного развития, обладает богатым эвристическим потенциалом для объяснения обширного разнообразия систем власти в социологическом цивилизационном анализе.

Ключевые слова: социальное развитие, социальная и историческая динамика, социологический цивилизационный анализ, качественный сравнительный анализ, гомоархии и гетерархии, траектории цивилизационного развития.

Значимость ранних этапов генезиса цивилизаций

Не будем вдаваться в весьма запутанные и идеологизированные вопросы о том, что правильно или неправильно называть «цивилизациями». В рамках социологического цивилизационного анализа, восходящего к Н. Элиасу и Ш. Эйзенштадту (Eisenstadt 2000; Элиас 2001; Браславский, Малинов 2024), вполне достаточно учитывать «цивилизационное измерение», в частности бесспорные культурные, ментальные, институциональные инварианты и сходства внутри каждой цивилизационной целостности, отличающие ее от других.

Все современные цивилизации появились через цивилизационные трансформации, из смешения частей прежних цивилизаций с возможным добавлением доцивилизационных компонентов. Последние, согласно классической традиции Л. Моргана, вполне допустимо называть «варварством» или «варварскими обществами», разумеется, отсекая негативные коннотации восходящего к Просвещению колониального превосходства (с пресловутыми грубостью, жестокостью, некультурностью «варваров» и т.п.).

Таким образом, в глубине исторических трансформаций (в том числе разделений и объединений) цивилизаций неизменно обнаруживаются ранние государства, первые империи, города-государства, а также (полу) варварские общества с племенами, вождествами, военными союзами, центрами экономических и культурных обменов как узлами малых или весьма обширных торговых сетей.

Судя по описанным в антропологии XVIII–XX вв. варварским обществам разнообразие типов их порядков, в том числе военно-политических и политико-экономических, было весьма велико. При обретении главных черт цивилизованности (городская культура, элементы государственности и письменности) черты этих порядков могли исчезать (например, при особо жестоких внешних завоеваниях с геноцидом или принудительными массовыми этническими чистками, переселениями), но нередко в том или ином виде сохранялись в последующем цивилизационном развитии (Коллинз 2015). Таков важный исторический компонент как общая эвристика для объяснения различий между локальными цивилизациями.

Для того чтобы разобраться с крайне сложным мозаичным разнообразием обществ в начале складывания черт цивилизации, будем использовать известную в антропологии шкалу с полюсами гомоархий и гетерархий.

Выраженные гомоархии и гетерархии: понятия и случаи

Гомоархии как централизованные структуры вертикальной власти с претензией на монополию в ключевых сферах управления (военная

организация, поддержание порядка, религия и мораль, перераспределение), основанные на подчинении и принудительном перераспределении ресурсов, единстве иерархии, превращались в государства, а при успешных завоеваниях — в империи. *Гетерархии* как децентрализованные структуры с горизонтальными союзными отношениями между паритетными участниками, двумя или более линиями иерархии, основанные на коллегиальном принятии решений и разных формах обмена, имели характер более или менее институционально интегрированных военно-политических коалиций, лиг, конфедераций и т.п. (Crumley 1995; Коротаев и др. 2012; Бондаренко 2024).

Ниже представлены случаи выраженных гетерархий и гомоархий. Выборка включает наиболее соответствующие вышеуказанным признакам общества из древних и относительно недавних эпох, причем более или менее изученные, поскольку нужны будут ответы на сложные вопросы, значит, должно быть достаточно информации в специальной литературе.

Выраженные гомоархии

Раннединастический Шумер развивался на плодородной равнине Месопотамии в зоне ирригационного земледелия. Практиковалось централизованное перераспределение (сбор и хранение продукции в храмовых хозяйствах). Основные социальные группы в номах (городах-государствах) — общинники, храмовая администрация (жрецы), правитель (*эн/энси/лугаль*). Были также рабы, но их роль была небольшой. Оружием владели свободные общинники и дружина правителя. Преобладали патриархальные большесемейные общины (Рыбаков и др. 1997: 45–77; Adams 1966; Crawford 2004).

Древний Египет (Раннее царство) испытывал зависимость от ежегодных разливов Нила. Наряду со скотоводством развивалось ирригационное земледелие при централизованном перераспределении ресурсов. Социальные группы — фараон (обожествляемый правитель), номархи (правители областей), чиновники, жрецы, общинники-земледельцы. Оружием владела армия под контролем фараона (Рыбаков и др. 1997: 147–164; 45–77; Kemp 2006).

Хеттское царство располагалось на горном плато Центральной Анатолии, где развивались земледелие, скотоводство, металлургия. Правитель (монарх, царь) наделял землей представителей знати, причем дань и подати перераспределялись более или менее централизованно. Социальные группы — монарх, родовая знать, жрецы, воины, ремесленники, рабы. Оружием владели представители знати и профессиональное войско. В системе родства преобладали патрилинейные кланы. Власть монарха была

ограничена на ранних этапах народным собранием, а затем советом знати (Рыбаков и др. 1997: 113–127; Bryce 2005).

Аккадская империя занимала Месопотамию и прилегающие территории (от Персидского залива до Средиземного моря). В основе хозяйства — ирригационное земледелие и контролируемая торговля. Дань с завоеванных территорий перераспределялась централизованно. Социальные группы — царь (Саргон и его династия), военная знать, в том числе назначенные наместники, чиновники, жречество, общинники. Оружием владела только профессиональная армия (Рыбаков и др. 1997: 57–66; Foster 2016).

III династия Ура развивалась в Южной Месопотамии, где сложилось сверхцентрализованное государственное хозяйство. Вся земля была огосударствлена, соответственно, собранные продукты хранились на казенных складах и перераспределялись в форме пайков. Социальные группы — правитель (царь), многочисленное чиновничество и военные, лишенные собственности подневольные работники (*гуруши*, *нгеме*). Владела оружием только царская армия (Рыбаков и др. 1997: 62–65; Garfinkle 2008).

Новоассирийская империя располагалась в Северной Месопотамии с центром в Ашшуре, контролировала торговые пути. Велось военизированное хозяйство с грабительскими и завоевательными войнами, централизованным перераспределением военной добычи и дани. Практиковались террор и массовые принудительные переселения. Социальные группы — военно-бюрократическая верхушка, наместники, жречество. Оружием владела только крупная профессиональная армия (Рыбаков и др. 1997: 230–245; Radner 2015).

Государство Миттани сложилось в Верхней Месопотамии. В хозяйстве преобладали земледелие, скотоводство и контроль над торговыми путями. Социальные группы — правитель (царь), военная аристократия (*марианни* — колесничная знать), жречество, общинники. Оружием владела военная аристократия индоиранского происхождения (Рыбаков и др. 1997: 103–108; von Dassow 2008).

Ранняя империя Шан/Инь занимала обширную плодородную равнину по течению Хуанхэ. Развивались поливное земледелие, скотоводство, бронзолитейное ремесло. Социальные группы — династический правитель (царь, *ван*), родовая аристократия, жрецы-гадатели, общинники (*чжун*), рабы, набиравшиеся из пленных. Оружием владели царские дружинники, а также личные отряды знатных вельмож (Рыбаков и др. 1997: 192–229; Keightley 1999).

Гавайи после объединения королем Камеамеа I. На островах вулканического происхождения (соответственно, с плодородными почвами)

гавайцы занимались ирригационным земледелием (выращивали таро), а также рыболовством. Практиковалось централизованное перераспределение продуктов между вождями и общинами. Социальные группы — король (*алии-нуи*), вожди (*алии*), жрецы и общинники (*макааинана*). Оружием владели вожди и их дружины, составившие королевское войско после объединения (Kuykendall 1938).

Выраженные гетерархии

Трипольская культура сложилась в лесостепи между Карпатами и Днепром. На своих плодородных черноземах трипольцы вели подсечно-огневое и пашенное земледелие, разводили скот на предгорьях. Жили крупными родовыми матрилинейными общинами. Все свободные общинники владели оружием. По данным археологии, централизация отсутствовала (не было дворцов и больших храмов) при достаточно интенсивных связях между крупными поселениями — протогородами, в которых жили до 15 тыс. человек (Anthony 2007; Chapman 2017).

Культура Сан-Хосе-Моготе сложилась в горной долине реки Оахака (Мексика), где практиковалось раннее земледелие. Социальную структуру составляли кланы со своей иерархией рангов, но с относительным политическим равенством на ранних этапах (Marcus, Flannery 1996).

Вождества Мапуче (*Арауканы*) занимали южные области Чили с лесами и многочисленными долинами. Здесь природные условия весьма разнообразны. Мапуче занимались земледелием, разводили лам. Социальную структуру составляли патрилинейные роды, объединенные в локальные группы, которые возглавляли военные вожди (*лонко*). Все свободные мужчины владели оружием. Локальные группы образовывали военные союзы перед лицом внешней угрозы (Dillehay 2007).

Лига ирокезов занимала леса северо-востока Северной Америки. Ирокезы вели подсечно-огневое земледелие, продолжали заниматься охотой и собирательством. Ресурсы и блага перераспределялись через дарообмен и коллективные трапезы. Социальная структура конфедерации — объединения пяти-шести племен и матрилинейных родов. Оружием владели все свободные мужчины. Власть осуществляли советы родов и племен, принимавшие решения на основе достигавшегося согласия (Snow 1994).

Союзы вольных обществ Дагестана складывались в узких долинах и предгорьях с дефицитом пригодной для обработки земли. Горцы занимались террасным земледелием и отгонным скотоводством. В отсутствие феодалов сельские общины (*джамааты*) сами управляли своей жизнью и объединялись в патронимические союзы (*тухумы*) с народными собраниями и выборными старейшинами. Общий отказ от учреждения

верховной власти был вполне осознанным. Все свободные общинники (*уздени*) владели оружием (Бобровников 2002).

Предположительные факторы выбора траектории политического развития

Следующий перечень факторов составлен на основе обобщения идей в общих объяснительных концепциях политической эволюции варварских обществ (Карнейро 2006; Гринин и др. 2006; Скотт 2009; Коротаев и др. 2012; Коллинз 2015; Джонсон, Эрл 2017; Крадин 2021; Бондаренко 2024; Crumley 1995) и частных исторических объяснений (см. выше ссылки по представленным случаям). Факторы бинаризованы для последующего использования в качественном сравнительном анализе (Qualitative Comparative Analysis).

Выраженное присутствие фактора («1» в таблицах) обозначается в Булевых формулах заглавной буквой, отсутствие или явная слабость фактора («0» в таблицах) — строчной буквой. Часто имеющаяся «серая зона» по каждому фактору в данном методе не учитывается, что снижает информативность, но позволяет выявлять наиболее явные конфигурации.

В «сырых» формулах каждый блок букв, соединенных логическим умножением, соответствует набору значений факторов отдельного случая. Сами блоки соединены логическим сложением. После стандартных приемов упрощения получаются обычно два и более блоков, представляющие группы случаев, сходных по сочетанию факторов. Они трактуются как альтернативные «пути» к одному типу обществ (Ragin 1987; Ragin 1997; Розов 2009: 206–212). Иными словами, итог (выраженная гомоархия или гетерархия) получается при нестрогой дизъюнкции сочетаний значений гипотетических факторов.

Фактор M — климат и предсказуемость ресурсов

1, M — высокая предсказуемость и концентрация критических ресурсов. Климат и экология позволяют регулярно производить и/или концентрировать значительные излишки ресурсов (зерно, вода, пастбища) в локализуемых точках.

0, m — низкая предсказуемость или дисперсность критических ресурсов. Ресурсы непредсказуемы (из-за засух, наводнений, заморозков и т.п.) или распределены по территории (луга, пастбища, промысловые угодья), что затрудняет их контроль из одного центра.

Фактор D — стесненность, физическая или социальная (circumscription)

1, D — высокая степень стесненности. Плодородные/пригодные для жизни земли со всех сторон окружены естественными барьерами

(пустыни, горы, море) или уже заняты другими достаточно сильными и недружественными обществами. Война за ресурсы ведет к завоеванию, так как бежать некуда.

0, d — низкая степень стесненности. Существуют обширные свободные (или слабозаселенные) пригодные территории на периферии. Конфликт ведет к рассеянию и сегментации, а не к подчинению.

Фактор L — проницаемость ландшафта

1, L — низкая стоимость проекции силы. Территория характеризуется высокой проходимостью (равнины, плато, развитая сеть троп/дорог, судоходные реки), что позволяет вооруженным группам быстро перемещаться и контролировать большие площади.

0, l (эль) — высокая стоимость проекции силы. Территория фрагментирована естественными барьерами (горные хребты, густые леса, болота, архипелаги островов), что затрудняет перемещение крупных отрядов и позволяет малым группам эффективно обороняться.

Фактор R — возможность изъятия ресурсов

1, R — ресурсы легко поддаются учету, изъятию, транспортировке и хранению. Основные ресурсы (зерно, металлы, ткани, рабы) являются «точечными» (растут/производятся в конкретном месте) и/или «неподвижными» (например, хранятся на складах).

0, r — ресурсы трудно поддаются учету и изъятию. Основные ресурсы являются «распределенными» (скот на пастбищах, промысловая дичь) и/или «мобильными» (скот, караваны), их сложно конфисковать и накопить в одном месте.

Фактор S — способ жизнеобеспечения

1, S — доминирование оседлого земледелия и/или стационарного ремесла. Население привязано к конкретным обрабатываемым участкам земли и/или мастерским.

0, s — доминирование подвижных форм хозяйства: кочевое или полукочевое скотоводство, морской/речной промысел, интенсивная охота-собирательство, требующие сезонных перемещений.

Фактор T — политико-экономический режим

1, T — преобладание редистрибутивных и/или даннических отношений. Основной механизм движения благ — централизованный сбор (в виде дани, налогов, подношений) и последующее перераспределение правителем/элитой (храмовые запасы, ритуалы и пиры, выплаты дружине).

0, t — доминирование реципрокных (взаимных) и рыночно-торговых отношений. Основной механизм движения благ — прямой обмен (дар-

отдар, бартер) или опосредованная торговля (через деньги или их эквиваленты) между домохозяйствами, общинами и регионами.

Фактор B — характер управления общественными благами («проблема коллективного действия»)

1, B — преобладание общественных благ, требующих централизованного управления. Существуют критически важные и неделимые проекты, требующие координации и принуждения (крупные ирригационные системы, единая оборона от кочевников по длинной границе), что создает спрос на «стационарного бандита» (централизованного правителя).

0, b — преобладание общественных благ, решаемых на локальном уровне. Ключевые проблемы обороны и пользования ресурсами (орошение, охрана пастбищ) эффективно решаются на уровне общины, клана или племени без надобности в надстроенной централизованной власти.

Фактор I — характер экономических институтов

1, I — высокие трансакционные издержки обмена и договоров. Отсутствие доверия, общих норм, механизмов арбитража и защиты прав делает долгосрочные горизонтальные договоры между группами крайне дорогими и ненадежными. Централизованное принуждение становится самым «дешевым» решением.

0, i — низкие трансакционные издержки обмена и договоров. Существуют общие культурные нормы, эффективные (ритуальные или судебные) механизмы разрешения споров и высокий уровень доверия внутри этнолингвистической или религиозной общности, что делает горизонтальные альянсы устойчивыми.

Фактор C — военное наследие

1, C — в предшествующий период (примерно 50–100 лет) доминировала практика успешных военных завоеваний с установлением политического контроля победителя над побежденными. Войны носили характер подчинения, а не просто набега.

0, c — в предшествующий период военные конфликты не приводили к устойчивому политическому подчинению. Преобладали набеги, грабительские войны, ритуализированные столкновения или достижение баланса сил, без завоеваний.

Фактор V — наличие лидера-спасителя как символа интеграции

1, V — в прошлом (в пределах живой исторической памяти, примерно 2–3 поколения) перед лицом внешней экзистенциальной угрозы регион

был объединен под руководством единственного правителя, харизматического лидера или доминирующего клана, чьи заслуги легитимизируют централизацию.

0, v — перед лицом внешней угрозы коалиция обществ организовала успешную коллективную оборону, что закрепило практику договорных отношений и коллегиальных решений как основу союза.

Фактор P — асимметрия силы

1, P — явное преимущество одного центра в военной мощи. Одно из потенциально объединяемых обществ (племя, вождество, город-государство) обладает качественным и количественным военно-политическим превосходством (более чем в два раза по мобилизуемым силам, технологиям, союзникам) над любым другим.

0, p — полицентризм и примерный паритет сил. Не существует явного гегемона; потенциальные центры объединения сопоставимы по силе, образуя многополярную систему.

Фактор G — монополия элиты на применение силы

1, G — сильная асимметрия в доступе к военным технологиям и организации. Элита (вожди, знать) обладает существенным технологическим (дорогое вооружение, доспехи, крепости) и/или организационным (профессиональная дружина) преимуществом, недоступным основной массе взрослого мужского населения.

0, g — распространенное право и возможность носить оружие. Основная масса домохозяйств/родов обладает собственным оружием и военными навыками, необходимыми для традиционного образа жизни. Военная организация основана на народном ополчении.

Фактор W — тип войн

1, W — «войны на уничтожение» или «войны за землю». Целью военных конфликтов является захват ключевых ресурсов (пахотной земли, городов), требующих постоянного контроля и эксплуатации покоренного населения.

0, w — «войны за дань/престиж». Целью конфликтов является получение дани, пленных, скота или символического превосходства без стремления к прямому контролю над территорией противника.

Фактор E — внешний образец государственности

1, E — наличие престижного и известного образца централизованного государства. Через торговлю, конфликты, культурный обмен элитам

региона хорошо известен престижный пример успешной государственности, который можно имитировать или на который можно ориентироваться.

0, e — отсутствие или незначимость внешних образцов централизованного государства. Элиты региона не имеют контактов с такими образцами, либо они не воспринимаются как релевантные и престижные.

Фактор A — характер источника и обоснования легитимности власти

1, A — «небесная», или внешняя сакральность власти. Источник легитимности правителя — потусторонние силы (боги, Небо, Абсолют), с которыми он имеет эксклюзивную связь (жрец, сын Бога, избранник), что делает власть не подотчетной общине.

0, a — «земная» или имманентная легитимность власти, источник которой — сама община, ее предки, традиция и прямой договор. Правитель — первый среди равных, его власть производна от воли и доверия сородичей/сограждан, что ограничивает произвол.

Фактор Z — культурная память и травма

1, Z — коллективная травма децентрализации. В исторической памяти элит и/или народа живы катастрофические последствия периода безвластия, междоусобиц и анархии (хаос, смута, «война всех против всех»), что создает запрос на сильную центральную власть как спасительный порядок.

0, z — коллективная травма тирании. В исторической памяти живы катастрофические последствия злоупотреблений со стороны предыдущей централизованной власти (деспотии, репрессий, конфискации имущества), что создает культурные запреты и институциональные «предохранители» против концентрации власти.

Фактор N — структура родства

1, N — патрилинейный или жесткий клановый принцип с сильной патриархальной властью. Общество построено на иерархических, сегментированных линиях родства, где авторитет главы рода/семьи абсолютен.

0, n — билатеральная/когнатическая или «сегментарная» система родства. Отсутствие жесткой иерархии, возможность выбора родства, сильные позиции материнской линии или возрастных групп (военные/мужские союзы), что поддерживает множественность центров влияния и сетевые связи.

Фактор U — идейная и культурная гомогенность

1, U — высокая степень общности базовых культурных символов (святынь) и картин мира. Население региона разделяет главные элементы религиозного культа, ключевых мифов (о своем происхождении, героях), символики и исторической традиции, отличающие их от непосредственных соседей.

0, u — низкая степень общности базовых культурных символов (святынь) и картин мира. Население региона состоит из групп с различными культами, мифами-основаниями и историческими традициями, которые могут быть ближе к традициям внешних групп, чем друг к другу.

Факторы и пути возникновения гомоархий, в том числе централизованных государств

После кодирования случаев, составления и упрощения Булевых формул с логическим умножением и сложением блоков малых и заглавных букв, соответствующих 0 и 1 в таблицах (Ragin 1987; 1997; Розов 2009: 206–212) итоговая формула для гомоархий выглядит так:

BSGTP(ICV+UADMev),

где вынесенные за скобку признаки трактуются как необходимые факторы:

B — преобладание общественных благ, требующих централизованного управления,

S — доминирование оседлого земледелия и/или стационарного ремесла,

G — асимметрия в доступе к военным технологиям и организации, в частности монополизация оружия элитой,

T — преобладание редистрибутивных и/или даннических отношений,

P — явная гегемония одного центра с его превосходством (более чем в два раза по мобилизуемым силам, технологиям, союзникам) над любым другим.

Формула указывает на две основные конфигурации, различающиеся по источнику легитимности и роли культурной однородности:

— *сакрально-храмовый* как самый ранний, «первопроходческий» путь — BSGTP*UADMev; такие общества развиваются в благоприятных экологических нишах с высокой предсказуемостью и концентрацией критических ресурсов (M), что позволяет элите, контролирующей ритуалы, религию (A) и экономику храмового/дворцового хозяйства, выстроить иерархию при отсутствии внешних образцов гомоархий (e) и без массированных завоеваний; отсутствие лидера-спасителя (v) компенсируется сакрализацией самой должности правителя (фараон — бог, энси —

наместник бога); стесненность (D) заставляет людей оставаться и подчиняться, к этому пути относятся ранний Египет и Шумер.

— *классический ирригационно-завоевательный* путь к гомоархии — BSGTP*ICV — наиболее распространен; таков «идеальный тип» раннего государства, которое через серию завоеваний (C), как правило под руководством харизматического лидера-объединителя (V), устанавливает гегемонию (P); культурная гомогенность (U) не является обязательной — империя может управлять разными народами; таковы Аккад, Ур III, Хетты, Шан/Инь, Миттани, Новоассирийская империя.

Два эволюционных пути к гетерархиям

Для выраженных гетерархий (Триполье, Лига ирокезов, Сан-Хосе-Моготе, Мапуче, Союзы Дагестана) получаем формулу.

$$cgpviwz(USt + lr),$$

где вынесенные за скобку признаки трактуются как необходимые факторы:

c — в предшествующий период военные конфликты не приводили к устойчивому политическому подчинению,

g — распространенное право и возможность носить оружие,

p — полицентризм и примерный паритет сил,

v — интеграция через коллективный договор,

i — низкие трансакционные издержки обмена и договоров,

w — войны за дань/престиж, а не на уничтожение,

z — наличие коллективной травмы тирании,

Кроме того, выявлены два основных пути (конфигурации) к формированию гетерархии:

— *интеграция земледельческих обществ* (Триполье, Сан-Хосе-Моготе, отчасти Ирокезы) — cgpviwz*USt; таковы коалиции аграрных сообществ (S), в которых культурная гомогенность (U) и развитые механизмы реципрокности (t) выступают как функциональный эквивалент государства;

— *интеграция обществ жителей гор и лесов* (Мапуче, Дагестан) — cgpviwz*lr — возникают в условиях сложного, фрагментированного ландшафта (l), который делает завоевание и проекцию силы дорогими и неэффективными, при этом ресурсы трудно изъять (r), что создает «естественный» военно-политический паритет (p); война остается в модусе набегов (w), ведь незачем завоевывать то, что нельзя удержать.

В гомоархиях необходим запрос на централизацию (B) и структуры контроля (S, G, T, P). Там, где элите удается монополизировать наси-

лие (G) и редистрибуцию (T) в условиях оседлости (S) и превосходства одного центра (P), запускается линия гомоархии и «государственный модус».

В гетерархиях необходим набор блокираторов централизации (c, g, p, v, i, w, z) и горизонтальные механизмы. Там, где оружие остается у народа (g), ресурсы циркулируют через обмен (t), а центры силы примерно паритетны (p) и договариваются (v), включается «гетерархический модус». Такова центральная ось расхождения.

Чтобы сделать последующий анализ факторов расхождения более тонким, включим в рассмотрение промежуточную группу.

Гетерархии с оговорками

Представляют собой горизонтальные коалиции более или менее равных по силе обществ, но, в отличие от выраженных гетерархий, в них не обнаруживается признаков регулярных собраний, общих ритуалов, институтов разрешения споров. Здесь союзы неустойчивые, а насильственные конфликты достаточно частые.

Харапская культура сложилась на плодородных равнинах вдоль реки Инд и ее притоков. Практиковалось ирригационное земледелие (пшеница, ячмень), скотоводство (зебу, буйволы), обширная дальняя торговля (с Месопотамией), ремесла (металлургия, обработка камня). Сельскохозяйственная продукция и ремесленные товары обменивались, вероятно, отчасти перераспределялись в крупных городских центрах. Был установлен контроль над торговыми путями. Судя по размерам жилищ и погребальному инвентарю, социальная структура включала элиту, ремесленников и общинников-земледельцев. Нет остатков дворцов и других свидетельств наличия «царей». Следы насилия и укреплений редки. Оружием владели, вероятно, профессиональные воины или ополчение. Существовала стандартизация мер, весов, архитектуры, планировки городов и письменности на огромной территории, что указывает на мощные координирующие институты, общие ритуалы и механизмы разрешения споров, необязательно совпадающие с иерархической властью одного правителя (Kenoyer 1998; Possehl 2002).

Конфедерация ойратов (предков калмыков) занимала степи и предгорья Джунгарии, охватывавшей части Южной Сибири и Западной Монголии. Ойраты занимались кочевым скотоводством (лошади, овцы, верблюды), охотой, делали набеги, собирали дань с оседлых народов. Военная знать (*нойоны* и *тайши*) перераспределяли пастбища, собираемую дань и добычу от набегов. Ойраты торговали с Китаем и Средней Азией. Оружием владели все свободные мужчины-кочевники, составлявшие ополь-

чение. Социальная структура включала правящие княжеские роды (*чорос*, *торгоут* и др.) и подвластное им население: простых кочевников, зависимых людей из пленных. Союзы относительно равных по силе племен (*хошунов*) находились под номинальным руководством хана. Союзы были неустойчивыми, с нередкими внутренними распрями и насильственными конфликтами. Хотя спорадически проводились общие собрания (*курултаи*) и существовали правовые кодексы, они не предотвращали расколов и междоусобиц. На поздних этапах усиливалась тенденция к большей централизации, союз становился Джунгарским ханством (Khodarkovsky 1992).

Союз племен бедуинов сложился среди пустынь, полупустынь и оазисов Центральной Аравии. Бедуины занимались кочевым скотоводством (верблюды, овцы, козы), караванной торговлей, земледелием в оазисах и грабительскими набегами на оседлые общества, получением дани с подчинившимися. Перераспределение проводилось в порядке племенной взаимопомощи. Осуществлялся контроль за колодцами и пастбищами. Социальная структура включала патрилинейные родоплеменные группы с выборными шейхами. Все взрослые мужчины племени владели оружием, было сильно эгалитарное начало. Племенные союзы (такие, как конфедерация *Анайза*) формировались на основе происхождения и военной необходимости. При отсутствии постоянных надплеменных институтов власти союзы были весьма подвижными. Собрания и общие ритуалы в масштабах крупных союзов были слабо развиты. Конфликты (особенно *газу* — набеги) были основным инструментом перераспределения ресурсов и регулирования отношений. Разрешение споров часто зависело от авторитета отдельных шейхов или обычного права (*урф*), а не от постоянных институтов (Хазанов 2002; Крадин 2021; Lancaster 1997).

Союз афганских племен (особенно пуштунов) сложился в горных долинах и полупустынных плато Гиндукуша. Афганцы занимались террасным земледелием, отгонным скотоводством. Велся контроль над торговыми путями. Перераспределение осуществлялось вождями (ханами) на основе обычая и власти. Все взрослые свободные мужчины владели оружием, соответственно, среди них сохранялись сильные традиции равенства. Определенную роль играли советы (*джирга*), хотя они собирались редко. Сегментарная социальная структура включала линиджи, племена и кланы. Союзы племен (*ли джариги*) собирались для конкретных целей (оборона, набег) и легко распадались. Не существовало постоянных надплеменных институтов. Конфликты (*бадел*) и кровная месть оставались системообразующими элементами (Ahmed 1980; Barfield 2010).

Тревожная зона неустойчивости

После кодировки случаев «гетерархии с оговорками» по тем же 18 факторам и упрощения получаем следующую формулу:

$$pv(csgrt + SRCGT + LSRcgUt),$$

где общими факторами вполне ожидаемо являются:

p — полицентризм и примерный паритет сил;

v — перед лицом внешней угрозы коалиция обществ организовала успешную коллективную оборону.

Теперь рассмотрим три выявленных разновидности такого типа обществ. Каждая включает дополнительные условия, создающие неустойчивость и внутреннюю напряженность.

Кочевая/подвижная гетерархия (pv*csgrt) характерна для обществ с кочевым или полукочевым скотоводством. Отсутствие завоевательной традиции (c) и развитого земледелия (s), всеобщая вооруженность (g), трудность изъятия ресурсов (r) и реципрокная экономика (t) делают централизацию затруднительной. Гетерархия здесь неустойчива и циклична. Напряжение создавалось противоречием между трудностью постоянного подчинения подвижных кочевников (rs) и возможностями союзов для набегов, завоеваний под началом харизматичного вождя.

Конкурентные вождества (pv*SCGTR) возникают среди оседлых земледельцев и рыбаков (S), у которых легче изымать ресурсы (R). Завоевательная традиция (C), соответственно, развитая военная элита (G) и редистрибутивная экономика (T) составляют типичные компоненты гомоархии. Однако отсутствие явного гегемона (p), объединительного мифа о спасителе при наличии памяти об успешном объединении для обороны (v) блокируют тренды к централизации. Поэтому складывается система примерно паритетных конкурентных, но внутренне иерархичных политий. Такой баланс крайне неустойчив и нередко разрешается в пользу гомоархии при изменении баланса сил, когда у одного вождества появляется принципиальное военно-техническое преимущество и/или харизматический лидер. Наличие предпосылок для гомоархии (CGT) при блокировке финального шага (pv) создавало «горячую» неустойчивость, что вело к постоянным войнам. К этому типу неустойчивых гетерархий относятся Гавайские вождества до объединения.

Корпоративная протогородская цивилизация (pv*LSRgcUt) — особый случай Хараппы — сочетает факторы, как способствующие, так и препятствующие централизации. С одной стороны, есть условия для гомо-

архии: проницаемый ландшафт (L), оседлость (S), легкое изъятие и хранение ресурсов (R). С другой стороны, отсутствуют ключевые «триггеры»: не было завоевательной традиции (c) и монополии на оружие (g), экономика основана преимущественно на обмене (t), не было общества-гегемона (p). Поэтому сложилась уникальная по своему масштабу, но при этом, видимо, безгосударственная гетерархия, где интеграция обеспечивалась стандартизацией культуры (U) и сложными сетями обмена. Для Хараппы напряжение было обусловлено сочетанием «удобных» для централизации географических и экономических условий (LR) с мощными культурными и социальными механизмами, блокирующими узурпацию власти (cgt). Такая «холодная» устойчивость могла сохраняться веками.

Таким образом, «гетерархии с оговорками» — это не промежуточная стадия, а скорее неустойчивое равновесие или специфическая адаптация. Их возникновение определяется не одним путем, а несколькими, где ключевую роль играют конкретные сочетания факторов, препятствующих централизации, на фоне наличия отдельных факторов, которые ее стимулируют. Это делает такие системы динамичными и исторически переходными.

Заключение

Итак, с помощью качественного сравнительного анализа (QCA) на основе выделенных трех групп случаев выделены основные конфигурации обществ при переходе от варварства к цивилизованности:

— выраженные гомоархии — «сакрально-храмовые общества», «ирригационно-завоевательные общества»;
— выраженные гетерархии — «интеграция земледельческих обществ», «интеграция обществ жителей гор и лесов»;
— гетерархии с оговорками — «кочевая/подвижная гетерархия», «конкурентные вождества», «корпоративная протогородская цивилизация».

С учетом фактора ранее пройденного пути (path dependency principle) выявленный ряд типов социально-политических устройств представляется богатым эвристическим потенциалом для объяснения обширного разнообразия систем власти в социологическом цивилизационном анализе. Речь должна идти прежде всего об отношениях между правителями, центрами силы, группами чиновных, экономических и духовных элит, о типах конфликтов между ними, а также об институтах элитарных советов.

Все эти черты устройств власти в разных цивилизациях, хоть и получают нередко стандартные (преимущественно вестернизованные названия), всегда обнаруживают характеристики с уходящими вглубь истории

корнями. Выявленные типы переходных обществ следует трактовать как исходные паттерны, предположительно, лежащие в основе властных аспектов цивилизационного разнообразия.

Литература / References

Бобровников В. О. (2002) *Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие*. М.: Восточная литература.

Bobrovnikov V. O. (2002). M*uslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Бондаренко Д. М. (2024) Принципы и формы организации обществ как систем институтов (концептуальная рамка этой книги). Бондаренко Д. М., Александров Г. В. (ред.). *Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия*. М.: Языки славянских культур: 7–50.

Bondarenko D. M. (2024) Principles and Forms of Organization of Societies as Systems of Institutions (Conceptual Framework of this Book). Bondarenko D. M., Aleksandrov G. V. (eds.) *Principles and Forms of Sociocultural Organization: Historical Contexts of Interaction*. Moscow: Yazyki slavyanskih kultur: 7–50 (in Russian).

Браславский Р. Г., Малинов А.В. (отв. ред.) (2024) *Цивилизационное многообразие современного мира.* М.: ФНИСЦ РАН.

Braslavsky R.G., Malinov A.V. (eds.) (2024) *Civilizational Diversity in the Modern World*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) (in Russian).

Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (отв. ред.) (2006) *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград: Учитель.

Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.) (2006) *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel' (in Russian).

Джонсон А., Эрл Т. (2017) *Эволюция человеческих обществ.* Пер. с англ. И.В. Кузнецова, Е. Еремеевой. М.: Издательство института Гайдара.

Johnson A., Earle T. (2017) *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara (in Russian).

Карнейро Р. (2006) Теория происхождения государства. Гринин Л. У., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (отв. ред.). *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград: Учитель: 55–70.

Carneiro R. (2006) A Theory of the Origin of the State. In: Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.) *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel (in Russian).

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: опыты социологии большой длительности*. Пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС.

Collins R. (2015). *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run.* Moscow: URSS (in Russian).

Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е. (2012) Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы). Гринин Л. Е., Ильин И. В., Коротаев А. В. (ред.) *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества)* Волгоград: Учитель: 348–377.

Korotayev A. V., Bondarenko D. M., Grinin L. E. (2012) Social Evolution: Alternatives and Variants (Towards a Problem Statement). In: Grinin L. E., Ilyin I. V., Korotayev A. V. (eds.) *Universal and Global History (The Evolution of the Universe, Earth, Life, and Society).* Volgograd: Uchitel: 348–377 (in Russian).

Крадин Н. Н. (2021) *Происхождение неравенства, цивилизации и государства.* СПб: Издательство Олега Бышко.

Kradin N. N. (2021) *The Origin of Inequality, Civilization, and the State*. St. Petersburg: Oleg Byshko Publishing House (in Russian).

Розов Н.С. (2009) Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ.

Rozov N. S. (2009) *Historical Macrosociology: Methodology and Methods*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Рыбаков Р.Б. и др. (отв. ред.) (1997) *История Востока в шести томах.* Т. I. М.: Восточная литература.

Rybakov R.B. et al. (eds.) (1997) *History of the East in Six Volumes.* Vol. I. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Скотт Дж. (2009) *Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии.* Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Новое издательство,

Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchical History of the Highlands of Southeast Asia.* Moscow: Novoe Izdatelstvo (in Russian).

Хазанов А. М. (2002) *Кочевники и внешний мир.* Алматы: Дайк-Пресс.

Khazanov A.M. (2002) *Nomads and the Outside World*. Almaty: Daik-Press (in Russian).

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования.* В 2-х тт. М.–Спб: Университетская книга.

Elias N. (2001) *On the Process of Civilization: Sociogenetic and Psychogenetic Studies.* 2 vols. Moscow–St. Petersburg: Universitetskaya Kniga (in Russian).

Adams R. (1966) *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.

Ahmed A.S. (1980) *Pukhtun Economy and Society: Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society*. London: Routledge; Kegan Paul.

Anthony D. W. (2007) *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World.* Princeton: Princeton University Press.

Barfield T.J. (2010) *Afghanistan: A Cultural and Political History.* Princeton University Press.

Bryce T. (2005) *The Kingdom of the Hittites.* Oxford: Oxford University Press.

Chapman J. (2017) *The Vinča Culture of South-East Europe: Studies in Chronology, Economy and Society. British Archaeological Reports (BAR) International Series*. Oxford: Archaeopress.

Crawford H. (2004) *Sumer and the Sumerians.* Cambridge: Cambridge University Press.

Crumley C.L. (1995) Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Archeological Papers of the American Anthropological Association,* 6(1): 1–5.

Dassow von E. (2008) State and Society in the Late Bronze Age: Alalaḫ under the Mittani Empire. *Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 17.* Bethesda, MD: CDL Press: 70–246.

Dillehay T. D. (2007) *Monuments, Empires, and Resistance: The Araucanian Polity and Ritual Narratives.* Cambridge: Cambridge University Press.

Eisenstadt S. N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven,* 62(1): 1–21.

Foster B.R. (2016) *The Age of Agade: Inventing Empire in Ancient Mesopotamia.* London: Routledge.

Garfinkle S. J. (2008) Was the Ur III state bureaucratic? Patrimonialism and bureaucracy. In: Johnson J.C., Garfinkle S.J. (eds.) *The Growth of an Early State in Mesopotamia: Studies in Ur III Administration*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas: 55–80.

Keightley D. N. (1999) The Shang: China's First Historical Dynasty. Loewe M., Shaughnessy E. L. (eds.) The *Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 B.C.* Cambridge: Cambridge University Press: 232–291.

Kemp B.J. (2006) *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization*. London: Routledge.

Kuykendall R.S. (1938) *The Hawaiian Kingdom. Volume 1: Foundation and Transformation, 1778–1854.* Honolulu: University of Hawaii Press.

Marcus J., Flannery K.V. (1996) *Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. London: Thames and Hudson.

Radner K. (2015) Royal pen pals: the kings of Assyria in correspondence with officials, clients and total strangers (8th and 7th centuries BC). In: Procházka S., Reinfandt L. Tost S. (eds.) *Official Epistolography and the Language(s) of Power.* Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: 61–72.

Ragin Ch. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies.* Berkeley: University of California Press.

Ragin Ch. (1997) Turning the Tables: How Case-Oriented Research Challenges Variable-Oriented Research. *Comparative Social Research*, 16: 27–42.

Snow D.R. (1994) *The Iroquois.* Oxford: Blackwell Publishers.

POLITICAL SOCIOLOGY OF THE TRAJECTORIES OF EARLY CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT: BETWEEN HOMOARCHIES AND HETERARCHIES

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

The Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2026) Political sociology of the trajectories of early civilizational development: between homoarchies and heterarchies. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 7–26 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.1 EDN: EWMYPW

Abstract. This article aims to identify the factors and mechanisms that underlie the formation of different types of political systems during the earliest stage of civilizational development. During this stage, barbarian societies (e.g., tribes, chiefdoms, temple and craft centers, military coalitions, and the first trade hubs and networks) began to acquire key characteristics of civilizations, such as urban culture, features of statehood, and writing. The article uses a well-known scale with pronounced homoarchies (centralized, coercive, and redistributive systems of power) at one pole and pronounced heterarchies (stable coalitions of societies bound by contractual and exchange relationships and united in the struggle against common enemies) at the other. Brief descriptions of each case are provided, along with a list of eighteen hypothetical binary factors that influence the choice of a particular evolutionary developmental trajectory. A qualitative comparative analysis (QCA) was conducted on both groups, and the results are presented here. The analysis identified the main configurations and "pathways" leading to homoarchies ("sacred temple" and "irrigation conquest") and heterarchies ("integration of agricultural societies" and "integration of mountain and forest societies"). To provide a more nuanced analysis, a group of "heterarchies with reservations" was identified between these two types of societies. Three substantially different configurations of factors and corresponding types of societies were discovered: "Nomadic/mobile heterarchy," "competitive chiefdoms," and "corporate proto-urban civilization." Considering the factor of the path previously taken ("path dependency principle"), the range of socio-political structures identified at the dawn of civilizational development appears to offer rich heuristic potential for explaining the vast diversity of power systems in sociological civilizational analysis.

Keywords: social development, social and historical dynamics, sociological civilization analysis, qualitative comparative analysis, homoarchies, heterarchies, trajectories of civilization development.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Елена Александровна Шинкаренко (elenashinkarenko@fsn.unn.ru)**,**
Александр Васильевич Курамшев**,**
София Константиновна Витковская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Цитирование: Шинкаренко Е.А., Курамшев А.В., Витковская С.К. (2026) Факторы семейной социализации женщин, занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 27–55. https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.0 EDN: CKUQSK

Аннотация. Сфера информационно-коммуникационных технологий одна из наиболее перспективных, быстроразвивающихся и хорошо оплачиваемых сфер занятости. С одной стороны, работа в этом секторе не требует применения физической силы, что делает ее подходящей для женщин. С другой стороны, профессии, связанные с точными науками, техникой, вычислениями, стереотипно представляются мужскими. Труд выступает как поле гендерного, образовательного, социально-экономического неравенства. На основе данных интервью с женщинами, занятыми в сфере информационно-коммуникационных технологий, выявлены сюжеты, касающиеся социализации в родительской семье, способствовавшие рекрутингу в эту сферу. Выделено два больших блока: капиталы и структурные характеристики. Проведен анализ капиталов, которые семья задействует в процессе получения ребенком школьного и послешкольного образования. На материале интервью выявлены такие типы капитала, как культурный (выбор школы и дополнительных занятий, участие родителей в школьной жизни, осведомленность об инженерных специальностях при переходе школа-вуз), экономический (оплата дополнительного образования, курсов и репетиторов при подготовке к вступительным экзаменам, содержание ребенка в период обучения в вузе), социальный (использование социальных связей для поиска репетиторов и помощи ребенку при обучении в вузе, эмоциональный капитал). Также выявлены два подтипа структурных элементов. Во-первых, элементы, которые характеризуют связь семьи с социальной структурой в целом. К ним отнесены социально-экономический статус семьи как элемент социальной структуры, образовательный статус родителей, который служит базой для воспроизводства статуса родителей или восходящей мобильности детей относительно родителей. Во-вторых, элементы семейного габитуса, структурирующие практики трудоустройства. Элементы

габитуса семьи связаны с установками на важность образования, поведением в ситуации школьных сложностей, а также с гендерными установками. Спектр практик при выборе специальности может быть связан с семейным габитусом и варьироваться от ограничений на выбор того или иного направления до нейтралитета и активного обсуждения.

Ключевые слова: семейные капиталы, габитус, жизненный путь, профессиональная траектория, гендерное разделение труда, гендерные стереотипы, Бурдье.

Введение

Труд и семья — базовые общественные сферы, трансформацию которых мы наблюдаем в течение длительного периода времени. К Маркс и Ф. Энгельс рассматривают половые отношения как один из видов производственных отношений (Маркс, Энгельс 1986). В аграрном обществе семья выступает как некое универсальное предприятие. С усложнением трудовой сферы меняется баланс сил между семьей и работой. В аграрной экономике существовала жесткая иерархия, при которой женский труд занимал невысокое положение. Однако, как показывает анализ Э. Кесслер-Харрис, в индустриальную эпоху потребность в рабочей силе делает фабричными рабочими не только мужчин, но и женщин (Кесслер-Харрис 2000). Индустриальная система уравняла женщин и мужчин за станком. Именно это способствовало переосмыслению места женщины в семье и трудовой сфере.

Одним из ключевых факторов изменения сферы труда в постиндустриальном обществе считается внедрение технологий. Появление информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обозначило этап постиндустриального общества и переход к цифровой экономике. Как отмечает М. Кастельс, главным источником роста и производительности в развитых обществах становятся знания и информация (Кастельс 2000: 200). На передний план выходят навыки, не связанные с физической силой, что с одной стороны, открывает новые возможности женской занятости. С другой стороны, гендерные стереотипы, связанные со сферой технологий, продолжают влиять на установки и стремления женщин. Как подчеркивает Э. Кесслер-Харрис, женщины традиционно заняты в менее престижных оплачиваемых областях, но с появлением новых видов работ встает вопрос о подходящих для женщины ролях (Кесслер-Харрис 2000: 186).

Сектор информационных технологий нуждается в специалистах, которые будут обеспечивать его развитие. С одной стороны, сфера ИКТ не связана с физическими нагрузками, не относится к вредным и опасным

производствам, не входит в перечень запрещенных для женщин профессий, т.е. не содержит явных барьеров для рекрутинга женщин. В России ИКТ — востребованный и высокооплачиваемый сектор занятости. По данным федеральной службы государственной статистики, средняя заработная плата работников в области информации и связи в 2023 г. составляла 130 326 руб. (Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата…), что делает сферу привлекательной для людей любого пола и возраста. С другой стороны, можно видеть явный гендерный дисбаланс отрасли. Согласно данным крупнейшего портала по поиску работы HeadHunter, доля женщин в секторе ИКТ составляет около 30 % (Обзор ИТ-отрасли по итогам первого полугодия 2023). Такой показатель сопоставим с данным Росстата о соотношении мужчин и женщин в области информации и связи (34 % женщин и 66 % мужчин) (Женщины и мужчины России 2022: 91).

Такой дисбаланс может быть связан с представлениями о сферах труда, подходящих для женщин. С одной стороны, стереотипные представления о технологиях, инженерии и точных науках как мужской сфере затрудняют рекрутинг женщин в высокотехнологические профессии. С другой стороны, представленность женщин в ИКТ не равна нулю. То есть существуют механизмы, которые способствуют рекрутингу женщин в эту сферу. Пока этот процесс не стал массовым, его можно отследить на микроуровне отдельных индивидов и семей.

К моменту выхода на рынок труда молодежь уже несет в себе установки, полученные в семье, школе, вузе/сузе. С одной стороны, семья делит функции по передаче социального опыта новым поколениям с другими институтами, дает представления о базовых ценностях и нормах, формирует знания об окружающем мире, оказывая влияние на представления молодежи об образовании и трудоустройстве. С другой стороны, это наиболее стабильная структура, в которой молодежь социализируется более длительный период времени, чем в школе или вузе.

Выход на рынок труда можно рассматривать как набор практик по получению профессионального образования, адаптации полученных знаний, поиску подходящих вакансий. Практики — термин, используемый П. Бурдье. Согласно его представлениям, при анализе практик необходим учет габитуса и капиталов. В семье происходит процесс формирования габитуса. Согласно П. Бурдье габитус можно рассматривать как систему категорий восприятия, мышления и действия. (Бурдье 2005: 292). Элементом габитуса можно считать гендерные установки (стереотипные или нейтральные), формируемые в семье и вносящие вклад в представления девушек о подходящей сфере труда. Семейные установки будут играть

роль при интерпретации реальности вне семейных структур. Социально-экономические характеристики семьи определяют положение индивида в общественной структуре, характеризуют его стартовые позиции. Разные типы и объем семейных капиталов лежат в основе образовательного трека и практик трудоустройства.

Цель статьи — анализ структурных характеристик и семейных установок (стереотипных или нейтральных), в которых социализировались женщины, занятые в сфере ИКТ. Важно анализировать не только барьеры, препятствующие притоку женщин в сферу ИКТ, но и истории успеха. Изучение того, как семья влияет на выбор карьеры в этой сфере, открывает возможности для популяризации инженерно-технического образования женщин.

Обзор литературы

При получении доступа к оплачиваемой работе женщины все равно сталкиваются с ограничениями на рынке труда. При анализе положения женщины на рынке труда необходимо обратиться к гендерным аспектам анализа рынка труда. Ряд зарубежных исследователей говорит о гендерном разделении в рамках оплачиваемого труда, когда к «мужским» относятся профессии в сфере производства и/или требующие высокой квалификации, и низкооплачиваемыми, «женскими» профессиями в непроизводственной сфере и сфере обслуживания (Фрейзер 2001; Кесслер-Харрис 2000).

В отечественной литературе И.С. Кон акцентировал внимание на том, что на рынке труда происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности (Кон 2011: 56). Вместе с тем О.И. Ключко обращает внимание на разграничение мужских и женских сфер на фоне повышения уровня образования, статуса и роста внедомашней занятости женщин (Ключко 2018: 30).

О.А. Хасбулатова, И.Н. Смирнова, Т.К. Ростовская обращают внимание на горизонтальную сегрегацию рынка труда, где устойчивый гендерный дисбаланс сложился в пользу мужчин (Хасбулатова, Смирнова, Ростовская 2020: 9). И.Н. Тартаковская в рамках интерсекционного анализа гендерных карьерных стратегий выделяет три критерия, объясняющих ключевые различия в построении карьерной траектории: гендер, образование и возраст (Тартаковская 2015: 85). Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина делают вывод о том, что разделение труда выступает как центральная категория в понимании гендерных различий и гендерного порядка (Здравомыслова,

Темкина 2015: 468). Иными словами, при наметившихся тенденциях к смягчению гендерных барьеров, пол продолжает играть ограничивающую роль в построении женщинами профессиональных траекторий.

То, как мужчины и женщины выстраивают свой трудовой путь, обусловлено их дотрудовой социализацией в семье и образовании. Каждый из этих институтов транслирует новым поколениям установки о роли мужчин и женщин, возможных сферах реализации, одобряемых статусах. Стремление или отказ от профессиональной реализации в какой-либо сфере обусловлены усвоенными (в том числе гендерными) установками.

В отечественной социологии накоплен пласт исследований о том, почему женщины реже мужчин выбирают карьеру в сфере ИКТ. Начиная от подходов к изучению и измерению представленности женщин (Калабихина 2017) до изучения стереотипов, транслируемых через детские игры, учебники, организации учебного процесса (Савинская, Лебедева, Вилкова 2022; (Савостина, Смирнова, Хасбулатова 2017) и недостаточным формированием интереса в образовательной среде (Колесникова, Куденко 2020). Исследователи сходятся во мнении, что в российском обществе работают механизмы, исключающие женщин из высокотехнологических профессий, порождая неравенство.

При обсуждении вопросов неравенства (образовательного, трудового, гендерного) и механизмов его воспроизводства для нас ключевым представляется подход Пьера Бурдье. Здесь можно выделить два аспекта: роль семьи в воспроизводстве образовательного и трудового неравенства, роль семьи в формировании гендерных установок. Постулат о воспроизводстве неравенства — базовый в концепции П. Бурдье (Бурдье, Пассрон 2007). В зарубежных интерпретациях П. Бурдье исследователи уделяют внимание статусным характеристикам семьи и использования семейных капиталов в процессе получения ребенком образования (Dumais 2006; Nash 2003; Jæger 2009; Lareau, Weininger 2003).

В российской социологии можно выделить блок авторов и исследований, затрагивающих роль семьи в получении образования и трудоустройстве. В. Шубкин, изучая жизненные стратегии молодежи, говорил о нерелевантном опыте и представлениях родителей в вопросах профориентации в условиях стремительного изменения рынка труда (Шубкин 2010: 269). Он замечает, что родители, имеющие более высокий уровень образования, имеют и большие возможности для того, чтобы помочь детям подготовиться к поступлению в вуз, нежели родители с относительно невысоким уровнем образования. Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко выявили, что установки на накопление образовательных ресурсов поступают от семьи. Дети из рабочих и нера-

бочих семей выбирают разные образовательные траектории (Константиновский, Вознесенская, Чередниченко 2014: 397).

В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс отводят ведущее место образованию родителей во влиянии на жизненный старт молодежи, подчеркивая, что образование матери выступает более значимым фактором, нежели образование отца (Чупров, Зубок, Уильямс 2015: 163). М.Е. Илле, М.М. Соколов приходят к выводу, что культурность семьи конвертируется в образовательные достижения, процесс дальнейшего освоения культурных кодов в школе обеспечивает доступ к экономическому благополучию (Илле, Соколов 2018а). То есть в этом аспекте ключевыми выступают такие характеристики семьи, как социально-экономический статус, образование родителей, культурный капитал и практики. Практики, согласно П. Бурдье, производятся габитусом. Гендерные установки, формируемые в процессе гендерной социализации, необходимо рассматривать как элемент габитуса. Э. Гидденс относит семью к институтам гендерной социализации (Гидденс 2005: 38). Схожие механизмы роли семьи отмечала Э. Маккоби. Родители обращаются с ребенком исходя из своих представлений о том, каким должен быть ребенок данного пола. Родители обращаются с разнополыми детьми так, чтобы приспособить их поведение к принятым в обществе нормативным ожиданиям (Maccoby 1998). Дж. Экклз и ее коллеги предложили модель самореализующихся пророчеств, начало которой закладывалось родительскими стереотипами гендерной роли и которые впоследствии вносили вклад в тот род работы, которую ищут и для которой имеют необходимую квалификацию мужчины и женщины (Eccles 1990).

Гендерный аспект в работах П. Бурдье выступает скорее вспомогательным, вопросы гендера рассматриваются преимущественно в антропологическом контексте. Категориальный аппарат (габитус, практики, капиталы, поле) применяется широко, позволяя не только объяснить статическое распределение мужчин и женщин в полях образования и труда, но и проследить механизмы, ведущие к такому распределению. Именно исследование культуры становится рамкой для символического разграничения мужского и женского пространства (Бурдье 2001). Л. Макней отмечает важность представлений П. Бурдье для феминистских теорий гендерной идентичности, затрагивающих вопросы биологического детерминизма (McNay 1999). Теория габитуса получила развитие в отечественной социологии в том числе применительно к молодежным исследованиям (Костерина 2008). Трудовая сфера может быть рассмотрена как специфическое поле, где внутренний мир объективируется в человеческом поведении через габитусы (Гончарова 2003; Ваньке 2013).

На современном этапе семья выступает как один из институтов дотрудовой социализации. Семью также можно считать базовой структурой, в которой начинается процесс гендерной социализации и формирование специфического габитуса с представлениями о возможных, приоритетных сферах труда.

Данные и метод

В октябре-декабре 2022 г. была проведена серия биографических интервью с женщинами, занятыми в сфере ИКТ. Согласно информации Федеральной службы труда и занятости, помимо разработчиков программного обеспечения в группу специалистов в сфере ИКТ входят администратор баз данных, менеджеры по информационным технологиям, по продажам информационно-коммуникационных систем, системный администратор, специалист по большим данным, специалист по вебдизайну (разработчик Web и мультимедийных приложений), специалист по интернет-маркетингу, специалист по тестированию в области информационных технологий (Информационные и коммуникационные технологии 2015).

Выборка целевая, сформированная методом снежного кома. Всего собрано 12 интервью (n=12). Все участницы исследования — это представительницы профессий, относящихся к циклу разработки программного обеспечения (разработка, тестирование, аналитика, руководство). Среди респонденток были инженеры по тестированию, программный аналитик, разработчики программного обеспечения, руководители отдела (тим-лиды). Возраст респонденток от 28 до 46 лет (медианный возраст 36 лет), стаж работы в сфере ИКТ от 9 до 24 лет (средний стаж 14,5 лет). Все респонденты — представители ИТ-компаний Нижнего Новгорода (на момент интервью базировались в городе или релоцировались). Продолжительность интервью от получаса до полутора часов.

На этапе обработки полученных данных применен метод контент-анализа с использованием специализированного пакета Лекта. Базовый словарь (объем слов всех интервью) составил 57 000 слов. Один из этапов обработки текстов в пакете Лекта — составление словаря. Словарь представляет собой набор семантических цепочек, где одна цепочка — перечень однокоренных и близких по значению информативных слов. Объем словаря для изучения интересующей нас проблемы насчитывает 167 семантических цепочек.

Слова для рабочего словаря выбирались по двум основаниям. Во-первых, в соответствии с теоретико-методологической рамкой. Например, зная, что существует культурный капитал, мы поместили туда слова, касающиеся

кружков, секций, внешкольных активностей. Во-вторых, по частоте встречаемости выбирались наборы слов, которые встречаются в массиве более 15 раз. На этапе работы с фильтрами для оптимизации словаря были удалены слова, которые встречаются во всем массиве от 0 до 1 %. Как указано в описании, в результате осталось 167 семантических цепочек.

Завершающий этап обработки текстов в пакете Лекта связан с проведением факторного анализа. Количество факторов выбиралось по анализу графика scree plot. В результате получено 30 факторов, объясняющая способность модели 47 %. При анализе в один фактор объединяются сильно коррелирующие между собой переменные, как следствие происходит перераспределение дисперсии между компонентами и получается максимально простая и наглядная структура факторов (Иудин, Зернов 2012).

Все полученные факторы были разделены на три группы: факторы семейной социализации, образовательные факторы и факторы на этапе выхода на рынок труда. С одной стороны, при анализе рекрутинга женщин в сферу ИКТ необходим учет трех групп факторов. С другой стороны, возможен поступательный анализ институтов семьи, образования и труда в контексте биографий женщин, занявших прочные позиции в сфере ИКТ.

Статья посвящена анализу семи факторов. Один фактор представляет собой набор лексем с факторными нагрузками (табл. 1) и перечень цитат, которые относятся к этому фактору. На этапе интерпретации для каждого фактора были выбраны цитаты, которые мы связали с теоретической рамкой. Поскольку, биографическое интервью — это качественный метод, то мы подходим к интерпретации в соответствии с логикой качественного исследования. Если все цитаты, относящиеся к данному фактору, имеют приблизительно одинаковый смысл, берется одна-две. Если цитаты иллюстрируют вариативность, то берутся цитаты для каждого варианта, чтобы его показать.

Все представленные факторы касаются семейной социализации женщин, занятых в ИТ-сфере. Почти все респондентки выросли в семье с одним или двумя родителями, исключение составляет лишь одна — в дошкольном возрасте ее удочерила тетя, родная сестра умершей мамы.

Ограничения исследования

В центре нашего внимания карьерные траектории женщин, пришедших в стереотипно мужскую сферу. Собранный материал дает возможность описания отдельных случаев без возможности обобщений и выявления распространенности тех или иных сюжетов. С увеличением числа респонденток спектр выявленных сюжетов мог быть шире. Исследование имеет географическую специфику и ограничивается Нижним

Новгородом. До 2022 г. в городе базировались три крупнейших ИТ-компании («Мера», «Телма», «Интел»), создавались специализированные центры и кластеры (Нижний Новгород — цифровая столица России 2023).

Нижний Новгород долгое время был закрытым городом, где велись инженерные разработки, что обусловило специфику образовательного ландшафта, большое количество вузов, ориентированных на подготовку инженеров. С учетом возраста и трудового стажа респондентов важно понимать, что восприятие каких-либо аспектов отношения с семьей или получения образования могло видоизмениться или трансформироваться со временем.

Считаем важным найденный материал для понимания роли семьи в профориентации и формировании профессиональных траекторий, для формулировки гипотез о влиянии выявленных факторов на рекрутинг женщины в ИКТ.

Результаты

В таблице 1 представлены все факторы и образующие их лексемы, которые описывают специфику семейной социализации. В контексте проведения контент-анализа сюжет или тема это понятие, которые мы используем для описания полученных результатов (Иудин, Зернов 2012: 34). Каждый фактор содержит в себе не просто аспект изучаемой проблемы, но ее различные варианты.

Таблица 1

Семейные факторы социализации женщин, занятых в сфере ИКТ

Фактор	Нагрузка	Лексема
Культурный капитал	–0,8169	внешкольная
	–0,758	деятельность
	–0,493	художественная
	–0,4894	занятия
	–0,479	музыка
	–0,4612	ходила
	–0,4301	школе
	–0,2991	язык
Поведение семьи в ситуации школьных сложностей	0,2733	мозг
	0,38	тетя
	0,408	интерес
	0,4736	проблем
	0,6456	литература
	0,6472	книги

Продолжение табл. 1

Фактор	Нагрузка	Лексема
Социально-экономический статус семьи	0,2658	специальность
	0,3136	гуманитариев
	0,4722	родители
	0,7242	папа
	0,7639	мама
(Не) понимание сферы как элемент культурного капитала	0,2254	ученик
	0,2482	плохо
	0,5414	дом
	0,5763	компьютер
	0,6605	бабушка
Капиталы семьи в получении высшего образования	–0,736	репетитор
	–0,643	кафедра
	–0,6272	дедушка
	–0,5688	магистратура
	–0,502	научный
	–0,3459	параллельно
Эмоциональный капитал в семье	0,3751	сдала
	0,4331	бухгалтер
	0,4349	мехмат
	0,5303	тяжело
	0,5676	поддерживали
	0,7142	переживали
(Не) понимание сферы как элемент культурного капитала	0,2254	ученик
	0,2482	плохо
	0,5414	дом
	0,5763	компьютер
	0,6605	бабушка
Гендерный габитус семьи	0,6927	семья
	0,7757	знания
	0,7891	гендерные
	0,85	свободу

П. Бурдье и Ж. Пассрон в работе «Воспроизводство» обозначают возможные детерминанты учебной карьеры на этапе начального, среднего, высшего и послеуниверситетского образования. Среди таковых выделяется место жительства, условия жизни, этос, социальный капитал (Бурдье,

Пассрон 2007: 94). Можно видеть, что при анализе учебных карьер П. Бурдье и Ж. Пассрон рассматривают совокупное воздействие капиталов и структур. Следуя этой логике, все полученные нами факторы можно разбить на две условные группы: во-первых, факторы, связанные с семейными капиталами; во-вторых, структурные факторы. В процессе социализации мы приобретаем знание об окружающих нас структурах. Социализация может быть процессом уподобления человека структуре. и труда. Структурные факторы можно разделить на те, которые связаны с внешними структурами (классовая, образовательная, трудовая) и с внутренними. Под внутренней структурой понимается семейный габитус как структура, структурирующая семейные практики. Следуя логике П. Брудье (Бурдье 2007: 33), под семейным габитусом мы понимаем множество черт, которыми обладает семья, как результат некоторого опыта. Одним из элементов габитуса будут образовательные и гендерные установки семьи. В нашей логике анализа мы рассматриваем капиталы и работу структур как комплексную основу практик на каждом этапе дотрудовой социализации: школа, вуз, выход на рынок труда.

Школу можно рассматривать как одну из базовых структур, с которой сталкивается семья в ходе взросления ребенка. Один из факторов, выделенных нами в ходе анализа интервью, мы обозначили как *Культурный капитал*, его составили лексемы *внешкольная, деятельность, художественная, музыка, школа*.

Этот фактор включает в себя несколько подсюжетов, которые можно соотнести с типами культурного капитала. Несмотря на то что лексема «школа» имеет меньшую факторную нагрузку, именно школьное обучение создает рамку для получения общего и дополнительного образования. Школу можно рассматривать в контексте институционального культурного капитала, связанного с образовательными квалификациями (Бурдье 2002: 60). Приобретение культурного капитала требует от семьи определенных действий. Для получения аттестата ребенком семье необходимо принять решение о выборе школы, форме обучения, необходимости перевода в специализированную школу (лицей, гимназия) в старших классах в соответствии с интересами и способностями ребенка. В нашей выборке встречаются выпускницы непрофильных школ, гуманитарных гимназий, специализированных классов в общеобразовательных школах и специализированных лицеев. Упоминается выбор школы по территориальному принципу — это могла быть как общеобразовательная, так и профильная школа:

> *Обычная школа. Родители выбрали ее, потому что она была близко к дому* (программист 3 категории, 36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет);

Это были две профильные физико-математические школы, 82-я ипотом технический лицей. Первая из них была в соседнем доме. Потом мы переехали в верхнюю часть города, лицей был в 20 минутах ходьбы. Родители участвовали в смене школы (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Помимо территориальной близости могли учитываться статусные характеристики школы: «*С 1 по 11 класс я училась в языковой гимназии. Она была близка к дому. Это хорошая школа, одна из лучших в городе. Там учился мой отец*» (мидл-разработчик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет). Упоминался также и случайный выбор школы:

Физико-математическая школа была близка к дому, но это было дело случая. В тот момент, когда нужно было идти в 1 класс я относилась к другой школе. Но со мной в доме жила девочка. Ее бабушка очень хотела, чтобы мы ходили вместе, и она пошла сама и договорилась чтоб нас взяли в ту школу. Никто из моей семьи специальных шагов не предпринимал (инженер по автоматизации тестирования, 40 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Приобретение культурного капитала также связано с внеучебной деятельностью. М. Джэгер (Jæger 2009) замечает, что передача культурного капитала от родителей к детям может осуществляться как пассивно («в ходе социализации»), так и через активные действия (Jæger 2009). В ходе интервью мы зафиксировали, что все респонденты были включены во внеучебную деятельность, отличия при этом наблюдаются во включенности родителей.

Есть сюжеты, где родители не принимают активного участия (поиск активности, сопровождение или оплата): «*У нас была детско-юношеская спортивная школа, куда мы ходили после уроков на секции. Просто легкая атлетика. Это было бесплатно*» (инженер по тестированию, 33 года, стаж работы в отрасли 12 лет)**.** Также найден сюжет, где родители не оказывали поддержки во внешкольной деятельности, что сказывалось на приоритетах ученицы:

Я ходила на кружки, их было немного. Но у меня родители считали… Моя мама в своем детстве очень много ходила по кружкам, и она говорила, что это очень отвлекало от учебы, не было времени на уроки. Поэтому я ходила мало по кружкам. Больше учебой занималась (программист 3 категории, 36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет).

В таком контексте культурный капитал помогает формировать школа:

У нас была очень интересная школа, было развито скаутское движение. Мы занимались мероприятиями для параллелей. У нас были кураторы на параллелях. Они занимались нами помимо школы. Школа называлась центр развития личности. У нас было много мероприятий. Мы делали лагеря для младших школьников, сами ездили вожатыми (старший инженер по тестированию, 46 лет, стаж работы в отрасли 24 года).

Также выделены сценарии активного участия родителей в приобретении детьми инкорпорированного культурного капитала. Такой тип культурного капитала связан с освоением культуры, работой над собой, самосовершенствованием (Бурдье 2002: 61). В процессе инкорпорирования приобретаются компетенции, связанные с пониманием «высоколобой» культуры (Katsillis, Rubinson 1990), формируется опыт *культурного участия* (Jæger 2009) (посещение театров, лекций, музеев, галерей, концертов):

Мама у меня музыкант, она инициировала культурное образование. С ней посещали музеи, театры, художественную или музыкальную школу. Школы искусств не закончила, но все на уровне расширения кругозора (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Инкорпорированный культурный капитал связан не только с культурным участием (посещением мероприятий), но и с обучением в музыкальной или художественной школе, театральной студии, занятиями декоративно-прикладным искусством, танцами (Bodovski 2010; Dumais 2002). Дополнительное обучение, согласно наблюдениям С. Думаис, во многом связано с инициативой и активным участием родителей. Они должны быть осведомлены о потенциальных доступных видах деятельности, готовы и способны платить за них, выделять время, необходимое для поддержания такого долгосрочного культурного обучения, связанного с сопровождением ребенка на занятия (Dumais 2002)

В ходе интервью прозвучало несколько вариантов этого сюжета. Родители поощряли интересы детей, но не настаивали на завершении обучения, получении аттестата:

Немножко музыкальной школы, немножко художественной школы. Потом в 8 классе я поступила на курсы программирования при местном университете. Перебирали разные занятия (мидл-разработчик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет).

Родные требовали завершения обучения, получения аттестата:

У меня стоит дома фортепиано, я захотела в музыкальную школу. Тетя спросила, точно ли я этого хочу? Не будет возможности уйти

оттуда, ты должна ее будешь закончить. Никаких через год надоело, расхотела (руководитель отдела, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

То есть семья инициировала получение не только инкорпорированного, но и институционального культурного капитала.

Обучение — длительный процесс, в ходе которого ребенок может столкнуться с различными сложностями. Выявлен фактор *Взаимодействие семьи и школы. Поведение семьи в ситуации школьных сложностей*, образованный лексемами *мозг, проблемы, интерес, книги*. Один из аспектов образовательных проблем связан с когнитивными способностями, которые лежат в основе обучения. Р. Нэш выделяет когнитивные и некогнитивные составляющие габитуса. Когнитивный габитус — предрасположенности, включающие «навыки, связанные с классификацией, запоминанием, формированием концепций, решением проблем и т.д.» (Нэш 2005: 604). Эти способности, с одной стороны, имеют биологическую природу, связанную с организацией нервной системы. С другой стороны, являются результатом специализированных практик социализации, направленных на развитие специфических формы мышления (Нэш 2003: 174).

Поведение семьи в ситуации школьных сложностей можно рассматривать как элемент семейного габитуса. Родители в соответствии со своими схемами мышления, хотели бы видеть ребенка успешным в той же сфере, что и они сами:

Мама преподавала музыку. Ей очень хотелось, чтобы я в ее области была успешна. Мама считала, что это хорошая профессия для женщины (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Такие ситуации могут проживаться родителями без влияния на образовательную стратегию ребенка:

В какой-то момент мама увидела, что у меня хорошо идет все, что касается по математики, логики. Ее музыкальных задатков у меня нет. Дальше я пошла уже по стезе математики, физики (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Выявлены сценарии, когда родители, видя неуспешность ребенка, стараются изменить образовательный трек в целом (например, обучение в техникуме после 9 класса):

Родители были уверены, что обучение в школе у меня не складывается. Семья медиков, художников, они не могли представить, что у них появится ребенок с математическим складом ума. Могли оценивать только гуманитарные предметы, которые, можно сказать, не блистали в школе. Родители делали вывод не совсем корректный,

настаивали на техникуме. В техникуме благодаря правильному обучению, правильным учителям я стала отличницей с самого 1 курса (инженер по тестированию, 36 лет, стаж работы в отрасли 17 лет).

Образовательные сложности находятся на стыке отношений институтов семьи и школы. Образовательные структуры предъявляют определенные требования к родителям. В этих стандартах подчеркивается важность того, чтобы родители были активными, вовлеченными, напористыми, информированными защитниками своих детей (Lareau, Weininger 2003: 589). В интервью говорили о формах такого участия, где проявляется семейный габитус. Контроль выполнения домашних заданий:

В школе мне нравилось учиться. Бывало, плохие оценки приносила, родители, конечно, ругались. Папа спрашивал всегда уроки, если какие-то сложности, можно было его спросить (программист 3 категории, 36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет).

Помощь по предметам, которые давались сложно:

Мне литература давалась сложно, я не любила это. Но тетя настаивала, чтобы я писала сама, потом она читает, отдает мне с поправками. Я переписываю опять иду к ней. Мы за неделю сочинение могли переписать раз десять (тим-лид, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

Можно зафиксировать различную степень активности родителей во взаимодействии с учителями. Точечное взаимодействие с учителями «проблемных» дисциплин при общем невмешательстве:

Мои родители не занимаются моей учебой с начальной школы. Это какие-то точечные моменты. У нас была в школе учительница по географии, которая считала, что это самый главный предмет. Заставляла нас зазубривать карту с высотами. К ней подходили и родители, педагоги. Все в какой-то момент это приняли как данность (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет)

Активное участие в решении сложностей, вплоть до смены педагога в системе дополнительного образования:

У меня в музыкальной школе была преподавательница такая очень жесткая женщина. Она почему-то считала, что я какой-то талант и давала материал для более старшего возраста. Я очень устала от нее, не успевала делать домашнюю работу в школе. Тетя видела, что это влияет на мою учебу. В 5 класс музыкалки я не хотела идти, но тетя настояла, чтобы я сходила на 1 сентября. Видимо, она что-то

сделала. Я прихожу на 1 сентября в 5 класс, у меня другая учительница молодая, классная. Я продолжила заниматься (тим-лид, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

Одна из ключевых развилок во взаимодействии институтов образования и семьи и следующий этап взросления — выбор траектории послешкольного образования (этап вуза или суза). П. Бурдье видел связь между образованием и классовой системой, подчеркивая, что образование служит средством консервации отношений власти (Бурдье, Пассрон 2007: 17), способствуя воспроизводству стиля жизни господствующего класса. П. Димаджио придерживался противоположной точки зрения, видя в образовании возможности преодоления неравенства (DiMaggio, Mohr 1978).

М.М. Соколов и М.Е. Илле обращают внимание, что класс связан с положением на рынке труда, а статус — с образом жизни, соответствующим этому положению (Илле, Соколов 2018а). В ряде исследований фигурирует термин «социально-экономический статус семьи», измеряемый как совокупность родительского образования, профессионального престижа и семейного дохода-связан с образовательными ожиданиями родителей и согласованным воспитанием (Bodovski 2010). Социально-экономический статус включает образование отца/опекуна-мужчины, образование матери/опекунши-женщины, род занятий отца/опекуна-мужчины, профессия матери/женщины -опекуна и доход домохозяйства (Dumais 2006).

У всех респонденток высшее образование, только две участницы учились на вечернем отделении (одна из них после техникума), остальные на дневном. Есть сюжеты, характеризующие как воспроизводство уровня образования (оба родителя или один из них имеют высшее образование). У нескольких человек было повышение уровня образования по сравнению с родителями (высшее образование респондента при отсутствии высшего у родителей).

Фактор *Социально-экономический статус семьи* образован лексемами *специальность, гуманитарии, родители, папа, мама*. Лексема *специальность* первая в этом факторе, она касается сюжетов, связанных со специальностями как респонденток, так и их родителей. Специальности респондентов связаны с физикой, радиофизикой, математикой, кибернетикой. Род занятий большинства родителей — квалифицированный интеллектуальный труд (должности экономиста, бухгалтера, химика, врача, музыканта, дизайнера, учителя, директора библиотеки, инженера), только у одной из респонденток отец занимал позицию рабочего. От родителей исходила важная мысль о важности хорошего образования. Респондентки

не раз отмечали, что родители связывали хорошее образование и достойное будущее.

При выборе специальности выявлены различные семейные практики. Один из элементов практик — озвучивание родителями своих предпочтений относительно направления обучения ребенка. В семье может проходить активное обсуждение приоритетов школьника и родителя: «*Родители повлияли. Говорили, что лучше развиваться в техническом направлении, чем в гуманитарном*» (программист 3 категории, 36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет). Прямое указание направления: «*Тетя всегда говорила, что нужно идти по технической специальности. — Я хочу быть программистом. — Да, отлично, будь*» (тим-лид, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет). Стратегия «от обратного», когда родители обозначают, что не одобряют определенную профессию: «*Спорили с мамой, потому что я еще рассматривала профессию учителя. Мама была сильно против, потому что низкие зарплаты, тяжелая работа*» (продуктовый аналитик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет).

Другая ветвь, когда родители не имеют предпочтений или не озвучивают их. Возможно активное одобрение выбора, сделанного ребенком (стратегия активной поддержки): «*Родители всегда озвучивали, что я могу выбирать свободно. Я так, наверное, и услышала. Всегда могу с ними обсудить какие-то новые вещи, которые они поймут*» (инженер по автоматизации тестирования, 40 лет, стаж работы в отрасли 17 лет). Возможна стратегия нейтралитета, неактивного одобрения: «*Выбор специальности — это мой выбор. Они сказали хорошо, хочешь туда, давай туда*» (системный аналитик, 38 лет, стаж работы в отрасли 11 лет) или безразличия:

> *Мы были, как это называется, самостоятельные, взрослые. Я не спрашивала у родителей никаких мнений. Я даже не уверена, что мама знала, где я учусь. Могла знать, что университете и факультет связан с компьютером, это максимум* (старший инженер по тестированию, 46 лет, стаж работы в отрасли 24 года).

Понимание специфики сферы связано с образовательным капиталом (Бурдье 2018: 82) родителей как составляющей культурного капитала. При обсуждении профиля обучения ребенка в семьях возможна разная степень непонимания сферы. На основе понимания/непонимания специфики технических специальностей возможны несколько стратегий родительской поддержки при выборе послешкольной образовательной траектории: поддержка, нейтралитет, конфликт.

Если родители или другие родственники получили близкую специальность, они поддерживали выбор дочери. Такую стратегию можно

рассматривать как институциализированную форму культурного капитала. В этом случае речь идет о профессиональных инженерных династиях и *стратегии поддержки* получения образования в этой сфере:

> *У меня было две картинки перед глазами. Мама — учительница музыки. Папа — программист, радиофизик. Как любой ребенок ты то у одного на работе, то у другого. Было четкое понимание, что тем, чем занимается моя мама, я заниматься не хочу. А то, чем занимается папа, мне очень понравилось* (тим-лид, 39 лет, стаж работы в отрасли 20 лет).

Родители поддерживали своих дочерей исходя из мыслей о том, что техническое образование более конкурентоспособное на рынке труда, чем гуманитарное.

Стратегию нейтралитета можно проиллюстрировать примером, когда выбор специальности вызывает недоумение, но попыток отговорить от обучения не предпринимается:

> *Когда я выбрала физический факультет, астрономию, мама не понимала, зачем. Может, рассчитывала, что я поступлю во что-то более ей понятное. Чтобы она могла мне помогать, участвовать в моей жизни* (инженер по автоматизации тестирования, 40 лет, стаж работы в отрасли 17 лет).

Стратегия конфликта была зафиксирована у одной из респонденток. Это была ситуация, когда успехи вне гуманитарной области не расцениваются всерьез, родственники не упускали возможности отговорить от развития в неизвестной им области:

> *Они в целом не понимали эту сферу. Какое ИТ, что это за компьютеры? Доходило до того, что я говорила, что хочу купить компьютер. Мне говорили, что это опасно, вредно, нельзя домой приносить* (инженер по тестированию, 36 лет, стаж работы в отрасли 17 лет).

Такие наблюдения вносят уточнение в результаты Д.Л. Константиновского, Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чередниченко, которые выяснили, что родители, занятые на рабочих позициях, не обладают достаточными образовательными компетенциями и материальными ресурсами, чтобы помочь детям в получении высшего образования. В силу ресурсности их дети получают высшее образование, но возможны промахи с выбором специальности (Константиновский, Вознесенская, Чередниченко 2014).

В ходе выстраивания образовательной траектории важную роль играют семейные капиталы. Фактор *Капиталы семьи в получении высшего*

образования образован лексемами *репетитор, кафедра, дедушка, магистратура*. Оплата курсов и репетиторов при поступлении — достаточно распространенная практика использования экономического капитала:

> *Для поступления в институт надо было ходить на курсы именно в университет. Родители предложили поехать, записаться. Это был максимум их участия* (системный аналитик, 38 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

> *Помимо школы я занималась с репетиторами. Мне повезло в школе, что у нас были сильные учителя, но все равно без репетиторов никуда в старших классах* (программист 3 категории, 36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет).

Социальный капитал на этапе поступления выражен в советах друзей семьи, беседах родителей с учителями о возможных стратегиях поступления.

В контексте рассуждения о том, к какой форме капитала следует отнести участие родителей в образовании детей, мы находим важную развилку. На этапе школьных сложностей вовлеченность родителей в образовательный процесс А. Ларо и Е. Венингер рассматривают как элемент культурного капитала, поскольку это связано с использованием отдельными лицами знаний, навыков и компетенций при взаимодействии со структурами и институционализированными стандартами оценки (Lareau, Weininger 2003: 569). В то же время Макней связывает участие в образовании ребенка с социальным капиталом (McNay 1999). В ходе интервью выявлены примеры, когда социальные связи членов семьи продолжают играть роль уже во время обучения ребенка в вузе:

> *Старшие родственники, бабушки, дедушки, особенно дедушка, который работал на кафедре, постоянно бросались мне помогать. Решать какие-то проблемы по своим каналам. Меня это тяготило, потому что мне хотелось заработать собственную репутацию в вузе. К магистратуре контроль закончился*» (мидл-разработчик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет).

Со стороны вузов нет требования вовлеченности родителей как обязательном элементе процесса обучения. В таком контексте о помощи детям в процессе получения высшего образования следует говорить как о социальном виде капитала.

М. Зембилас в качестве формы социального капитала рассматривает капитал эмоциональный, который может быть выражен в поддержке, терпеливости, эмпатии (Zembylas 2007). В ходе обучения в вузе родители

по словам респондентов проявляли беспокойство в разных ситуациях. Например, в период сессии, наличии пересдач:

> *Родители переживали не за оценки, а за то, сдала или не сдала. Был важен больше сам факт, что я учусь, сдаю сессию, прошла на следующий курс. Я думаю, что, конечно же, они переживали, но в сам учебный процесс не вмешивались* (системный аналитик, 38 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

Реакцию и поддержку вызвали эмоции ребенка после экзамена: «*Они переживали, если я пришла с экзамена зареванная. Могли сказать, чтобы не переживала, пересдать можно*» (старший инженер по тестированию, 46 лет, стаж работы в отрасли 24 года).

Помимо эмоциональной поддержки семья обеспечивала быт, создавала условия для обучения и подготовки:

> *Я иногда делилась, что у меня ничего не получается. Было видно, что мне тяжело, когда экзамены нужно было каждый день сдавать. У меня есть младшие сестры, мама им говорила, чтобы не трогали, не отвлекали* (продуктовый аналитик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет).

Также выявлена готовность принять ребенка на переходный период в случае смены специальности в вузе: «*Первое время было очень сложно. Родители говорили: если совсем тяжело, бросай, приезжай обратно, смени специальность. Я говорила, что дойду до конца*» (инженер по тестированию, 33 года, стаж работы в отрасли 12 лет).

Определенную роль в выборе технических специальностей будет играть осведомленность родителей. Фактор *(Не) понимание сферы как элемент культурного капитала* образован лексемами *ученик, плохо, дом, компьютер, бабушка*. Наиболее сильная факторная нагрузка у лексемы *ученик*. Именно в процессе обучения, когда ребенок получается новый статус, родители видят его в образовательной сфере, реагируют на его успехи или неуспешность.

Помимо информации о семейных капиталах выявлен блок, касающийся семейного габитуса. В интерпретации С. Думаис габитус семьи проявляется в понимании важности образования, ожиданиях от детей образования определенного уровня (Dumais 2006: 90). В ходе интервью важность образования фигурировала как сама по себе (ценность): «*Тетя прилагала много усилий, чтобы я выросла образованным человеком. Был план, план благополучно удался*» (тим-лид, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

Одна из участниц исследования призналась, что, несмотря на поддержку в целом, родители достаточно легко согласились с формой вечернего обучения и не настаивали на обучении на дневном. В семье не обсуждали важность формата получения высшего образования:

> *Если бы меня поддержали. Сказали, давай ты не пойдешь на вечернее, а пойдешь на дневное. Посмотришь другие факультеты, другие профессии. Может быть, что-то произошло в моей жизни по-другому, необязательно лучше. Но на дневном сама атмосфера другая* (системный аналитик, 38 лет, стаж работы в отрасли 11 лет).

Семейный габитус проявляется в контексте выхода на рынок труда, совмещения работы и обучения: «*Мама была против, чтобы я работала параллельно с учебой. Она хотела, чтобы я целиком доучилась*» (мидл-разработчик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет). В таких случаях важную роль будет играть экономический капитал семьи: «*Родители дали мне возможность сконцентрироваться на учебе, не отвлекаться на подработки аренду квартиры ради того, чтобы просто жить параллельно с учебой*» (мидл-разработчик, 28 лет, стаж работы в отрасли 9 лет).

Одним из измерений габитуса выступает гендер. П. Бурдье подчеркивает, что через телесный экзис осуществляется «политическая мифология», она «инкорпорировалась и превратилась в постоянную диспозицию, устойчивую манеру держаться, говорить, ходить и тем самым — чувствовать и думать» (Бурдье 2001: 58). Л. Макней, анализируя работы П. Бурдье, обращает внимание, что габитус фиксирует включение телесного в социальное, при отсутствии видимой институциализированной дискриминации социальное неравенство насаждается через стремление управлять телами и отношениями индивидов (McNay 1999: 99).

Гендерные установки семьи будут играть определенную роль в семейной социализации. Это может быть путь свободный от стереотипов: «*У нас в семье не было предубеждений, что женщина чего-то не может*» (тим-лид, 35 лет, стаж работы в отрасли 11 лет). Возможны ситуации, когда родители стремятся выстроить образовательную и трудовую траекторию в соответствии с биологическим полом ребенка: «*Для родителей было важно, мальчик я или девочка. Это был достаточно сексистский подход. Если бы я была мальчиком, они бы спокойнее относились ко всему*» (инженер по тестированию, 36 лет, стаж работы в отрасли 17 лет).

Стереотипы в воспитании могут носить не только явный, но и латентный характер: «*Наверное, гендерные различия все равно есть. Я хочу сказать, что мы сейчас разговариваем и, кажется, что гендерных различий нет. Но все равно в какой-то степени они есть*» (мрограммист 3 категории,

36 лет, стаж работы в отрасли 14 лет). Наличие сиблингов идентичного/противоположного пола также играет роль в социализации: «*У меня есть старший брат, его всегда ставили в пример. Он был олимпиадник. Негласно считается, что он более успешный по жизни*» (инженер по автоматизации тестирования, 40 лет, стаж работы в отрасли 17 лет).

Выводы

По результатам серии интервью с женщинами, работающими в сфере ИКТ, можно говорить о том, что роль семейных факторов не ограничивается периодом детства, в послешкольной траектории молодежи роль семьи не ослабевает, а видоизменяется. На протяжении всего образовательного пути ребенка работают семейные капиталы. Культурный капитал реализуется в выборе общеобразовательной школы, направлений дополнительного образования, посещении культурных мероприятий в школьный период, поведении родителей в ситуации школьных сложностей (от контроля выполнения домашних заданий до взаимодействия с учителями сложных предметов).

Экономический капитал выражен в оплате дополнительного образования, курсов и репетиторов при подготовке к вступительным экзаменам, содержании ребенка в период обучения в вузе. Этот тип капитала работает не только в довузовский период. Семейные установки, касающиеся выхода на рынок труда, совмещения работы и учебы, продолжения образования в магистратуре и аспирантуре вносят вклад в формирование учебных и трудовых траекторий молодых женщин. При обучении в вузе достаточная экономическая база позволяет девушкам сосредоточиться на учебе, не отвлекаясь на подработки, увеличить сроки своего обучения (не ограничиваясь бакалавриатом), проходить стажировки и повышение квалификации. Все это способствует накоплению достаточного культурного и социального капитала, обеспечивая трудовой старт с более высоких и выгодных позиций, требующих знаний и опыта.

Социальный капитал семьи проявляется в обсуждении возможных направлений подготовки с друзьями семьи и знакомыми, использование социальных связей для поиска репетиторов и помощи ребенку при обучении в вузе. Социальный капитал может быть функциональным (привлечение связей для решения сложностей) и эмоциональным, выраженном в поддержке.

Социально-экономический статус семьи как элемент социальной структуры играет роль в социализации. Семьи, где родители имеют высшее образование, стремятся к воспроизводству образовательного уровня детьми, транслируя установки о важности образования. Решения семьи

структурируют образовательные и профессиональные практики. Одна из ключевых развилок в этом процессе — выбор послешкольного образования и поступление на технические специальности.

Рекрутинг девушек в образование на соответствующие специальности вузов, а затем в сферу ИКТ сопряжен с культурным капиталом и гендерным габитусом семьи. В сфере ИКТ продолжает играть роль династийность, в некоторых семьях один или оба родителям были инженерами на предприятиях. Это в определенной степени развеяло стереотипы о технической области, а также задало представления о самой работе. Осведомленность родителей об инженерной сфере вносит вклад в формирование образовательной траектории, которая становится основой профессии.

В данных обнаружены три стратегии поведения семьи при выборе вуза и специальности: поддержка, нейтралитет, конфликт. На качественных данных сложно выделить превалирующий сценарий, но можно предположить, что отсутствие стереотипных установок («технологии — это для мужчин»), поддерживающие или нейтральные практики будут способствовать повышению интереса и увеличению рекрутинга женщин в сферу ИКТ. Одна из биографических историй показывает, что даже в ситуации конфликта между семьей и ребенком возможна реализация стремлений девушки к техническим специальностям и занятости в сфере ИКТ. В случае конфликта, когда родители категорически против получения дочерью технического образования, девушке необходимо преодолеть сопротивление семейной среды или отказаться от образовательных и профессиональных притязаний. Перспективными для исследования в таком контексте становятся вопросы: какое количество потенциальных сотрудниц сферы ИКТ отсекают стереотипные семейные представления о женских и мужских профессиях? Какое количество девушек отказываются от образовательных и профессиональных притязаний в ситуации неподдержки семьей их поступления на технические специальности?

Качественные данные не дают информации о распространенности того или иного сценария, но могут быть использованы для дополнения существующих подходов к роли семьи в получении образования и профессиональной ориентации, а также для формулировки гипотез для последующей проверки количественными методами. Представляется интересным оценка распространенности сценария родительской поддержки, нейтралитета или конфликта при выборе специальности среди студентов-инженеров.

В целом если говорить о роли семьи в историях успеха, когда женщины строят карьеру в инновационной, интересной, хорошо оплачиваемой сфере, то семья в первую очередь помогала развивать таланты и органи-

зовать процесс обучения. Образование и профессиональная карьера в семейных представлениях строго отделены от бытовых установок о предназначении женщины. В семье девушки получали знания о разных профессиях через родителей, близких и их сферы занятости. Женщины признаются: несмотря на то что сфера ИКТ не является гендерно-нейтральной, они не сталкивались со стереотипами в родительской семье, что сыграло роль в их рекрутинге.

Литература / References

Бурдье П. (2001) *Практический смысл.* СПб.: Алетейя.

Bourdieu P. (2001) *Practical meaning.* St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Бурдье П. (2002) Формы капитала. *Экономическая социология*, 3(5): 60–74.

Bourdieu P. (2002) Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 3(5): 60–74 (in Russian).

Бурдье П. (2005) *Социальное пространство: поля и практики.* М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Bourdieu P. (2005) *Social Space: Fields and Practices.* Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Бурдье П., Пассрон Ж.-К. (2007) *Воспроизводство: элементы теории системы образования.* М.: Просвещение.

Bourdieu P., Passeron J.-C. (2007) *Reproduction: Elements of the Theory of the Education System.* Moscow: Prosveshchenie (in Russian).

Бурдье П. (2007) *Социология социального пространства.* СПб.: Алетейя.

Bourdieu P. (2007) *Sociology of Social Space.* St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Бурдье П. (2018) *Homo academicus.* М.: Издательство Института Гайдара.

Bourdieu P. (2018) *Homo Academicus.* Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

Ваньке А. (2013) Мужской габитус и телесные практики офисных служащих. Тартаковская И.Н. (ред.) *Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке.* М.: Звенья: 191–203.

Vanke A. (2013) Male Habitus and Bodily Practices of Office Workers. In: Tartakovskaya I.N. (ed.) *Ways of Being a Man. Transformations of Masculinity in the 21st Century.* Moscow: Zvenya: 191–203 (in Russian).

Гидденс Э. (2005) *Социология.* М.: Едиториал УРСС.

Giddens A. (2005) *Sociology.* Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Гончарова Н.В. (2003) «Игры» для мальчиков (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний). *Социологические исследования*, 1: 83–90.

Goncharova N.V. (2003) "Games" for Boys (Gender Aspects of Career Aspirations). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 83–90 (in Russian).

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2015) *12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2015) *12 Lectures on Gender Sociology.* St. Petersburg: European University Press (in Russian).

Илле М.Е., Соколов М.М. (2018a) Статусные культуры в эпоху социальной революции. Культурное потребление в Петербурге, 1991–2011. *Мир России. Социология. Этнология*, 1: 159–182.

Ille M.E., Sokolov M.M. (2018a) Status Cultures in the Era of Social Revolution. Cultural Consumption in St. Petersburg, 1991–2011. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 1: 159–182 (in Russian).

Илле М.Е., Соколов М.М. (2018b) Социальная база культурности: объясняют ли Пьер Бурдьё, Пол ДиМаджио и другие паттерны участия в культурной жизни российского мегаполиса. *Мир России*, 2: 163–188.

Ille M.E., Sokolov M.M. (2018b) The Social Basis of Cultural Participation. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2: 163–188 (in Russian).

Иудин А.А., Зернов Д.В. (2012) *Применение новых информационных технологий при анализе документов в социальной и гуманитарной сфере: учебное пособие.* Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет.

Iudin A.A., Zernov D.V. (2012) *Application of New Information Technologies in Document Analysis in the Social Sciences and Humanities.* Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University (in Russian).

Калабихина И.Е. (2017) Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России. *Женщина в российском обществе*, 1: 5–16.

Kalabikhina I.E. (2017) New Approaches to Measuring the Representation of Women in STEM Education and STEM Employment in Russia. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 1: 5–16 (in Russian).

Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура.* М.: ГУ ВШЭ.

Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture.* Moscow: Higher School of Economics (in Russian).

Кесслер-Харрис Э. (2000) Женский труд и социальный порядок. Гапова Е.И., Усманова А.Р. (сост.) *Антология гендерной теории.* Минск: Пропилеи: 171–189.

Kessler-Harris E. (2000) Women's Labor and the Social Order. In: Gapova E.I., Usmanova A.R. (eds.) *Anthology of Gender Theory.* Minsk: Propilei: 171–189 (in Russian).

Ключко О.И. (2018) Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*, 1: 29–35.

Klyuchko O.I. (2018) Gender Transformations in Socialization and Mentality of Russian Youth. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences], 1: 29–35 (in Russian).

Колесникова Е.М., Куденко И.А. (2020) Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации. *Социологические исследования*, 4: 124–133.

Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. (2020) Interest in STEM Professions at School: Problems of Career Guidance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4: 124–133 (in Russian).

Кон И.С. (2011) Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(1): 51–65.

Kon I.S. (2011) Three in One: Sexual, Gender, and Family Revolutions. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(1): 51–65 (in Russian).

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. (2014) *Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие.* М.: ЦСП и М.

Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2014) *Russian Youth at the Turn of the 20th–21st Centuries: Education, Labor, Social Well-Being.* Moscow: CSPiM (in Russian).

Костерина И.В. (2008) Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11(4): 122–140.

Kosterina I.V. (2008) Constructs and Practices of Masculinity in a Provincial Town: The Habitus of "Normal Guys". *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 11(4): 122–140 (in Russian).

Лебедева Н.В., Савинская О.Б. (2019) Биографический анализ карьерного пути женщин в STEM: проявление дискриминации. *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика.* Иваново: Ивановский государственный университет: 135–141.

Lebedeva N.V., Savinskaya O.B. (2019) Biographical Analysis of Women's Career Paths in STEM: The Manifestation of Discrimination. In: *Gender Relations in the Modern World: Governance, Economy, Social Policy.* Ivanovo: Ivanovo State University: 135–141 (in Russian).

Маркс К., Энгельс Ф. (1986) *Происхождение семьи, частной собственности и государства.* М.: Политиздат.

Marx K., Engels F. (1986) *The Origin of the Family, Private Property and the State.* Moscow: Politizdat (in Russian).

Савинская О., Лебедева Н., Вилкова К. (2022) Гендерные стереотипы и женские стратегии в высшем STEM-образовании: обзор междисциплинарного поля. *Журнал исследований социальной политики*, 20(3): 505–520.

Savinskaya O., Lebedeva N., Vilkova K. (2022) Gender Stereotypes and Women's Strategies in Higher STEM Education: A Review of the Interdisciplinary Field. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 20(3): 505–520 (in Russian).

Савостина Е.А., Смирнова И.Н., Хасбулатова О.А. (2017) STEM: профессиональные траектории молодежи (Гендерный аспект). *Женщина в российском обществе*, 3: 33–44.

Savostina E.A., Smirnova I.N., Khasbulatova O.A. (2017) STEM: Youth's Professional Trajectories (Gender Aspect). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 3: 33–44 (in Russian).

Тартаковская И.Н. (2015) Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа. *Социологические исследования*, 5: 84–93.

Tartakovskaya I.N. (2015) Reproduction of Gender Order Through Career Strategies: An Attempt at an Intersectional Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 84–93 (in Russian).

Фрейжер Н. (2001) От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в пост-социалистскую эпоху. Жеребкин С.В. (ред.) *Введение в гендерные исследования. Часть II.* Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя: 258–288.

Fraser N. (2001) From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in the Post-Socialist Era. In: Zherebkin S.V. (ed.) *Introduction to Gender Studies. Part II.* Kharkiv: KhCGI; St. Petersburg: Aleteya: 258–288 (in Russian).

Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н., Ростовская Т.К. (2020) Технологическая гендерная сегрегация на рынке труда в экономике XXI века: направления исследования. *Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы.* Иваново: Ивановский государственный университет: 9–14.

Khasbulatova O.A., Smirnova I.N., Rostovskaya T.K. (2020) Technological Gender Segregation in the Labor Market in the Economy of the 21st Century: Research Directions. In: *Women in the Professions of the 21st Century: Trends, Problems, Prospects.* Ivanovo: Ivanovo State University: 9–14 (in Russian).

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. (2015) *Молодежь в обществе риска.* М.: Норма; ИНФРА-М.

Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. (2015) *Youth in a Risk Society.* Moscow: Norma; INFRA-M (in Russian).

Шубкин В.Н. (2010) *Социология и общество: научное познание и этика науки.* М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Shubkin V.N. (2010) *Sociology and Society: Scientific Knowledge and the Ethics of Science.* Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing (in Russian).

Bodovski K. (2010) Parental practices and educational achievement: social class, race, and habitus. *British Journal of Sociology of Education,* 31(2): 139–156.

DiMaggio P., Mohr, J. (1978) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection. *Theory and Society*, 5(2):141–161.

Dumais S. (2002) Cultural capital, gender, and school success: The role of habitus. *Sociology of education*, 75(1): 44–68.

Dumais S. (2006) Early childhood cultural capital, parental habitus, and teachers' perceptions. *Poetics*, 34(2): 83–107.

Edgerton J.D., Roberts L.W. (2014) Cultural capital or habitus? Bourdieu and beyond in the explanation of enduring educational inequality. *Theory and Research in Education*, 12(2): 193–220.

Eccles J.S., Baron R.M., Graziano W.G. (eds.) (1990) Gender-role socialization. *Social psychology*. Fort Worth, TX: Holt Rinehart and Winston: 160–191.

Jæger M. (2009) Equal access but unequal outcomes: Cultural capital and educational choice in a meritocratic society. *Social Forces*, 87(4):1943–1971.

Kastillis J., Rubinson R. (1990) Cultural Capital, Student Achievement, and Educational Reproduction. *American Sociological Review*, 55: 270–279.

Lareau A., Weininger E.B. (2003) Cultural capital in educational research: a critical assessment. *Theory and Society*, 32: 567–606.

Maccoby E. (1998) *The Two Sexes: growin up apart, coming together*. Cambridge: Harvard University Press.

McNay L. (1999) Gender, Habitus and the Field: Pierre Bourdieu and the Limits of Reflexivity Lois. *Theory, Culture and Society*, 16: 95–117.

Nash R. (2003) Inequality/difference in New Zealand education: Social reproduction and the cognitive habitus. *International Studies in Sociology of Education*, 13(2): 171–191.

Nash R (2005) The cognitive habitus: Its place in a realist account of inequality/difference. *British Journal of Sociology of Education,* 26(5): 599–612.

Zembylas M. (2007) Emotional capital and education: Theoretical insights from Bourdieu. *British Journal of Educational Studies*, 55(4): 443–463.

Источники

Женщины и мужчины России (2022). *Справочник Росстата*. [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf] (дата обращения: 23.05.2024).

Информационные и коммуникационные технологии (2015). *Справочник федеральной службы по труду и занятости* [https://trudvsem.ru/professions?_page=0&_activity=11] (дата обращения: 23.05.2024).

Нижний Новгород — цифровая столица России (2023). *Нижегородская правда* [https://pravda-nn.ru/long/cipr/] (дата обращения: 23.05.2024).

Обзор ИТ-отрасли по итогам первого полугодия: какие зарплаты платят и насколько сложно найти работу (2023). *HeadHunter* [https://nn.hh.ru/article/31783] (дата обращения: 23.05.2024).

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации в 2017–2023 гг. (2023). *Федеральная служба государственной статистики*. [https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries] (дата обращения: 23.05.2024).

FACTORS OF FAMILY SOCIALIZATION OF WOMEN EMPLOYED IN THE ICT SECTOR

Elena Shinkarenko (elenashinkarenko@fsn.unn.ru),
Alexander Kuramshev**,**
Sofia Vitkovskaya

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

Citation: Shinkarenko E., Kuramshev A., Vitkovskaya S. (2026) Factors of family socialization of women employed in the ICT sector. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 27–55 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.0 EDN: CKUQSK

Abstract. The field of information and communication technologies is one of the most promising, rapidly developing and well-paid areas of employment. On the one hand, working in this sector does not require the use of physical force, which makes it suitable for women. On the other hand, professions related to exact sciences, technology, and computing are stereotypically presented as male. Labor acts as a field of gender, educational, and socio-economic inequality. Based on interviews with women working in the field of information and communication technologies, the subjects related to socialization in the parental family were identified, which contributed to recruitment in this field. Two large blocks are identified: capitals and structural characteristics. The analysis of the capital that the family uses in the process of obtaining a child's school and post-secondary education is carried out. The interview revealed such types of capital as cultural (choosing schools and additional classes, parents' participation in school life, awareness of engineering specialties during the transition from school to university), economic (paying for additional education, courses and tutors in preparation for entrance exams, child support during university studies), social (using social connections for finding tutors and helping a child study at a university, emotional capital). Two subtypes of structural elements have also been identified. First, there are elements that characterize the connection of the family with the social structure as a whole. These include the socio-economic status of the family as an element of the social structure, the educational status of parents, which serves as the basis for reproducing the status of parents or the upward mobility of children relative to their parents. Secondly, the elements of family habitus as a structure structuring employment practices. The elements of the family's habitus are related to attitudes about the importance of education, behavior in a situation of school difficulties, as well as gender attitudes. The range of practices in choosing a specialty may be related to family habit and range from restrictions on choosing one direction or another to neutrality and active discussion.

Keywords: family capital, habitus, life path, professional trajectory, gender division of labor, gender stereotypes, Bourdieu.

КАК ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗОВ РАСПРЕДЕЛЯЮТ ВРЕМЯ: СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ ЗАТРАТ ВРЕМЕНИ[1]

Галина Зиновьевна Ефимова (g.z.efimova@utmn.ru)

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Цитирование: Ефимова Г.З. (2026) Как преподаватели вузов распределяют время: субъективная оценка структуры затрат времени. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 56–91. https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.3 EDN: CPNTIK

Аннотация. Статья посвящена анализу субъективно оцениваемой структуры затрат времени университетских преподавателей на решение рабочих задач. В ней определены ключевые аспекты распределения времени между преподаванием, научной деятельностью, административными обязанностями, общественной нагрузкой и академическим развитием. Цель статьи — проанализировать распределение времени преподавателями между основными видами деятельности и выявить факторы, влияющие на структуру его затрат. Эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса штатных преподавателей, работающих на полную ставку и более, из 15 российских вузов (n=1561). Установлено, что более половины бюджета времени преподавателей посвящено образовательной деятельности, шестую часть занимает научная работа, существенно меньшая доля времени приходится на административные задачи и общественную деятельность, а десятая часть уделяется академическому развитию. Выявлено, что увеличение времени на преподавание приводит к сокращению внимания к другим направлениям работы, при этом главным антагонистом преподавания выступает административно-управленческая деятельность. Обозначены различия в распределении времени в зависимости от пола, возраста и мотивов выбора академической профессии. Женщины уделяют больше времени преподаванию и общественной деятельности, а мужчины — науке. Преподаватели старшего возраста (60+) демонстрируют повышенную вовлеченность в научную работу, что может быть связано с почти полным отказом от общественной и административной нагрузки. Особое внимание уделено влиянию участия вузов в федеральных программах («Приоритет-2030» и «5-100») на структуру бюджета времени. Респонденты из вузов — участников этих программ посвящают научной деятельности больше времени. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации нагрузки преподавателей и совершенствования системы управления персоналом в университетах.

[1] Исследование проведено при поддержке ФГАНУ «Центр социологических исследований» (Социоцентр) в рамках пилотного проекта комплексного исследования образовательных организаций высшего образования — участников программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», посвященного изучению текущей ситуации и перспектив кадровых политик и системы управления академическим развитием научно-педагогических работников (октябрь-ноябрь 2024 г.).

Ключевые слова: бюджет времени, структура рабочего времени, профессорско-преподавательский состав, преподавательская деятельность, научно-исследовательская деятельность, административно-управленческая деятельность, общественная нагрузка, академическое развитие.

Введение

Современная система высшего образования находится в процессе трансформации, обусловленной глобализацией, цифровизацией, изменениями в государственной политике и возрастающими требованиями к качеству образования и научной деятельности. В этих условиях особую значимость приобретает анализ структуры рабочего времени профессорско-преподавательского состава, поскольку сбалансированное распределение времени между преподаванием, научными исследованиями, административной работой, общественной нагрузкой и академическим развитием напрямую влияет на продуктивность вузов и их конкурентоспособность.

Традиционно основная функция преподавателя заключается в передаче знаний студентам. Однако в современных реалиях от него все чаще ожидают (и даже требуют) мультизадачности. Помимо проведения лекционных и семинарских занятий, в структуру его обязанностей входит реализация научных исследований, подготовка публикаций и заявок на гранты, выполнение административных функций, а также вовлеченность в непрерывное саморазвитие (повышение квалификации, освоение новых образовательных технологий) и прочие задачи. В связи с этим важно понимать, как фактически распределяется время преподавателей и насколько это соответствует стратегическим целям университета и интересам самого работника. Несбалансированность нагрузки преподавателей может провоцировать деструктивные последствия (профессиональное выгорание, снижение качества образования и научной продуктивности) и даже спровоцировать его уход из академической сферы.

Отдельного внимания заслуживает академическое развитие. В условиях быстрой смены образовательных технологий (внедрение искусственного интеллекта в обучение и пр.) отсутствие у работников времени на профессиональное, личностное, карьерное развитие способно привести к снижению их устойчивости на рынке труда. В различные периоды академической карьеры варьируется пропорция указанных видов деятельности в графике преподавателя. Поэтому детальный анализ фактической нагрузки необходим для оптимизации бюрократических процедур и перераспределения обязанностей между преподавателями и административным персоналом.

Исследование бюджета времени профессорско-преподавательского состава позволяет высшему менеджменту вузов оценить распределение времени, выявить значимые прекосы в нагрузке, предложить меры для улучшения условий труда преподавателей и повышения конкурентоспособности вузов за счет баланса между образовательной, научной и прочей деятельностью.

Общая загруженность и дисбаланс рабочего и личного времени

Важным условием продуктивности академического работника является «необходимое количество темпорального ресурса, т.е. временны́х затрат» (Зборовский, Амбарова, Каташинских, Кеммет 2023).

Традиционно в научных исследованиях рассматривается бюджет времени работника и измеряется его хронометраж (в часах). В статье мы обращаемся к распределению времени преподавателя между приоритетными направлениями трудовой деятельности (преподавание, научные исследования, административная и общественная нагрузка) и академическим развитием (Ефимова 2025), которое не является непосредственным направлением трудовой деятельности, но способствует качественному осуществлению работы. Примечательно, что указанные виды деятельности не всегда выполняются в течение регламентированного рабочего дня. Так, академические работники существенно превышают количество часов, официально отведенных трудовым договором на решение рабочих задач. Особенно остро эта проблема отражается на молодых исследователях: треть из них работают более 60 часов в неделю (Powell 2016).

В некоторых источниках указывается их аномально высокая ежедневная занятость в начале карьеры — 16 часов без выходных (Forrester 2023). Однако на протяжении карьеры интенсивная загруженность снижается лишь незначительно. Преподаватели сталкиваются с нагрузкой, превышающей 50 часов в неделю (Kenny, Fluck 2019; Hall 2024). Эта тенденция характерна для разных стран (Bentley, Kyvik 2012) и исторических периодов. Так, Л.Н. Мазур проведен анализ отражения в распорядке дня (бюджете времени) трудовых, досуговых, бытовых практик советских ученых (Мазур 2025). Выявлено, что специфическая черта повседневности академических работников — отсутствие жестких границ между трудом и досугом. Происходит это во многом благодаря тому, что для них дом становится рабочим пространством, где создаются статьи и монографии, проводятся эксперименты, ведется подготовка к занятиям со студентами (Мазур 2025; Грибовский 2024), а также идет консультирование аспирантов и докторантов. В СССР в 1925 г. рабочий день профессоров и преподавателей длился в среднем 10,9 часа, при этом треть времени занимала

педагогическая деятельность (37 %), а четверть — научно-исследовательская (25 %) (Мазур 2025).

В 1940-х годах преподаватели в целом работали по 50–65 часов в неделю. Это включало в себя дополнительные часы работы в вечернее время и по выходным (Charters 1942). При этом сохраняется искаженное представление о том, что делает преподаватель и сколько времени у него на это уходит. Высокая трудовая загруженность преподавателя может быть как добровольной (из-за увлеченности научной проблематикой, интенсивной подготовки диссертации или разработки нового учебного курса), так и вынужденной — из-за стремления работника к поддержанию конкурентоспособного положения в академической сфере и сохранения рабочего места.

В академической среде широко распространен дискурс, акцентирующий идею «призвания» и «служения делу», когда деятельность воспринимается как «дело всей жизни», формируя профессиональную идентичность и систему ценностей сообщества (Gould 2024). С одной стороны, сильная идентичность позволяет выдерживать высокие нагрузки. С другой — именно она делает возможным перенос менеджериального давления внутрь личности и нормализацию сверхурочной работы без дополнительной оплаты. Социально-профессиональный статус ученого становится важной частью личности (Forrester 2025; Gould 2024), а академическая деятельность обладает свойством поглощать все доступное время, выходя за рамки стандартного графика (Мазур 2025).

Это может привести к эксплуатации преподавателей в виде вовлечения в невидимый и неоплачиваемый труд, который не учитывается при оценке заслуг (Forrester 2025). Помимо научных исследований и преподавания, они занимаются наставничеством, взаимодействием с общественностью, административной работой, рецензированием учебных и научных работ, выступают на конференциях и пр. Часть этой работы оплачивается, но компенсация за другие виды деятельности потенциально выражается в повышении профессионального статуса в сообществе или улучшении перспектив трудоустройства (Gordon, Willink, Hunter 2024). Административная и общественная деятельность, критически важная для функционирования вузов, остается малооцениваемой при карьерном продвижении научно-педагогических работников (НПР). Согласно результатам зарубежных исследований, женщины и представители расовых меньшинств уделяют значительно больше времени выполнению обязанностей, связанных с работой в кампусе (консультирование, преподавательская деятельность), по сравнению с их коллегами мужского пола и белыми преподавателями. Подобная нагрузка сокращает

временны́е ресурсы, необходимые для повышения квалификации, проведения научных исследований (O'Meara et al. 2017; Rodríguez, Campbell, Pololi 2015). «Многие из этих запросов подаются неформально, без контрактов и документального подтверждения. Это называется "коридорным запросом", когда наиболее отзывчивых и продуктивных преподавателей часто останавливают в коридорах и просят выполнить различные служебные поручения» (Forrester 2025). Некоторая работа, выполняемая преподавателями на постоянной основе, является добровольной и вспомогательной, особенно если они обладают редкими компетенциями (Gewin 2020). Ежегодно на выполнение неформальных служебных ролей у преподавателей уходит 30–50 часов (Kenny, Fluck 2019).

К системным противоречиям академической среды относят колонизацию личного времени преподавателя — работа, выходящая за рамки трудового контракта, становится нормой, что ведет к выгоранию. C. Woolston указывает на такой индикатор расширенного рабочего дня, как время отправки рукописи статьей в научные журналы, заявок на гранты и отчеты по ним. Работа над научными статьями и заявками на гранты в ночные и ранние утренние часы — маркер скрытой сверхурочной занятости как системной проблемы, свидетельствующей о чрезмерной нагрузке и нехватке времени в рабочие часы, что вынуждает переносить научную работу на личное время. Подобный график указывает на неоптимальную организацию труда в вузах, где научная деятельность систематически вытесняется на периферию рабочего графика и осуществляется за счет отдыха сотрудников (Woolston 2017).

В настоящее время феномен перегруженности, сохраняя высокую распространенность, подвергается системной проблематизации как фактор, порождающий дисфункции на индивидуальном и организационном уровнях. Если раньше перегруженность позиционировалась как необходимая для достижения успехов, то сейчас она все чаще оценивается как токсичная (Woolston 2017). Она приводит к дисбалансу профессиональной и личной сфер, что негативно сказывается на благополучии, продуктивности и удовлетворенности работой (Anderson, Slade 2016; Hilton 2017), а также влечет серьезные последствия в виде эмоционального выгорания (Мазур 2025), неудовлетворенности работой (Fuegen 2024) и роста профессионального стресса (Anderson, Slade 2016). Реакцией на эти вызовы становится дифференциация типовых контрактов для преподавателей с разными профессиональными ориентирами, а также развитие рефлексивных практик долгосрочного планирования профессиональной деятельности.

Структурные компоненты рабочего времени

Эмпирические исследования указывают на устойчивую многокомпонентность и значительные различия в структуре бюджетов времени преподавателей. Преподавательская деятельность (подготовка к занятиям, проведение лекций и семинаров, проверка работ и экзамены) занимает до 64 % рабочего времени (Todorovsky 1997; Crespo 2013; Serger 1990; Herman 2013). В российских вузах каждый второй преподаватель расходует на педагогическую деятельность свыше 50 % рабочего времени (Абрамов, Груздев, Терентьев 2017). Научно-исследовательская работа демонстрирует значительную вариативность — от 14 до 45 % (Herman 2013; Todorovsky 1997; Crespo 2013; Serger 1990), что определяется институциональными приоритетами, причем преподаватели нередко жертвуют научной активностью ради выполнения педагогических обязательств (Olejniczak, Andrzejczak 2017).

Административная нагрузка (отчетность, заседания, организационная работа) составляет примерно 6 % (Crespo 2013), а у четверти преподавателей достигает 10 % (Абрамов, Груздев, Терентьев 2017). Вместе с тем отмечается тенденция к завышению оценок времени на административные задачи, что объясняется их высокой субъективной значимостью (Груздев, Терентьев 2016). Профессиональное развитие и общественная деятельность занимают относительно небольшую, но стабильную часть бюджета времени — 5–15 % (Crespo, Bertrand 2013; Toutkoushian, Bellas 1999; Serger, Freivalds 1990).

Распределение времени зависит от институциональных ожиданий, должностного статуса, семейного положения, гендерных и этнических факторов (Escobar et al. 2021; Toutkoushian, Bellas 1999; Allen et al. 2023). Подтверждено, что женщины-преподаватели расходуют больше времени на педагогическую деятельность и вспомогательные функции, в то время как коллеги-мужчины чаще концентрируются на исследовательской работе (Allen et al. 2023). Профессора уделяют больше времени исследованиям, а начинающие преподаватели испытывают особые трудности в распределении времени вследствие давления разнонаправленных требований (Bentley, Kyvik 2012; Hilton 2017).

Анализ распределения рабочего времени в университетах тринадцати стран показал существенные различия (Bentley, Kyvik 2012). В среднем время распределяется так: преподавание (33 %), исследования (39 %), администрирование (15 %) и служение (7 %). Преподаватели в Гонконге, США, Канаде и Германии работают значительно больше (более 50 часов в неделю во время семестра), чем их коллеги в Бразилии и Аргентине

(свыше 46 часов). Наибольшее время исследованиям уделяют в Китае, Италии, Аргентине и Германии; преподаванию — в Финляндии и Малайзии. Высокая административная нагрузка характерна для стран с сильным влиянием «нового менеджериализма» — Великобритания, Австралия, Малайзия (до 16–18 %) (Bentley, Kyvik 2012). В странах со сравнительно высокой академической иерархией профессорские должности предполагают меньше учебных часов и больше административной работы (Bentley, Kyvik 2012).

Реакцией на ускорение академического труда стала концепция «медленной науки» (slow science), развиваемая зарубежными (O'Neill, 2014; Gulland 2024) и российскими (Абрамов и др. 2016) исследователями. Ее сторонники утверждают, что не все аспекты научной деятельности поддаются формальному измерению, а чрезмерная административная отчетность препятствует глубоким исследованиям. В.В. Радаев подчеркивает, что у преподавателя должно быть достаточно свободного времени, т.е. времени, не занятого ничем, которое может и должно использоваться неутилитарно — для собственного развития и свободного полета мысли (Радаев 2015). В мире мгновенной коммуникации необходимо защищать время академического работника, отведенного на размышления.

Стратегии управления временем университетского преподавателя

Стратегии управления временем необходимы для совмещения преподавательских, исследовательских и административных обязанностей, они позволяют снизить уровень стресса, повышая общую удовлетворенность работой (Wang 2023; Bitzer 2007). Для решения обозначенных проблем предлагаются различные подходы. Структурированные модели управления временем (Planning Resource for Infrastructure Development and Evaluation — PRIDE) помогают расставлять приоритеты в задачах (Hilton 2017). Автоматизация административных процессов с использованием информационных технологий способна существенно снизить бюрократические издержки. Модель справедливого распределения нагрузки (Academic Workload Allocation Model — AWAM) перераспределяет время между преподаванием, исследованиями и другими направлениями деятельности (Robertson, Germov 2015). Также исследователями подчеркивается необходимость прозрачной модели рабочей нагрузки для обеспечения достаточного времени для получения стипендий и поддержания академической мотивации (Kenny, Fluck, Jetson 2012). Продуктивные исследователи обычно умеют грамотно распоряжаться своим временем, а успех в академических кругах связан с разумным управлением временем (Sellers-Rubio 2010).

Методология и теоретическая рамка исследования

Методология изучения структуры рабочего времени сопряжена с существенными сложностями. При оценке затрат времени респонденты используют три основные стратегии: реконструкция типичного дня (или недели), процентное распределение времени и стратегия «реперных точек» (Груздев, Терентьев 2016). При этом исследователи указывают на риск систематических субъективных искажений в самоотчетах, включая двойной учет пересекающихся видов деятельности и когнитивные смещения (Груздев, Терентьев 2016).

Учитывая это, в статье мы намеренно отказываемся от использования термина «рабочее время» (за исключением цитирования) в пользу более гибкого понятия «время, затрачиваемое на рабочие задачи», что позволяет учесть диффузный характер академического труда, распространяющегося за пределы фиксированного дня. Мы воздерживаемся от точного хронометража, концентрируясь на субъективном восприятии распределения общего времени (в процентном соотношении) между разными задачами. В данном исследовании проанализирована субъективная оценка преподавателями относительной структуры затрат времени (в процентах, с распределительной шкалой, лимитированной 100 %). Такой подход позволяет выявить приоритеты и конкурентные отношения между видами деятельности, но не дает информации об абсолютной нагрузке в часах. Один и тот же процент времени на преподавание (например, 50 %) у молодого преподавателя и у профессора может соответствовать разной загруженности в часах. Поэтому все выводы, касающиеся перегруженности или дефицита времени, следует интерпретировать как отражение субъективного восприятия респондентами структуры бюджета времени.

Для анализа структуры затрат времени необходима теоретическая рамка, объединяющая такие ключевые социологические и управленческие понятия, как «менеджериализация», «академический капитализм», «невидимый труд», «профессиональная идентичность», «гендерное неравенство» и «институциональная дифференциация вузов». Эти конструкты образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой распределение времени преподавателя становится производным от конфликта институциональных требований, ресурсных ограничений и личных стратегий.

Менеджериализм и академический капитализм задают внешние требования к преподавателю о необходимости быть продуктивным в образовательной и научно-исследовательской деятельности, выполняя отчетные показатели и выдерживая конкуренцию. Эти требования вступают в конфликт с традиционной ориентацией на преподавание и ограничен-

ным временем, порождая ролевое напряжение. Невидимый труд выступает каналом, через который менеджериальные требования превращаются в реальную нагрузку, особенно для женщин. Профессиональная идентичность («я — ученый, это мое призвание») заставляет преподавателя добровольно принимать эту нагрузку, перенося работу на личное время. Гендерное неравенство распределяет виды невидимого труда неравномерно, закрепляя разрывы в исследовательской активности. Институциональная дифференциация вузов (участие в федеральных программах) усиливает или ослабляет давление менеджериализма и академического капитализма.

Цель статьи — проанализировать распределение времени профессорско-преподавательским составом между основными видами деятельности и определить факторы, влияющие на структуру бюджета времени, затрачиваемого на рабочие задачи.

Исследовательские вопросы статьи:

1. Проанализировать, как преподаватели распределяют время между основными направлениями трудовой деятельности.
2. Определить, как различается распределение времени работника на отдельные направления деятельности в зависимости от пола, возраста, мотива выбора академической профессии, приоритетного направления академической деятельности, статуса участия университета в федеральных программах.

Из теоретических положений и эмпирических данных литературы следуют гипотезы.

Гипотеза 1. Об антагонизме преподавания и других видов деятельности. Увеличение доли времени на преподавание приводит к сокращению доли времени на научные исследования, поскольку обе деятельности конкурируют за ограниченный бюджет времени преподавателя.

Гипотеза 2. О гендерном неравенстве. Женщины-преподаватели уделяют больше времени (по сравнению с мужчинами) преподаванию и общественной нагрузке, а мужчины — научным исследованиям (по сравнению с женщинами), что воспроизводит структурное неравенство в академическом капитализме.

Гипотеза 3. О возрастной динамике. Преподаватели старшего возраста (60+) демонстрируют повышенную вовлеченность в научную работу по сравнению с группой 40–59 лет, что может быть следствием сокращения других видов нагрузки (в частности общественной и административной) и накопленного символического капитала.

Гипотеза 4. О мотивации и идентичности. Преподаватели, мотивированные при выборе профессии исследовательским интересом, выделяют

больше времени на науку, чем те, кто ориентирован на передачу знаний или внешние факторы (гибкий график, продолжительный отпуск, стабильность); представители университетских династий демонстрируют более высокие затраты на академическое развитие как форму воспроизводства культурного капитала.

Гипотеза 5. Об институциональном контексте. Участие вуза в федеральных программах («Приоритет-2030», «5-100») увеличивает долю времени преподавателей на научные исследования по сравнению с вузами-кандидатами, так как создает репутационные обязательства и ресурсные стимулы.

Методология и методика исследования

Эмпирическую базу статьи составили результаты исследования образовательных организаций высшего образования-участников программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», посвященного изучению системы управления академическим развитием научно-педагогических работников. Исследование проведено с октября по декабрь 2024 г. среди научно-педагогических работников (НПР) в 15 отечественных университетах, из которых 11 вузов — участники программы «Приоритет 2030» и четыре вуза — кандидаты на участие в программе «Приоритет-2030».

Исходная выборка исследования сформирована на основе анкетного опроса НПР (n=2776), проведенного в онлайн-формате, на платформе «Анкетолог». В выборку вошли сотрудники, занятые научно-исследовательской и/или педагогической деятельностью как в рамках основной деятельности, так и задействованные на долю ставки. В процессе обработки данных для обеспечения репрезентативности и валидности результатов из общей выборочной совокупности нами исключены внутренние и внешние совместители, занятые на часть ставки. Данное решение обусловлено существенными различиями в структуре их трудовой деятельности по сравнению с основным профессорско-преподавательским составом.

Специфика работы совместителей заключается в выполнении ими дополнительных функций, не всегда напрямую связанных с педагогическими и исследовательскими обязанностями. Включение их ответов могло привести к искажениям в оценке исследуемых показателей. В связи с этим для статистического анализа структуры времени, затрачиваемого на выполнение рабочих задач, нами сформирована подвыборка из штатных работников, занятых на должности профессорско-преподавательского состава (на полную ставку и более). Это позволило обеспечить мето-

дологическую строгость и надежность полученных результатов для достижения цели данной статьи.

Окончательная выборка составила 1561 респондента (в том числе 1086 — заняты на полную ставку, а остальные — более, чем на ставку). Генеральная совокупность — профессорско-преподавательский состав российских вузов (N=216 520)[1]. Ошибка выборки — 1,96 %. Возраст респондентов варьировался от 24 до 86 лет, среднее значение — 45 лет, медиана — 44 года.

Исследование охватывает широкий спектр факторов, позволяющих проанализировать различия в структуре рабочего времени преподавателей. В качестве ключевых переменных рассмотрены *демографические характеристики* (пол, возраст), *профессиональные и квалификационные атрибуты* (мотив выбора академической профессии; уровень трудовой активности), *институциональные факторы* (статус и опыт участия вуза в федеральных программах развития университетов), *приоритетное направление академической деятельности* (преподавание, исследование, смешанная модель).

Доля времени, которую преподаватели расходуют на основные виды деятельности, рассчитана на основании самооценки работником времени между разными видами деятельности, используя распределительную шкалу с лимитом в 100 %. Такая конструкция шкалы (фиксированная сумма) порождает композициональную зависимость — увеличение доли одного вида деятельности автоматически уменьшает сумму долей остальных. Это накладывает ограничения на интерпретацию корреляционного анализа, поскольку отрицательные связи между переменными могут быть частично артефактом метода, а не отражением реального вытеснения одних видов деятельности другими. В разделе «Результаты исследования» мы приводим соответствующий комментарий.

Для обеспечения однозначности понимания респондентами категорий «административно-управленческая деятельность», «общественная нагрузка» и «академическое развитие» в анкету включены уточняющие формулировки. «Административно-управленческая деятельность» предполагала заполнение отчетности, участие в заседаниях кафедр, факультетов и ученых советах, работу в приемных и экзаменационных комиссиях, выпол-

[1] Федеральное статистическое наблюдение. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» на начало 2024/2025 уч. г. [https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/].

нение поручений руководства (кураторство, составление справок, взаимодействие с учебным отделом), организационные функции. «Общественная нагрузка» включала работу со студентами вне учебных занятий (наставничество, кураторство групп, организация студенческих мероприятий), участие в профориентационных мероприятиях, экспертизу, рецензирование, организацию научных конференций и методических семинаров, участие в общественных советах, комиссиях и комитетах.

Под «академическим развитием» в данном исследовании понимается целенаправленный процесс профессионального, личностного и карьерного развития преподавателя, включающий углубление предметной и междисциплинарной экспертизы (чтение научной литературы, участие в методологических семинарах, изучение иностранных языков для академических целей), освоение современных педагогических и цифровых технологий (работа на онлайн-платформах, внедрение новых методов обучения), повышение научной продуктивности, развитие управленческих и лидерских компетенций, а также построение индивидуальной карьерной траектории (менторство, участие в программах карьерного консультирования). Таким образом, академическое развитие выходит за рамки формального повышения квалификации, охватывая широкий спектр практик поддержания конкурентоспособности преподавателя и вуза в целом (Ефимова 2025).

При этом следует признать, что даже при наличии в анкете подсказок сохраняется риск субъективной двусмысленности — респонденты могли относить отдельные виды деятельности к разным видам нагрузки (административной или общественной). В связи с этим при интерпретации данных мы учитываем возможность смещения оценок в сторону той или иной деятельности, что является общим ограничением самоотчетных методик.

Исследование имеет и другие ограничения, связанные с субъективностью самооценки респондентов (в том числе когда более сложная или неприятная работа может восприниматься как более масштабная), неравномерной представленностью регионов, перечнем видов деятельности, предложенных респондентам для анализа бюджета времени.

Вместе с тем важным ограничением является использование распределительной шкалы с фиксированной суммой в 100 %. Респонденты оценивали не абсолютное количество часов, затрачиваемых на разные виды деятельности, а их относительное соотношение друг с другом. Это позволяет изучать структурные приоритеты и взаимозамещение видов деятельности (например, антагонизм преподавания и науки), но не дает оснований для прямых выводов о суммарной временной нагрузке в часах. Высокая доля преподавания (например, 70 %) у одного респондента может

сопровождаться нагрузкой на ставку, а у другого — на полторы. Следовательно, в статье фиксируется субъективная оценка структуры временных затрат преподавателей.

Также ограничения связаны с экстраполяцией полученных результатов на университеты, не принимавшие участия в федеральных программах поддержки. Обозначенные ограничения исследования не снижают значимость полученных выводов, но их важно учитывать при последующей интерпретации данных.

Результаты исследования

Обратимся к анализу основных закономерностей в распределении преподавателями времени на выполнение учебной деятельности (подготовка и проведений лекций, семинаров, экзаменов), научной работы (исследования, публикации, конференции), административных обязанностей (заседания комиссий, отчетность, организационная работа), общественной нагрузки и академическое развитие.

В работе преподавателя различные виды деятельности конкурируют за его время. Из-за высокой вовлеченности в трудовые процессы и невозможности решить все поставленные задачи в период рабочего дня работник может продолжать выполнять их в свободное время. Вследствие этого возрастает его рабочая неделя, причем без пропорционального увеличения оплаты. Образовательная функция остается приоритетной в работе профессорско-преподавательского состава, что соответствует основной миссии высшего учебного заведения. Поэтому вполне ожидаемо, что преподавание занимает значительную часть времени академического работника (M=52 %, Me=50 %)[1], ограничивая его вовлеченность в другие виды деятельности.

На научные исследования приходится существенно меньшая доля времени — в среднем 17% (Me=15%). Данный показатель указывает на смещение акцентов в сторону образовательного процесса, при том что научная составляющая остаётся важным компонентом профессиональной деятельности. Административная работа занимает относительно небольшую часть времени преподавателей — всего 8% (Me=0). Общественная деятельность представлена в объеме 11 % (Me=8 %). Это отражает вовлеченность преподавателей в различные социальные и профессиональные инициативы, что способствует развитию университетского сообщества. Профессиональное, личностное и карьерное развитие занимает 10 % времени преподавателя (Me=8 %), отмечая их заинтересованность

[1] Здесь и далее: M — среднее значение, Me — медиана.

в совершенствовании компетенций, что важно в условиях постоянного развития высшей школы и поддержания конкурентоспособности университетов.

В целом анализ распределения времени, затрачиваемого профессорско-преподавательским составом на выполнение рабочих задач, показывает преобладание образовательной деятельности при сохранении существенного внимания к научно-исследовательскому процессу. Полученные средние показатели (52 % — на преподавание и 17 % — на науку) наглядно иллюстрируют центральное противоречие академического капитализма. Несмотря на то что научная продуктивность является главной «валютой» для карьерного продвижения, реальное распределение времени остается ориентированным на преподавание. Это означает, что менеджериальные требования и рыночная логика вступают в конфликт с традиционной миссией университета и ограниченным временем преподавателя, порождая ролевое напряжение. Высокая доля преподавания выступает тем институциональным «ядром», которое вытесняет науку на периферию, заставляя преподавателей переносить исследовательскую работу на личное время.

Корреляционный анализ различных видов деятельности обнаружил, что преподавание имеет значимые отрицательные взаимосвязи со всеми прочими процессами[1]. Преподавание выступает наиболее сильным антагонистом административно-управленческой деятельности (–0,693, $p < 0,01$) (табл. 1). Даже при относительно невысоком количестве часов административная нагрузка имеет качественно высокую «цену» для преподавателя, вытесняя ключевые виды деятельности. Между прочими видами деятельности наблюдается менее значимая корреляционная взаимосвязь. Респонденты с высокой долей преподавания в бюджете времени реже уделяют внимание общественной нагрузке (–0,446, $p < 0,01$) и академическому развитию (–0,474, $p < 0,01$) и научно-исследовательской деятельности (–0,400, $p < 0,01$). Взаимодополняющими направлениями занятости выступают административно-управленческая деятельность с общественной нагрузкой (0,439, $p < 0,01$).

Поскольку респонденты распределяли 100 % времени между пятью видами деятельности, полученные отрицательные корреляции между преподаванием и другими видами деятельности отчасти обусловлены самой конструкцией композициональной шкалы (фиксированной суммой). Это означает, что даже при отсутствии реального антагонизма между видами

[1] При работе с порядковыми шкалами использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

деятельности увеличение доли преподавания механически влечет сокращение суммы остальных долей, что может генерировать ложные отрицательные связи. Тем не менее сила обнаруженных корреляций (особенно между преподаванием и административной деятельностью — –0,693) существенно выше, чем артефакт, ожидаемый от случайного распределения остаточной суммы. Поэтому мы интерпретируем эти связи как отражающие реальное конкурентное отношение между видами деятельности, но с учетом указанного ограничения.

Таблица 1

Корреляционная матрица переменных (по Спирману)

Виды деятельности	**Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности в университете на протяжении предыдущих 12 месяцев (в %)**				
Преподавание	1,000	–0,400**	–0,693**	–0,446**	–0,474**
Научные исследования	–0,400**	1,000	0,375*	–0,023	0,229
Административно-управленческая деятельность	–0,693**	0,375*	1,000	0,439**	0,354*
Общественная нагрузка	–0,446**	–0,023	0,439**	1,000	0,277*
Профессиональное, личностное и карьерное развитие	–0,474**	0,229	0,354*	0,277*	1,000

** Высокий уровень статистической значимости (соответствует уровню $p < 0.01$).

* Статистическая значимость среднего уровня (соответствует уровню $p < 0.05$).

Сильные отрицательные корреляции между преподаванием и всеми другими видами деятельности, особенно с административной работой (–0,693), подтверждают гипотезу 1 о фундаментальном антагонизме преподавания и других видов деятельности. Это эмпирическое доказательство того, что даже при формально равных контрактных условиях, увеличение времени на преподавание механически сокращает возможность заниматься другими задачами. Административная нагрузка, хотя и занимает в среднем лишь 8 % времени, имеет качественно высокую «цену», так как ее рост наиболее сильно вытесняет ключевые виды деятельности.

Демографические характеристики преподавателя

Влияние пола преподавателя на структуру распределения рабочего времени

Обнаружены некоторые закономерности при распределении времени по различным видам деятельности среди мужчин и женщин из числа преподавателей университета. Женщины выделяют на преподавательскую деятельность немного больше времени (54 % против 51 % у мужчин) (табл. 2). Научные исследования занимают у мужчин более заметное место в структуре времени (19 % против 15 % у женщин). Это указывает на тенденцию большей вовлеченности мужчин в научно-исследовательскую работу. Возможными причинами такой ситуации могут быть различия распределения академических ролей, доступность исследовательских ресурсов или сформировавшиеся карьерные приоритеты работников.

Административно-управленческая деятельность у мужчин и женщин занимает идентичную долю времени (10 и 8 % соответственно; медианные значения у обоих полов — 0 %). Это подтверждает, что существенная часть времени преподавателей, независимо от пола, идет на эту деятельность.

Таблица 2

Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности в университете на протяжении предыдущих 12 месяцев в зависимости от пола преподавателя (n=1561)

Пол	% в выборке		Доля времени на различные виды деятельности (в %)				
			Преподавание	Научные исследования	Административно-управленческая деятельность	Общественная нагрузка	Профессиональное, личностное и карьерное развитие
Мужской	34	M	51	19	10	10	10
		Me	50	16	0	5	7
Женский	66	M	54	15	8	13	10
		Me	50	13	0	9	8

Общественная нагрузка выше у женщин (13 % времени против 10 % у мужчин), что может указывать на более частое вовлечение женщин в организацию мероприятий, работу со студентами и другие формы общественной активности.

Профессиональное, личностное и карьерное развитие демонстрируют идентичные значения (мужчины и женщины выделяют на них в среднем 10 % времени), что указывает на схожие приоритеты независимо от пола. Наиболее заметны различия в научной деятельности, где мужчины демонстрируют более высокую вовлеченность, и в общественной нагрузке, в которой активнее участвуют женщины.

Выявленные гендерные различия в распределении времени (женщины больше заняты преподаванием и общественной нагрузкой, мужчины — наукой) подтверждают гипотезу 2. Это не является результатом личного выбора, а представляет собой структурный эффект менеджериализма и академического капитализма. Женщины систематически вовлекаются в «невидимый труд» (наставничество, организация мероприятий, работа в комиссиях) в большей степени, чем мужчины. В логике академического капитализма именно исследовательская продуктивность определяет карьерный рост, следовательно, женщины, будучи перегруженными менее престижными, но необходимыми для функционирования университета видами деятельности, систематически недополучают «время на науку» (15 % против 19 % у мужчин). Эта дифференциация невидимого труда воспроизводит структурное неравенство, несмотря на формально равные контрактные условия.

Возраст преподавателя как детерминанта временных затрат в академической деятельности

Обозначены некоторые закономерности в распределении времени у респондентов разных возрастных групп. Доля преподавательской деятельности возрастает с 46 % у младшей группы респондентов (до 29 лет) до 54–56% в старших возрастных группах, что может быть связано с изменением нагрузки в поздний период карьеры. Медианные значения подтверждают эту динамику, балансируя от 50 % в младшей и 52–54 % в прочих возрастных группах (табл. 3). Доля времени на научно-исследовательскую деятельность сохраняется на идентичном уровне (16–19 %) у сотрудников до 59 лет. Среди работников старше 60 лет наблюдается рост вовлеченности в науку (до 22 %), что определяется как снижением других видов нагрузки, так и работой во главе сформированной научной школы.

Доля общественной нагрузки достигает максимума в 30–39 лет (13 %), после 60 лет снижаясь до 6 %. Медианные значения стабильны (10–11 %)

во всех группах, кроме старшей, что свидетельствует о сравнительно равномерном распределении нагрузки. Максимальное время на академическое развитие выделяют молодые сотрудники (14 %) и респонденты в группах старше 60 лет (12 % времени), снижаясь до 10 % в возрасте 30–59 лет. Это может быть связано с активным развитием карьеры в начале профессионального пути и переориентацией на личностный рост в поздние периоды.

Так, возраст влияет на структуру времени профессорско-преподавательского состава. С увеличением возраста повышается доля преподавания, снижается вовлеченность в исследования (за исключением самых старших сотрудников), а административная и общественная нагрузка остаются относительно стабильными. При этом профессиональное и личностное развитие наиболее выражено у крайних возрастных групп, что отражает особенности различных этапов карьерной траектории в академической сфере.

Возрастная динамика показывает, что преподаватели старше 60 лет выделяют больше времени на научные исследования (22 %), что подтверждает гипотезу 3. Это можно интерпретировать как реализацию академического наследия и использование накопленного символического капитала. Завершая карьеру, они фокусируются на руководстве научными школами и публикациях. Молодые преподаватели (до 29 лет) выделяют больше времени на академическое развитие (14 %), что отражает их стремление к интеграции в университетскую среду и соответствует их карьерным амбициям на начальном этапе.

Профессиональные и квалификационные характеристики преподавателя

Мотив выбора академической профессии как фактор распределения времени преподавателя

Проанализированы тенденции в распределении времени респондентами в зависимости от их изначальных мотивов выбора академической профессии. Методология исследования мотивационной базы профессионального выбора в академической среде предложена нами и концептуально обоснована в предыдущих работах (Ефимова 2024). Наибольшее время уделяют преподаванию работники, изначально мотивированные стремлением к передаче знаний (M=55 %, Me=55 %) и продолжительным отпуском (M=55 %, Me=56 %). Значимую, но сравнительно меньшую по сравнению с другими категориями респондентов, долю времени выделяют на преподавание представители университетских династий и те, кто вы-

Таблица 3

Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности университете на протяжении предыдущих 12 месяцев в зависимости от возраста преподавателя (n=1561)

Возраст	% в выборке		Доля времени на различные виды деятельности (в %)				
			Преподавание	Научные исследования	Административно-управленческая деятельность	Общественная натрузка	Профессиональное, личностное и карьерное развитие
до 29 лет	8	M	46	19	9	12	14
		Me	50	17	2	10	10
30–39 лет	25	M	50	18	9	13	10
		Me	54	20	1	10	10
40–49 лет	33	M	54	16	9	11	10
		Me	52	11	1	9	6
50–59 лет	20	M	56	16	8	10	10
		Me	55	15	1	7	8
старше 60 лет	14	M	56	22	4	6	12
		Me	54	17	0	4	8
Корреляция (Спирман)			0,145 p<0,01	-0,031 p=0,187	-0,114 p<0,01	-0,068 p=0,006	0,012 p=0,613

брал работу в университете из-за перспектив господдержки учреждений высшего образования и молодых ученых (по 48 %) (табл. 4).

Затраты времени на научные исследования показывают менее выраженные различия между группами. Наиболее активно занимаются наукой те, кто изначально мотивирован исследовательским интересом (M=22 %, Me=20 %). У респондентов, выбравших академическую профессию ради желания быть частью академического сообщества, доля времени на исследования остается существенной (M=17 %, Me=15 %).

Административная работа также демонстрирует значительные колебания в зависимости от исходной мотивации при выборе профессии. Максимальные показатели наблюдаются у тех, кто ориентирован на социальный

престиж сферы высшего образования и профессии НПР (M=10 %, Me=0 %), академическую мобильность (M=10 %, Me=0 %) и финансовую стабильность (M=11 %, Me=10 %). Минимальное время на администрирование выделяют представители университетских династий (M=7 %, Me=0 %). Относительно затрат времени на общественную нагрузку заметно выделяется группа, мотивированная при выборе академической профессии наличием государственной поддержки (M=15 %, Me=10 %). Полагаем, это объясняется их вовлеченностью в выполнение работ по грантам.

Затраты времени преподавателей на профессиональное, личностное и карьерное развитие показывают, что наибольшее внимание ему уделяют представители университетских династий (M=20 %, Me=11 %), что свидетельствует о высоких профессиональных стандартах и ориентации на непрерывное совершенствование компетенций, сформированных в таких семьях. Минимальные средние показатели — у респондентов, выбравших профессию ради гибкого графика (M=12 %, Me=10 %).

Исследование выявило общую закономерность: мотивы выбора академической профессии влияют на последующее распределение рабочего времени. Базовые пропорции между основными видами деятельности остаются неизменными во всех группах респондентов. Наиболее стабильными показателями, независимыми от первоначальной мотивации, являются затраты времени на административную и общественную работу.

Полученные данные о том, что преподаватели, мотивированные исследовательским интересом, тратят на науку 22 % времени, а мотивированные передачей знаний — 55 % на преподавание, являются эмпирическим подтверждением гипотезы 4. Профессиональная идентичность выступает медиатором между институциональными требованиями и реальными затратами времени. Те, кто идентифицирует себя с ролью исследователя, добровольно и сознательно выделяют больше времени на науку, даже в ущерб другим видам деятельности. Представители университетских династий, выделяющие на академическое развитие в среднем 16 % времени, демонстрируют воспроизводство культурного капитала, что соответствует логике теоретической модели.

Приоритетный вид академической деятельности и его влияние на эффективность использования рабочего времени преподавателя

Отмечены различия в распределении времени между различными категориями сотрудников университета в зависимости от их приоритетного направления деятельности. Респондентам предложено выбрать вариант ответа, наиболее соответствующий их приоритетам в профес-

Таблица 4

Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности в университете на протяжении предыдущих 12 месяцев в зависимости от мотивов выбора академической профессии

Ключевые мотивы выбора академической профессии (не более трех вариантов ответа)	n		Доля времени на различные виды деятельности (в %, распределительная шкала)				
			Преподавание	Научные исследования	Административно-управленческая деятельность	Общественная нагрузка	Профессиональное, личностное и карьерное развитие
1	2	3	4	5	6	7	8
Общее по выборке	2776	M	47	20	10	11	12
		Me	50	15	0	6	9
Преподаватели, работающие на ставку и более ставки	1561	M	52	17	8	12	11
		Me	50	15	0	8	8
Стремление к передаче знаний студентам	711	M	55	16	8	11	10
		Me	55	13	0	7	9
Интерес к научным исследованиям	587	M	50	22	8	10	10
		Me	50	20	0	8	6
Желание быть частью академического сообщества	179	M	51	17	9	11	12
		Me	50	15	0	6	9
Личное и профессиональное развитие, интеллектуальный вызов академической среды	565	M	52	18	8	11	11
		Me	52	14	10	10	10

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Академическая мобильность	60	M	53	16	10	11	10
		Me	52	12	0	6	5
Гибкий график работы	449	M	54	16	8	12	10
		Me	52	13	0	9	7
Продолжительный отпуск	240	M	55	15	8	12	10
		Me	55	11	0	9	7
Социальный престиж сферы высшего образования и профессии НПР	196	M	51	15	10	12	12
		Me	50	11	0	9	11
Государственная поддержка учреждений высшего образования и молодых ученых	60	M	48	16	8	15	13
		Me	50	12	0	10	11
Особая университетская атмосфера, динамизм трудовой деятельности и работа с разнообразными людьми	481	M	56	16	7	11	10
		Me	54	13	0	9	8
Социальные гарантии и стабильность трудоустройства	184	M	55	14	9	11	11
		Me	56	10	0	7	8
Финансовая стабильность	211	M	51	17	11	11	10
		Me	50	12	0	6	9
Принадлежность к университетской династии	103	M	48	17	7	12	16
		Me	50	15	0	10	10

сиональной деятельности. Эта переменная также служила проверочной при оценке распределения доли времени на различные виды деятельности.

Наиболее многочисленной группой стали сотрудники, в равной степени вовлеченные как в преподавательскую, так и в научно-исследовательскую работу (57 % в выборке). Эта категория респондентов демонстрирует относительно традиционное для высшей школы, распределение времени между основными видами деятельности: 50 % времени уходит на преподавание и 21 % — на научные исследования (табл. 5).

Таблица 5

Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности в университете на протяжении предыдущих 12 месяцев в зависимости от приоритетного вида академической деятельности (n=1561)

Какому виду деятельности Вы отдаете предпочтение?	% в выборке		Доля времени на различные виды деятельности (в %)				
			Преподавание	Научные исследования	Административно-управленческая деятельность	Общественная нагрузка	Профессиональное, личностное и карьерное развитие
Предпочитаю преподавать, а научные исследования для меня тягостны и неинтересны	9	M	57	12	8	12	11
		Me	59	10	0	7	9
Предпочитаю преподавать и заниматься практической деятельностью в своей предметной области	32	M	48	16	7	13	16
		Me	50	15	0	10	10
С одинаковым интересом занимаюсь преподавательской и научной деятельностью	57	M	50	21	8	11	10
		Me	50	20	0	8	8
Преимущественно занимаюсь научными исследованиями, а преподавание мне не интересно	2	M	31	37	7	16	9
		Me	30	35	0	10	8

При более глубоком анализе данных нами выявлены следующие закономерности. Группа работников, предпочитающих преподавание (и не интересующаяся научными исследованиями), выделяет на эту деятельность наибольшую долю времени (M=57 %, Me=59 %). Они отводят лишь 12 % времени научной работе (минимальный показатель по всей выборке). Сотрудники, совмещающие преподавание с практической деятельностью в своей предметной области (32 % в выборке), демонстрируют снижением доли времени на преподавание (48 %) и увеличение на научные исследования (16 %). Именно эта группа респондентов наиболее вовлечена в академическое развитие — 16 % времени.

Наименее представлена в выборке группа работников, для которых преподавание не является приоритетным, а основной интерес представляет наука (2 % в выборке). Эта категория имеет более низкий показатель времени на преподавание (31 %) и самый высокий — на научные исследования (37 %). Примечательно, что у представителей этой группы предельно высокая (можно сказать, аномальная) доля времени на общественную нагрузку, на которую они тратят существенно больше времени (16 %), чем прочие группы преподавателей. При этом административная работа занимает у них 7 % (соответствует среднему значению в других группах респондентов).

Институциональные факторы

Статус и опыт участия вуза в федеральных программах («Приоритет-2030» и «5-100») как фактор трансформации затрат времени преподавателей

Университеты, включенные в выборку проведенного социологического исследования, разделены нами на три группы в зависимости от их статуса участия в федеральных программах поддержки учреждений высшего образования («Приоритет-2030» и Проекте «5-100») как индикатор его потенциала и ресурсов: 1) нынешние участники программы «Приоритет-2030», ранее входившие в состав реализации проекта «5-100»[1] (первая группа); 2) нынешние участники программы «Приоритет-2030», не вхо-

[1] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Томский политехнический университет (национальный исследовательский университет).

дившие в проект «5-100»[1] (вторая группа); 3) кандидаты на вхождение в программу «Приоритет-2030»[2] (третья группа).

Выявлен ряд закономерностей между данными группами вузов по доле времени, выделяемому преподавателями на различные виды деятельности. Университеты-кандидаты на участие в программе «Приоритет-2030» демонстрируют наиболее высокую долю преподавания (57%), что может свидетельствовать об их большей ориентации на образовательный процесс по сравнению с другими группами вузов. Преобладающую, по сравнению с другими группами вузов, но при этом минимальную вовлеченность в преподавательскую деятельность, демонстрируют преподаватели из университетов первой и второй групп (по 52%) (см. Табл. 6).

В отношении научно-исследовательской деятельности заметно выделяются участники программы «Приоритет 2030», ранее имевшие опыт поддержки в проекте «5-100». Их средний показатель доли времени на научно-исследовательскую деятельность — 20 %, что выше, чем у остальных групп (по 16 %). Респонденты из данных вузов уделяют науке значительно больше внимания. Возможно, во многом благодаря накопленному опыту и ресурсам, полученным в рамках участия в предыдущих федеральных программах развития вузов. Административно-управленческая деятельность и общественная нагрузка занимают у преподавателей меньшую долю времени, но здесь также наблюдаются различия. Университеты-участники «Приоритета-2030» (без опыта поддержки проектом «5-100») тратят на административную работу в среднем 7 % времени, что выше, чем у прочих групп. Это может указывать на более сложную организационную структуру или необходимость выполнять дополнительные управленческие задачи, связанные с участием в федеральных программах. Общественная нагрузка наиболее выражена у этой же группы (12 %), тогда как у вузов — кандидатов на участие она ниже (9 %). Профессио-

[1] Вятский государственный университет, Донской государственный технический университет, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова Минздрава России, Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, Южный федеральный университет.

[2] Курганский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Тюменский индустриальный университет, Ярославский государственный медицинский университет.

Таблица 6

Доля времени, которая приходилась на различные виды деятельности в университете на протяжении предыдущих 12 месяцев в зависимости от статуса и опыта участия вуза в федеральных программах («Приоритет 2030» и «5–100») (n=1561)

Статус университета и его опыт участия в федеральных программах развития вузов	% в выборке		Доля времени на различные виды деятельности (в %)				
			Преподавание	Научные исследования	Административно-управленческая деятельность	Общественная нагрузка	Профессиональное, личностное и карьерное развитие
Участник программы «Приоритет-2030», участник Проекта «5-100»	41	M	52	20	7	11	10
		Me	50	17	7	11	10
Участник программы «Приоритет-2030»	36	M	52	16	10	12	10
		Me	50	12	0	9	8
Кандидат на участие в проекте «5-100»	23	M	57	16	7	9	11
		Me	60	11	0	5	9

нальное, личностное и карьерное развитие занимает примерно одинаковую долю времени во всех группах (10–11 %), что свидетельствует о его устойчивой роли в общей структуре деятельности.

Различия в распределении времени в зависимости от статуса вуза подтверждают гипотезу 5. В университетах — участниках федеральных программ («Приоритет-2030», «5-100») менеджериализм и академический капитализм действуют с большей интенсивностью. Наличие репутационных обязательств и ресурсных стимулов вынуждает преподавателей перераспределять время в пользу науки (20 %) часто за счет личного времени. В вузах-кандидатах, где доминирует традиционная образовательная модель, доля времени на преподавание значительно выше (57 %). Это показывает, что институциональный контекст задает разные «режимы

нагрузки» для работника, определяя силу и направленность влияния всех остальных факторов.

Полагаем, участие вуза в программе «Приоритет-2030», особенно в сочетании с опытом поддержки проектом «5-100», связано с более высокой долей времени, уделяемого научной деятельности. Преподаватели из университетов-кандидатов, напротив, демонстрируют наибольшую ориентацию на преподавание при относительно низкой вовлеченности в науку и управление, в то время как вторая группа вузов сбалансирована между преподаванием, наукой и административной деятельностью.

Распределение времени преподавателя — не индивидуальный выбор, а равновесный результат действия структурных сил. Преподавание доминирует, потому что оно выступает основной миссией университета и наиболее видимой, контролируемой частью работы. Наука остается на периферии, так как вытесняется, с одной стороны преподаванием, а с другой — невидимым трудом. При этом именно научные результаты определяют карьерное продвижение. Следовательно, происходит перенос исследовательской работы на вечернее и ночное время. Академическое развитие оказывается наиболее «сжимаемым» ресурсом, которым преподаватели легче всего жертвуют. Однако подобная стратегия опасна в долгосрочной перспективе, так как нехватка времени на академическое развитие ведет к устареванию компетенций преподавателей.

Заключение

Распределение времени преподавателями российских вузов представляет собой устойчивый компромисс между доминирующей образовательной деятельностью (более половины бюджета времени) и остальными направлениями работы. Данный компромисс детерминирован институциональными факторами (участие вуза в федеральных программах), демографическими характеристиками (пол, возраст) и профессиональной мотивацией. При этом принципиально важно, что подобное распределение является не столько индивидуальным выбором, сколько равновесным результатом действия структурных сил. Преподавание доминирует, поскольку выступает основной миссией университета и наиболее видимой, контролируемой частью работы, тогда как наука остается на периферии, вытесняемая как аудиторной нагрузкой, так и невидимым трудом. Антагонизм преподавания и науки, а также гендерная асимметрия в затратах времени на исследования и общественную нагрузку воспроизводят структурное неравенство в академической среде даже при формально равных контрактных условиях.

Полученные данные отражают субъективную оценку респондентами относительной структуры временных затрат (в процентах), а не абсолютные показатели нагрузки в часах. Одна и та же доля времени, выделяемая на научную деятельность у разных преподавателей может соответствовать различному объему работы (в часах), что необходимо учитывать при интерпретации результатов. Тем не менее выявленные структурные закономерности (антагонизм преподавания и науки, гендерные различия, влияние институционального контекста) остаются устойчивыми, так как основаны на сравнении пропорций внутри единой логики измерения.

Сравнение результатов исследования с существующими работами позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические особенности в распределении времени преподавателей вузов. Во-первых, подтверждается устойчивая многокомпонентность академического труда, в структуре которого преподавание занимает значительную часть времени (52 %). Согласуется с данными Р.Н. Абрамова, согласно которым этот показатель в российских вузах приближается к 50 % и выше (Абрамов, Груздев, Терентьев 2017). Во-вторых, научно-исследовательская деятельность в среднем занимает 17 % времени, что ниже, чем в ряде зарубежных исследований. Однако именно научные результаты определяют карьерное продвижение, из-за чего происходит перенос исследовательской работы на вечернее и ночное время.

Административная и общественная нагрузка, хотя и занимает меньшую долю времени (8 и 11 % соответственно), остается существенными факторами, влияющими на общую загруженность преподавателей. Академическое развитие, включая повышение квалификации, составляет около 10 % его времени, что подчеркивает важность, но недостаточность для полноценного роста в условиях быстро меняющихся образовательных технологий. В этом контексте академическое развитие оказывается наиболее «сжимаемым» ресурсом, которым преподаватели легче всего жертвуют в пользу текущих обязательств. Однако подобная стратегия опасна в долгосрочной перспективе, так как дефицит времени на повышение квалификации ведет к устареванию компетенций.

Как показано в теоретической рамке, гендерные различия в распределении времени (женщины больше заняты преподаванием и общественной нагрузкой) являются проявлением дифференциации невидимого труда в условиях академического капитализма. Женщины-преподаватели выделяют больше времени на преподавание и общественную работу (54 и 13 % соответственно). Эти данные соответствуют работам (Allen et al. 2023; Toutkoushian, Bellas 1999), которые отмечают аналогичные тенденции в других странах. Это связано как с социальными ожиданиями,

так и с системными барьерами. Женщины чаще вовлекаются в «невидимый труд» (организация мероприятий, наставничество) (Перес 2021). Мужчины чаще сосредоточены на науке (19 %), что усиливает их карьерные преимущества, так как именно исследовательская продуктивность определяет статус в академической иерархии.

Выявлены значимые различия по возрасту. Преподаватели старше 60 лет выделяют больше времени на научные исследования (22 %), что можно интерпретировать через реализацию академического наследия. Это происходит не за счет высвобождения от преподавания (его доля остается максимальной — 56%), а за счет почти полного отказа от общественной (падение с 13% до 6%) и административной нагрузки. Завершая карьеру, они фокусируются на руководстве научными школами и публикациях как символическом капитале. Молодые преподаватели (до 29 лет) выделяют больше времени (по равнению со старшими коллегами) на академическое развитие (14 %), что отражает их стремление к интеграции в университетскую среду.

Выявленные нами гендерные различия согласуются с выводами зарубежных ученых (Allen et al. 2023; Toutkoushian, Bellas 1999), которые также отмечали, что женщины чаще мужчин вовлечены в педагогическую и сервисную деятельность в вузе.

На структуру распределения времени также влияет и мотивация выбора академической профессии. Преподаватели, мотивированные «передачей знаний», встраиваются в традиционную модель университета как образовательного института. Те, кто выбирает науку, ближе к идеалу университета, где ценность определяется публикациями и грантами. Университетские династии демонстрируют воспроизводство культурного капитала (по П. Бурдье), и их представители наследуют академические нормы.

Участие вузов в федеральных программах («Приоритет-2030» и «5-100»), коррелирует с увеличением времени, выделяемого на научные исследования (20 % у участников программ). В то же время преподаватели из вузов — кандидатов на участие в федеральных программах больше ориентированы на преподавание (57 %). Это подтверждает гипотезу о влиянии институциональной поддержки на исследовательскую активность (Crespo 2013; Singell 1996). Также результаты согласуются с концепцией академического капитализма (Slaughter, Rhoades 2004), когда университеты, стремясь к конкурентоспособности, усиливают давление на сотрудников, что приводит к устойчивому ролевому напряжению.

Значимым аспектом новизны проведенного исследования выступает включение академического развития в перечень видов деятельности, между которыми респондентам предстояло распределить свое время.

Полагаем, этот аспект — важное дополнение к пониманию структуры академического труда. Это накладывает определенное методологическое ограничение, которое отчасти затрудняет сравнение полученных результатов с результатами более ранних исследований, где академическое развитие не выделялось в отдельную категорию.

Структура времени преподавателей вузов отражает сложное взаимодействие институциональных требований, личных мотиваций и внешних факторов, что подчеркивает необходимость баланса между образовательной, научной и административной нагрузками для повышения результативности и удовлетворенности профессиональной деятельностью.

Исследование демонстрирует, что структура времени преподавателей формируется под влиянием множества факторов — от индивидуальных (мотивация, пол, возраст, приоритетное направление академической деятельности) до институциональных (участие вуза в федеральных программах). Полученные выводы согласуются с глобальными тенденциями, описанными в научной литературе, но также подчеркивают специфику российского контекста, где преподавание остается доминирующим видом деятельности, несмотря на растущие требования к научной продуктивности. Необходимость балансировать между конкурирующими задачами часто приводит преподавателя к перегрузкам. Это актуализирует разработку стратегий оптимизации нагрузки, таких как модели справедливого распределения обязанностей или автоматизация административных процессов, чтобы предотвратить долгосрочную деградацию человеческого капитала.

Исследование вносит вклад в понимание структуры времени преподавателей российских вузов, предлагая новые данные и аналитические выводы. Результаты могут использоваться при разработке моделей распределения рабочего времени, совершенствовании системы организации труда и университетского управления.

Выражение благодарности

Автор выражает искреннюю признательность научному консультанту — доктору социологических наук, профессору Уральского федерального университета П.А. Амбаровой за ценные рекомендации в процессе подготовки рукописи; рецензенту, высказавшему полезные замечания по структуре статьи, что позволило оптимизировать подачу материала и сделать текст более логичным и последовательным.

Литература / References

Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. (2016) Академическая профессия и идеология «медленной науки». *Высшее образование в России*, 10(205): 62–70.

Abramov R.N., Gruzdev I.A., Terentiev E.A. (2016) The Academic Profession and the Ideology of "Slow Science". *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 10(205): 62–70 (in Russian).

Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. (2017) Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета. *Вопросы образования*, 1: 88–111. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111

Abramov R.N., Gruzdev I.A., Terentiev E.A. (2017) Working Time and Role Strains among Employees of the Contemporary Russian University. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 1: 88–111. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111 (in Russian).

Грибовский М.В. (2024) «Вторая половина рабочего дня»: проблема участия преподавателей советских вузов в научно-исследовательской деятельности. *Социология науки и технологий*, 15(3): 89–106. https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-3-89-106

Gribovskii M.V. (2024) "The Second Half of the Working Day": The Problem of Soviet University Teachers' Participation in Research Activities. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 15(3): 89–106. https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-3-89-106 (in Russian).

Груздев И.А., Терентьев Е.А. (2016) Формализованное интервью о бюджете рабочего времени преподавателей и научных сотрудников: опыт методической рефлексии. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 40: 32–58.

Gruzdev I.A., Terentiev E.A. (2016) A Structured Interview on the Time Budgets of Faculty and Researchers: Reflections on Methodology. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya:4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling], 40: 32–58 (in Russian).

Ефимова Г.З. (2024) Основания профессионального выбора научно-педагогических работников в контексте альтернатив трудоустройства. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, 2: 60–99. https://doi.org/10.17323/vo-2024-17716

Efimova G.Z. (2024) The Grounds for Professional Choice among Academic Staff in the Context of Alternative Employment Opportunities. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2: 60–99. https://doi.org/10.17323/vo-2024-17716 (in Russian).

Ефимова Г.З. (2025) Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий. *Вестник университета*, 5: 217–232. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232

Efimova G.Z. (2025) Managing the Academic Development of Faculty Members through the Lens of Disciplinary Sociological Theories. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 5: 217–232. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232 (in Russian).

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Каташинских В.С., Кеммет Е.В. (2023) Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования. *Высшее образование в России*, 32(5): 71–88. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88

Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Katashinskikh V.S., Kemmet E.V. (2023) Resourcefulness of the Academic Community in Ural Federal District Universities: Evidence from a Qualitative Study. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 32(5): 71–88. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88 (in Russian).

Мазур Л.Н. (2025) Рабочий день советского ученого (по материалам бюджетного обследования 1925 г.). *Гуманитарные науки в Сибири*, 32(1): 48–59. https://doi.org/10.15372/HSS20250105

Mazur L.N. (2025) The Working Day of a Soviet Scientist (Based on the 1925 Time-Budget Survey). *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 32(1): 48–59. https://doi.org/10.15372/HSS20250105 (in Russian).

Перес К.К. (2021) *Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных*. Москва: Альпина Паблишер.

Perez C.C. (2021) *Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men*. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Шляков Ю.В. (2019) Проблема сочетания преподавательской и исследовательской деятельностей: возможные пути решения в российских вузах. *Личность. Культура. Общество*, 21(3–4): 214–222. https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222

Shlyakov Yu.V. (2019) Combining Teaching and Research Activities: Possible Solutions for Russian Universities. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 21(3–4): 214–222. https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222 (in Russian).

Allen T. D., Miller M. H., French K. A., Kim E., Centeno G. (2023) Faculty Time Expenditure Across Research, Teaching and Service: Do Gender Differences Persist? *Occupational Health Science,* 7(4): 805–818. https://doi.org/10.1007/s41542-023-00156-w

Anderson D.M., Slade C.P. (2016) Managing institutional research advancement: Implications from a university faculty time allocation study. *Research in Higher Education,* 57(1): 99–121. https://doi.org/10.1007/s11162-015-9376-9

Bentley P.J., Kyvik S. (2012) Academic work from a comparative perspective: A survey of faculty working time across 13 countries. *Higher Education,* 63(4): 529–547. https://doi.org/10.1007/s10734-011-9457-4

Bitzer E. (2007) Attempting a fair and equitable academic workload distribution in a faculty of education. *South African Journal of Higher Education*. 21(1): 23–37. https://doi.org/10.4314/sajhe.v21i1.25599.

Charters W.W. (1942) How Much Do Professors Work? *The Journal of Higher Education,* 13(6): 298–301.

Crespo M., Bertrand D. (2013) Faculty Workload in a Research Intensive University: A Case Study. *CIRANO Project Reports* 2013rp–11CIRANO. [https://cirano.qc.ca/files/publications/2013RP-11.pdf] (дата обращения: 24.08.2025).

Escobar M., Bell Z.K., Qazi M., Kotoye C.O., Arcediano F. (2021) Faculty Time Allocation at Historically Black Universities and Its Relationship to Institutional Expectations. *Frontiers in Psychology,* 12: 734426. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.734426

Fuegen K., Hatchett G. T. (2024) Time allocation and satisfaction among tenured psychology faculty at public regional universities. *Teaching of Psychology,* 51(3): 334–344. https://doi.org/10.1177/00986283231178242

Gewin V. (2020) The time tax put on scientists of colour. The pressure on researchers from ethnic minority groups to participate in campus diversity issues comes at a cost. *Nature,* 583: 479–481. https://doi.org/10.1038/d41586-020-01920-6

Gordon H.R., Willink K., Hunter K. (2024) Invisible labor and the associate professor: Identity and workload inequity. *Journal of Diversity in Higher Education,* 17(3): 285–296. https://doi.org/10.1037/dhe0000414

Gulland A. (2024) Slow productivity worked for Marie Curie — here's why you should adopt it too. *Nature,* 632461–463. https://doi.org/10.1038/d41586-024-02540-0

Herman R.L. (2013) Letter from the Editor-in-Chief: How Much Do Faculty Work? *The Journal of Effective Teaching*, 13(1): 1–4.

Hilton A.C. (2017) Time management for faculty: A framework for intentional productivity and well-being. *In 2017 ASEE Annual Conference Exposition Proceedings (p. 29030). ASEE Conferences.* https://doi.org/10.18260/1-2--29030.

Kenny J., Fluck A. (2019) Academic administration and service workloads in Australian universities. *Australian Universities' Review,* 61(2). [https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1228011.pdf] (дата обращения: 24.08.2025).

Kenny J., Fluck A., Jetson T. (2012) Placing a value on academic work: The development and implementation of a time-based academic workload model. *Australian Universities' Review,* 54(2): 50–60. [https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ981194.pdf] (дата обращения: 24.08.2025).

O'Meara K., Kuvaeva A., Nyunt G., Waugaman C., Jackson R. (2017) Asked more often: Gender differences in faculty workload in research universities and the work interactions that shape them. *American Educational Research Journal*, 54(6): 1154–1186. https://doi.org/10.3102/0002831217716767

O'Neill M. (2014) The Slow University: Work, Time and Well-Being. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research,* 15(3), Art. 14. https://doi.org/10.17169/fqs-15.3.2226

Olejniczak M., Andrzejczak A. (2017) Wykorzystanie czasu pracy przez nauczycieli akademickich (na przykładzie Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu). *Studia Oeconomica Posnaniensia,* 5(3): 118–137. https://doi.org/10.18559/SOEP.2017.3.7

Powell K. (2016) Young, talented and fed-up: scientists tell their stories. *Nature* 538: 446–449. https://doi.org/10.1038/538446a

Robertson M., Germov J. (2015) Bringing the budget back into academic work allocation models: A management perspective. *Journal of Higher Education Policy and Management.* 37(5): 507–518. https://doi.org/10.1080/1360080X.2015.1079398

Rodríguez J.E., Campbell K.M., Pololi L.H. (2015) Addressing disparities in academic medicine: what of the minority tax? *BMC Med Educ,* 156. https://doi.org/10.1186/s12909-015-0290-9

Sellers-Rubio R., Mas-Ruiz F.J., Casado-Díaz A.B. (2010) University Efficiency: Complementariness versus Trade-off *between Teaching, Research and Administrative Activities. Higher Education Quarterly*. 64(4): 373–391. https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2010.00452.x

Serger C.M., Freivalds A. (1990) How much time do educators actually spend teaching? (The measurement of faculty productivity). *Proceedings of the Human Factors Society Annual Meeting,* 34(6): 529–533. https://doi.org/10.1177/154193129003400605

Singell L.D., Lillydahl J.H. (1996) Will changing times change the allocation of faculty time? *The Journal of Human Resources,* 31(2): 429. https://doi.org/10.2307/146070

Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Johns Hopkins University Press.

Todorovsky D. (1997) On the working time budget of the university teacher. *Scientometrics,* 40(1): 13–21. https://doi.org/10.1007/BF02459259

Toutkoushian R.K., Bellas M.L. (1999) Faculty time allocations and research productivity: Gender, race and family effects. *The Review of Higher Education,* 22(4): 367–390. https://doi.org/10.1353/rhe.1999.0014

Wang X. (2023) Exploring Issues and Solution Strategies in Balancing the Work and Life of University Teachers. *Academic Journal of Humanities Social Sciences*, 6(18): 65–71. https://doi.org/10.25236/AJHSS.2023.061811

Woolston C. (2017) Workplace habits: Full-time is full enough. *Nature,* 546: 175–177. https://doi.org/10.1038/nj7656-175a

Источники

Радаев В.В. (2015) Университетом руководят кентавры. *Окна академического роста,* 15(110). [Высшая школа экономики] [https://www.hse.ru/data/2015/10/28/1079674082/okna_110.pdf] (дата обращения: 24.08.2025).

Федеральное статистическое наблюдение. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» на начало 2024/2025 уч. г. Минобрнаки России [https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/] (дата обращения: 24.08.2025).

Forrester N. (2023) Fed up and burnt out: 'quiet quitting' hits academia. *Nature*, 615: 751–753. https://doi.org/10.1038/d41586-023-00633-w

Gould J. (2024) "Who am I if not a scientist?" How to find identity and purpose in retirement. *Nature careers podcast*. https://doi.org/10.1038/d41586-024-02246-3

Hall Sh. (2024) How PhD students and other academics are fighting the mental-health crisis in science. Universities and institutions across the globe are exploring unique initiatives to help their students and staff cope with the stress of research. *Nature*, 631: 496–498 https://doi.org/10.1038/d41586-024-02225-8

Forrester N. (2025) I spent two years organizing an international conference. How do I get compensated for my work? *Nature*. https://doi.org/10.1038/d41586-025-00452-1 (дата обращения: 24.08.2025)

Science must protect thinking time in a world of instant communication (2024) *Nature,* 631: 709. https://doi.org/10.1038/d41586-024-02381-x

HOW UNIVERSITY FACULTY ALLOCATE TIME: A SUBJECTIVE ASSESSMENT OF TIME-BUDGET STRUCTURE

Galina Z. Efimova (g.z.efimova@utmn.ru)

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Citation: Efimova G. (2026) How university faculty allocate time: A subjective assessment of time-budget structure. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 56–91 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.3 EDN: CPNTIK

Abstract. This article presents an analysis of the subjectively assessed time expenditure structure among university faculty members in addressing work-related tasks. It identifies the key aspects of time allocation between teaching, research activities, administrative duties, community engagement, and academic development. The aim of the study is to examine how faculty allocate their time across primary activity domains and to determine the factors influencing the structure of their time expenditures. The empirical basis consists of data from a questionnaire survey of full-time, tenure-track faculty staff from 15 Russian universities (n = 1,561). The findings reveal that more than half of the faculty's time budget is devoted to educational activities, one-sixth is allocated to research, considerably smaller proportions are spent on administrative and community-related tasks, while one-tenth is dedicated to academic development. It was established that increased time spent on teaching leads to reduced attention to other work domains, with administrative-managerial activities serving as the primary antagonist to teaching. Differences in time allocation were identified based on gender, age, and the motives underlying the choice of an academic career. Women devote more time to teaching and community engagement, whereas men focus more on research. Faculty members aged 60 and above demonstrate heightened involvement in research activities, which may be associated with an almost complete rejection of social and administrative workload.

Particular attention is paid to the impact of institutional participation in federal excellence initiatives (Priority-2030 and 5-100) on the structure of faculty time budgets. Respondents from universities participating in these programs allocate more time to research activities compared to their counterparts in other institutions. The findings of this research can inform strategies for optimizing faculty workload and enhancing the effectiveness of university human resource management systems.

Keywords: time budget, working time structure, faculty, teaching activities, research activities, administrative and managerial activities, service load, academic development.

Acknowledgments

The author expresses sincere gratitude to the academic supervisor — P.A. Ambarova, Doctor of Sociology, Professor at Ural Federal University, for her valuable recommendations during the preparation of the manuscript. The author also extends thanks to the anonymous reviewer for providing constructive feedback on the structure of the paper, which helped to improve the presentation of the material and made the text more logical and coherent.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

КАК СПРАВЛЯЮТСЯ С СЕМЕЙНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ И КРИЗИСАМИ СЕМЬИ ВЕТЕРАНОВ И УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ[1]

Ольга Николаевна Безрукова
*(*o.bezrukova@spbu.ru*),*
Валентина Алексеевна Самойлова,
Руслан Максимович Филимонов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Филимонов Р.М. (2026) Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 29(2): 92–117. https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.4 EDN: CRVAYG

Аннотация. Анализируется влияние участия отцов в специальной военной операции (СВО) на структурно-динамические характеристики семьи, переживаемые семейные проблемы и кризисы, ресурсы адаптации к новой жизненной ситуации, а также на потребности семьи в социальной поддержке. Выборку качественного исследования составили члены 47 семей: 27 молодых мужчин — ветеранов и участников военных действий, имеющих семью и детей; 20 женщин, мужья которых являются участниками СВО; 45 социальных кураторов, сопровождающих семьи отцов-участников СВО в центрах социального обслуживания населения и в центрах социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга. Выявлены трансформации функционирования семейной системы, супружества, отцовства и материнства: позитивные (процессы реадаптации и укрепления), негативные (дестабилизации и распада). На основе критериев степени семейной адаптации, отношения к детям, обладания индивидуальными и семейными ресурсами выделены три группы отцов — «успешно адаптирующиеся», «неопределенные», «дезадаптированные». Описаны синдромы «потерянного отца» (агрессивность, девиантные практики) и «отчуждения» (безразличие к близким, замкнутость). Систематизированы проблемы и потребности всех членов семьи в поддержке. Проанализированы кризисы на разных уровнях функционирования семейной системы: супружеских отношений, родительско-детских отношений, отношений семьи с обществом, а также личностные кризисы отцов, матерей и детей. Показано, что преодоление кризисов связано с ресурсами семьи, адаптивностью, распределением власти и ответственности в семье, потенциалом жизнестойкости. Более успешны в пре-

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00770, https://rscf.ru/project/23-18- 00770/.

одолении кризисов ресурсные партнерские семьи с взаимозаменяемыми ролями, проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, зрелой личностной позицией и жизнестойкими моделями поведения жен. Менее успешны ресурсные семьи традиционного типа, ответственность в которых за материальное обеспечение, организацию жизни семьи лежит на отце, с экономически зависимым положением женщины, отсутствием у нее работы, образования, профессиональной квалификации, преобладанием эмоционально-ориентированных и защитных стратегий совладания с трудностями. Неуспешны низкоресурсные семьи с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), социальная поддержка, участники СВО, семейный кризис, отцы, дети ветеранов и участников СВО, жены ветеранов и участников СВО, семьи военнослужащих, отцовство.

Введение

Начало проведения Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г. и последующая частичная мобилизация граждан РФ 21 сентября 2022 г. актуализировали проблематику социальной поддержки новой численно значимой категории населения — участников СВО и их семей. По официальным данным, в рамках мобилизационных мероприятий было призвано свыше 300 тыс. человек, при этом более половины из них (57 %) состояли в браке и имели детей (56,3 %) (Минобороны РФ, 2023). Данный факт обусловливает необходимость разработки и реализации комплексных мер социальной поддержки, адресованных как самим отцам, чье участие в СВО сопряжено с длительной разлукой и специфическими психосоциальными последствиями, так и их близким.

Социальная поддержка участников военных действий и их семей понимается нами как система комплексных мер (правовых, экономических, информационных, психологических и др.), способствующих удовлетворению их потребностей и решению актуальных насущных проблем. Система поддержки как участников военных действий (находящихся в зоне боевых действий, мобилизованных, ветеранов и инвалидов), так и их семей, а также семей пропавших без вести и погибших в настоящее время оформилась в разветвленную инфраструктуру поддержки на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем требуются новые подходы к реабилитации участников военных действий, способствующие восстановлению семейных связей, усилению потенциала отцовства и конструированию нового сценария мирной жизни мужчин, что актуализирует изучение специфики детско-родительских и супружеских проблем в их семьях.

Цель статьи состоит в анализе влияния участия отцов в специальной военной операции на структурно-динамические характеристики семьи и ресурсы ее адаптации к новой жизненной ситуации. Задачи исследования включают выявление ключевых проблем во взаимодействии отцов с супругами и детьми, специфики переживаемых всеми членами семьи кризисов, характеристик отцов, жен и детей, сформировавшихся под воздействием особенностей переживаемой ими жизненной ситуации, потребностей всех членов семьи в получении социальной поддержки.

Методология и методы исследования

В исследовании мы основываемся на понимании трансформации отцовства — от традиционного к новому — активному и заботливому, присущему новому поколению молодых отцов, стремящихся к большей вовлеченности, открытости новому опыту, ответственности за детей (Pleck 1997; Lamb 2000, Fagan, Palkovitz 2007; Doucet 2020; Безрукова, Самойлова 2023, 2024; Малышев 2022; Рождественская 2020; Шевченко 2015). Учитываем специфику изменений в отцовской роли мужчин-военнослужащих как результат воздействия внесемейных, общественно-политических факторов и специфических, вызванных участием отца в военных действиях семейных кризисов (Hill 1949). Полагаем, что мужчины, имеющие опыт военных действий, переживают переломный этап, который ведет к глубинным внутренним изменениям, включая процесс переосмысления своей жизни, социальной идентичности, переоценку жизненных ценностей, своего взаимодействия с супругой, ближайшим окружением, обществом. Процессы проблематизации и рефлексии имеют важное значение для вовлечения в отцовство — осознания новых смыслов отцовства, своей роли, формирования привязанности к ребенку, ответственности за его благополучие и развитие (Безрукова, Самойлова 2022: 118).

В работах отечественных и зарубежных авторов рассматриваются вопросы влияния отсутствия отца-военнослужащего на семейную структуру, динамику и благополучие детей, проблемы семейной реинтеграции ветеранов, последствий травматического опыта для самого ветерана и семейных отношений, значения систем поддержки. Р.Л. Хилл, одним из первых детально изучавший воздействие войны на семейную динамику, основным вызовом считал разлуку и уход отца, а успешность преодоления данного кризиса ставил в зависимость от ресурсов семьи, четкости ролей, адаптивности и типа семейной организации (Hill 1949). Призыв и отправка на службу вызывают у членов семьи сильное эмоциональное напряжение, вызванное постоянной угрозой для жизни отца, неопределенностью

сроков возвращения. Последствия мобилизации мужа проявляются в дезориентации при возникновении финансовых, организационных и бытовых трудностей, в перегрузке обязанностями женщины, оставшейся единственным родителем (Walsh et al. 2014; Герасимова, Курикалова 2023; Горина 2024; Матвеева 2025).

Вследствие длительного отсутствия отец утрачивает функции главы семьи, наставника и дисциплинатора, разрушаются физические, эмоциональные и социальные связи с детьми. По возвращении отцы-солдаты испытывают чувство вины за упущенное время, что усиливает генерационный разрыв и отчуждение, сожалеют о пропуске важных этапов развития детей, которые за время их отсутствия менялись физически и когнитивно (Зойя 2013; Walsh et al. 2014). Разлука, тревога за жизнь отца, снижение качества отцовства из-за травм или недостатка времени вызывают эмоциональные нарушения у детей, усугубленное занятостью матери отсутствие отца лишает детей нормального социального становления и контроля, ведет к дестабилизации семей и росту девиантного поведения в молодежной среде (Paley et al. 2013; Walsh et al. 2014).

Процесс воссоединения, по мнению Р.Л. Хилла, также может переживаться как семейный кризис и «быть не всегда радостным» из-за трудностей возвращения отца к прежней дисциплинирующей роли и принятия отца детьми, необходимости реорганизации семейных ролей, ролевых конфликтов вследствие возросшей самостоятельности жены и проблем адаптации мужчин к гражданской жизни (Hill 1949: 85; Матвеева 2025). Дети в зависимости от возраста и предшествующей привязанности могут воспринимать вернувшегося родителя как незнакомца (младшие дети) или демонстрировать холодность, игнорирование и отчуждение (старшие дети), переживая амбивалентные эмоции (Danish, Antonides 2013).

Значительное влияние на ветеранов и их семьи оказывают психологические последствия боевого опыта, особенно при наличии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Как отмечают исследователи, стресс часто усиливался именно после возвращения из-за трудностей адаптации. Поведенческие стратегии, усвоенные на войне (потребность в контроле, агрессивность), оказывались неадекватными в мирной жизни, вызывая непонимание и отчуждение, приводили к спорам о перераспределении ролей, воспитании детей, так как «домашний» родитель мог сопротивляться отказу от обретенной независимости, что приводило к «борьбе» за власть. Увеличение симптомов ПТСР коррелировало с менее позитивным воспитанием и непоследовательной дисциплиной (Danish, Antonides 2013; Creech, Misca 2017). Симптомы ПТСР ухудшают эмоцио-

нальный климат в семье, наблюдается дистанцирование в воспитании детей или даже отказ от родительских обязанностей, в семьях ветеранов высок риск разводов (Пермогорская, Падун 2011).

Избыточная строгость и завышенные требования со стороны травмированного родителя могут формировать у детей протестное, тревожное поведение, родители проецируют на детей собственные недостатки и страхи, эмоциональные реакции (гнев, осуждение), паттерны поведения родителей бессознательно переносятся на детей, таким образом, происходит трансгенерационная передача травмы. Исследователи акцентируют внимание на феномене «индукции ПТСР» членам семьи, что приводит к хроническому семейному стрессу, закреплению негативных моделей взаимодействия, ухудшению семейного климата и психического здоровья всех членов семьи (Зуйкова, Погодина, Потемина 2013; Elnitsky, Kilmer 2017).

Вместе с тем именно семье принадлежит критически важная роль в процессах перехода участников боевых действий к мирной жизни. Моральная поддержка военнослужащего со стороны семьи способствует предотвращению внутреннего конфликта между личной и профессиональной сферами, повышая самооценку и уверенность в своих силах (Гудкова 2020). Возвращение к роли мужа и отца, особенно после рождения ребенка, способствует переоценке приоритетов, активизирует потребности развития родительских компетенций (включая проявление заботы и тепла), навыков саморегуляции. В исследованиях отмечается высокая мотивация отцов учиться быть лучшими родителями и их готовность восстанавливать связи с детьми, а также польза от общения с другими отцами с похожим опытом (Walsh et al. 2014; Suarez, Baines 2021). В свою очередь, успешность в совершенствовании родительства зависит от институциональной поддержки, наличия достаточного количества программ реабилитации и адаптации к мирной жизни, преодоления последствий боевого стресса и ПТСР, учета актуальных проблем и потребностей ветеранов, внедрения принципов комплексного социального сопровождения семей участников специальной военной операции (Зуйкова и др. 2013; Склянко 2020; Караяни 2024; Безрукова, Филимонов 2025; Dodge et al. 2025).

Таким образом, анализ зарубежных и отечественных исследований показывает, что участие отцов в боевых действиях оказывает глубокое и многоаспектное, преимущественно негативное воздействие на их семейные отношения.

Большинство исследований в отечественной науке концентрируются на медико-психологической реабилитации (борьба с ПТСР, депрессией),

вопросах социальной адаптации (профессиональная, экономическая реинтеграция), общих психологических аспектах боевого стресса, и сохраняется выраженный пробел в исследованиях, посвященных семейным и детско-родительским отношениям мужчин — участников боевых действий, особенно в контексте их отцовской и супружеской роли по возвращении из зоны боевых действий. Последствия боевого опыта для семейной системы в целом (ее динамики, структуры, перераспределения ролей, специфические потребности мужчин именно как отцов и мужей, вернувшихся с войны, а также проблемы и потребности их жен и детей) остаются недостаточно изученными.

Эмпирическая основа статьи — материалы интервью и фокус-групп, проведенных в 2024–2025 гг. в Санкт-Петербурге. Выборку качественного исследования составили члены 47 семей: 27 молодых мужчин — участников военных действий от 25 до 43 лет, имеющих семью и детей (один ребенок — у 14 отцов, двое — у восьми, трое детей — у пятерых), демобилизованы 22 человека, пять отцов являются действующими участниками СВО (двое находятся на лечении, трое — в кратковременном отпуске). Опрошены и 20 женщин, мужья которых являются участниками СВО, из них 19 являются женами действующих участников СВО, у одной муж пропал без вести; у пяти женщин один ребенок, у 13 — двое, у двух — трое детей.

Проведены четыре фокус-группы с 45 социальными кураторами, сопровождающими семьи отцов — участников СВО в центрах социального обслуживания населения и в центрах социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга. Критерии отбора отцов: возраст до 45 лет, является действующим участником или ветераном СВО, состоит в браке (в том числе незарегистрированном), имеет общих с супругой кровных несовершеннолетних детей, российское гражданство. Критерии отбора матерей для фокус-групп из семей мужчин — участников СВО: возраст до 40 лет, супруг является действующим участником или участвовал в СВО, возраст супруга до 45 лет, состоит в браке (в том числе незарегистрированном), имеет общих с супругом кровных несовершеннолетних детей, российское гражданство. Критерии отбора специалистов: опыт работы с семьями (от пяти лет), российское гражданство. Методы исследования — глубинное интервью, продолжительность от 1 до 2,5 часов, фокус-группа — 2,5–3 часа.

Стратегия анализа данных включала транскрибирование интервью и фокус-групп, затем все тексты анализировались с помощью качественного кодирования информации, классификации и типологизации, аналитической интерпретации полученных данных.

Проблемы и потребности в поддержке отцов — ветеранов и участников специальной военной операции

Специфика трансформации психологического состояния мужчин и членов их семей, отношений с супругой и детьми, изменений семейной системы в целом проявляется в нескольких измерениях и характеристиках. Дезадаптивное психологическое состояние характерно практически для всех участников боевых действий, переживших сильный стресс, эмоциональные потрясения, эпизоды гибели боевых товарищей. Многие отмечали у себя или своих сослуживцев негативные состояния, проявляющиеся как в повышенной раздражительности, агрессивности, неконтролируемых проявлениях гнева, так и в апатии, потере интереса к жизни. Изменяется восприятие повседневных проблем, они оцениваются как незначимые, несущественные: «Обычные житейские проблемы — пустяк» (м.)[1], обостряются тревожность, страхи, мучают сновидения, возвращающие к военным действиям, наблюдаются проблемы со сном. Многие информанты признавали наличие посттравматического синдрома у сослуживцев, отрицая при этом его проявления у себя, или использовали формулировки, смягчающие категоричные оценки своего состояния — «профдеформация», «нервозность», «у меня тревога и панические атаки».

Об изменениях в поведении упоминали как сами военнослужащие, так и их жены, а также социальные кураторы, отмечая проявления высокого уровня стресса, депрессии:

…стал менее эмоциональным, взгляд опустел (ж.).

…ощущение безысходности и невозможности распоряжаться своей жизнью (м.).

…стал холоднее... агрессия... употребляю успокоительные до сих пор (м.).

…стал жестче. Там вся жизнь — стресс (м).

Они действительно очень потеряны, не могут объяснить, что им требуется, не знают, какие пособия и куда им обращаться (с.).

Мужчинам нужно время, чтобы вернуться к мирной жизни, осознав, что произошло, и принять новую реальность. Они скорбят по погибшим товарищам, тоскуют по утраченным отношениям и не принимают реалии мирной жизни, «вне поля боя», иногда переживают обиду на государство или командование, особенно в ситуациях трудностей получения положенных выплат и льгот, дефицита общественного признания и поддержки.

[1] Здесь и далее м. (мужчина), ж. (женщина), с. (специалист).

Для них характерны переживания как боли потерь, так и чувства вины перед своими близкими, семьей за долгое отсутствие.

Многим из участников СВО трудно возвратиться к прежней семейной роли, которая была для них привычной, а стала новой:

> *Когда уходят на СВО, теряется связь с семьей, он откалывается* (с.).
>
> *Семья учится жить самостоятельно. Становится два ядра. Он самостоятельно, а тут жена с детьми. Он приезжает в отпуск, начинаются уже трудности, потому что они не знают, как взаимодействовать между собой* (с.).
>
> *Есть те, кто разводится — там им было всё понятно, а сюда возвращаются, и им непонятно, что с этим делать* (с.).

Материалы исследования свидетельствуют о трансформации отцовской роли и отцовских качеств у ветеранов и участников специальной военной операции, которая проявляется как в позитивных, так и в негативных характеристиках. В числе позитивных изменений специалисты социальных служб отмечают у участников СВО бóльшую ответственность, вовлеченность, проявления любви и заботы, желание обзавестись новыми детьми, замечают переоценку семейных ценностей в сторону возрастания значимости семьи и детей:

> *Они говорят, что их ценностные ориентиры изменились. Один сказал: «Я себе не представлял, насколько я люблю свою жену и детей»* (с.).
>
> *Трое заявили, что участие в СВО подтолкнуло желание родить детей* (с.).
>
> *Мама недавно сказала, что благодарна СВО за то, что до этого всего папа ни разу не говорил дочери: «Я тебя люблю». Теперь каждый телефонный разговор он это говорит дочери* (с.).

Мнения самих отцов и их жен также подтверждают произошедшие изменения:

— переосмысление собственной жизни и целей, обретение личностной зрелости: *Окреп, серьезным стал, принял отцовство; стал более ответственным (м.); СВО показало, что мне никто не нужен, кроме семьи (м.)*;
— укрепление супружеских отношений: Чувства даже усилились, стал увереннее в супруге, *в самый трудный момент мы пытаемся сохранить наши отношения. Мы один единый организм* (м.); *Стал больше ценить семью. Еще больше любить* (ж.);

— появление осознанности в чувствах к детям: *Связь укрепилась определенно, он любит детей, дети любят его* (ж.); *Ситуация с дочерью, обострившаяся во время службы, заставила меня стать более активным отцом* (м.); *Связь у них только укрепилась, из-за чувства вины особенно* (ж.).

Находясь в трудных ситуациях военных действий, далеко от семьи, воины демонстрируют типичные нормативные практики отцовства, проявляющиеся в устойчивых социокультурных архетипах отцовства (защитник, кормилец, наставник, персонификатор власти, дисциплинатор, пример для подражания):

— стараются «быть всегда рядом», поддерживал/поддерживают связь с женами и детьми на расстоянии, стремятся защитить: *Звоню, записываю видео, стараюсь подбодрить, поднять настроение, успокоить, говорю, что всегда помогу* (м.);
— стремятся сохранять роль главы и руководителя семьи: *Находясь там, они осуществляют этот контроль. Звонят, интересуются, даже решают иногда бытовые вопросы. Они всё равно осуществляют отцовскую роль* (с.);
— проявляют эмоциональную отзывчивость и поддержку, находясь дома в коротких отпусках: *Когда я был дома, то пытался больше времени проводить с дочкой, несмотря на занятость. Появлялась свободная минутка, возможность — сразу к ней* (м.); *Поцеловать ее раз 50 за день, обнять, приобнять. Это твое* (м.);
— берегут подарки своих детей, дарят подарки детям, чтобы надолго оставаться в их памяти: *У меня уточка есть дочки, игрушка — ассоциация с ребенком, талисман. Она возвращает меня домой* (м.); *«Он всегда сильно любил детей, так и любит. Дети его ждут, старший сын помнит совместные моменты: «Мам, мы тут с папой были»* (ж.);
— обеспечивают детей и семьи: *У них все есть, перевожу деньги регулярно* (м.);
— стремятся восполнить пробелы воспитания и отстраненности от общения с детьми в мирное время *Гиперопекают, всё дают детям. Может, из-за того, что что-то не додали. В отпуске хотят многое купить детям, что-то дать* (с.).

Но есть и негативные изменения, связанные с длительным отсутствием мужчин в семье: дети рождаются в их отсутствие, отцы пропускают важные этапы взросления своего ребенка, ослабляются эмоциональные связи, происходит отчуждение младших детей, воспринимающих отца после его возвращения как «чужого»: *Дочь перестала слушать отца, воспринимать его, как папу* (ж.); *Утрата доверия и близости с ребенком* (м.); *Сын обижается, эмоционально страдает, привыкает жить с одной мамой* (м.).

Проявляется синдром отчуждения, характеризующийся безразличием к окружающим людям, замкнутостью, сосредоточенностью на своих переживаниях, сопровождающейся употреблением алкоголя: *Сильно пьют, даже с детьми* (с.); *Психологические проблемы у мужчин, алкоголь и наркотики, подозрения в измене, обострение старых проблем* (с.).

Возвращающимся к мирной жизни военнослужащим требуется время и усилия для налаживания контакта с детьми, создания доверия в отношениях и поддержания отцовского авторитета. Возвращение к роли отца может быть успешным, особенно если мужчина проявлял себя вовлеченным отцом до участия в военных действиях. Вместе с тем наблюдается синдром «потерянного отца», проявляющийся:

— в агрессивности, девиантных практиках (насилие, жестокость, пренебрежение нуждами детей): *До того как ушел, он плохо относился к сыну, строго его воспитывал, что мужчина не должен плакать. И у ребенка был энурез. Пока отца не было дома, мальчик восстановился, у ребенка все прекратилось. С ним работал психолог. А когда вернулся, то он стал еще строже, более агрессивным, у ребенка снова всё началось* (ж.);
— усилении контроля (жесткость, чрезмерная строгость, авторитарные методы воспитания): *Были случаи, когда они применяли армейские привычки при воспитании. Если ты с первого раза не понял, значит, это «залёт, парнишка», а парнишке всего 7 лет* (с.);
— отстраненности (стремлении уклониться от воспитания детей): *Просто бежит из дома, не хочет быть с детьми* (ж.).

Отцы с синдромом «потерянного отца» нуждаются в специализированной психологической поддержке.

Наблюдаются сложности и с восстановлением супружеских отношений после долгого отсутствия. Мужчины переживают страхи возвращения к роли мужа и отца, озабочены мыслями о неспособности состояться в отцовской роли, беспокоятся о непонимании своего состояния близкими, не хотят испугать своими действиями детей: *У меня нетерпеливость, эмоциональная неустойчивость под влиянием стресса службы, жена ребенка забирает и уходит в соседнюю комнату* (м.); *Жена с детьми ушла, требует развода* (м.).

Полученные результаты позволили выделить группы отцов — ветеранов военных действий с разной степенью семейной адаптации, необходимость которой вызвана их длительным отсутствием, психологическими последствиями их участия в военных действиях, возникшими семейными проблемами и кризисами в отношениях: «успешно адаптирующиеся», «неопределенные», «дезадаптированные». Критерии выделения: 1) психологическая готовность к адаптации — высокая/низкая (позитивный на-

строй, конструктивные копинг-стратегии, жизнестойкость, вера в себя); 2) отношение к детям и заботе о них, в том числе степень вовлеченности в воспитание; 3) индивидуальные и семейные ресурсы (состояние здоровья, семейный доход, обеспеченность жильем, наличие социальной поддержки, характер гендерных установок отца — эгалитарных или традиционных, трудовая занятость).

Успешно адаптирующиеся отличаются высоким уровнем готовности справиться с трудностями, конструктивными, проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, активностью и заботой о детях до, во время и после участия в военных действиях (взаимодействуют с детьми по видеосвязи, интересуются воспитанием, учебой, направляют и поддерживают детей и жен); являлись лидерами семьи до участия в военных действиях, остаются ими по возвращении к мирной жизни; быстро «встраиваются в мирную жизнь», находят работу или возвращаются к прежней, участвуют в социальных программах для ветеранов военных действий.

Неопределенные с трудом адаптируются к мирной жизни, чувствуют себя «потерянными», «отключаются от жизни» (много спят, «уходят в воспоминания»), проявляют агрессивные или депрессивные реакции, нуждаются в психологической помощи (обретении себя, преодолении тревожно-депрессивного синдрома, налаживании контактов с детьми и женами, восстановлении социальных связей и др.) Вместе с тем стремятся пройти программы реабилитации, находят работу, оформляют ветеранские выплаты, пособия, компенсации за ранения, стараются включиться в заботу о детях, участвуют в социальных программах для семей участников СВО.

Дезадаптированные не могут адаптироваться к мирной жизни после возвращения с фронта, не справляются с пережитым стрессом, чувствуют себя потерянными, ненужными, теряют смысл жизни, проявляют агрессию, обвиняют, устраивают драки, «разбивают дом, квартиру»; злоупотребляют алкоголем, наркотиками; не могут взаимодействовать и избегают близких контактов с женами и детьми, отвыкают от семейного образа жизни, стремятся к автономии. Другой вариант дезадаптации — «милитаризация сознания» — сосредоточенность исключительно на военных действиях в ущерб интересам семьи и детей, не проявляют интереса к детям, не замечают их переживаний. Стремятся возвратиться в зону военных действий, не видят себя в мирной жизни, разрывают социальные связи, чувствуют себя обиженными на государство, работников социальных служб, других специалистов. Испытывают проблемы с устройством на работу, нуждаются в комплексном лечении и реабилитации, трудоустройстве.

Анализ потребностей отцов — участников СВО и их семей показал особую актуальность в социальной и психологической поддержке:

— доступной и квалифицированной психологической (психотерапевтической) помощи (работа с ПТСР, тревогой, депрессией, агрессией);
— обучении навыкам совладания со стрессом и эмоциональной саморегуляции;
— кризисном консультировании и поддержке в острых ситуациях;
— семейном консультировании — помощи в восстановлении супружеских отношений, преодолении конфликтов, адаптации к изменениям семейных ролей;
— восстановлении связи с детьми, если она была нарушена во время отсутствия отца;
— организации досуга и отдыха, в том числе вместе с семьей;
— группах поддержки для ветеранов и их семей — обмен опытом, снижение чувства изоляции;
— признании их заслуг, уважении и благодарности со стороны семьи, общества и государства;
— социальной реадаптации и реинтеграции в мирную жизнь (помощь в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, поиске своего места в обществе);
— дестигматизации их и семей (преодоление негативного или равнодушного отношения окружения, формирование позитивного общественного мнения).

В целом, все отцы — ветераны и участники специальной военной операции нуждаются в общественной поддержке, подтверждении своей значимости как отца и защитника, в уважении семьи, признании обществом.

Проблемы и потребности жен участников специальной военной операции

Изменения семейной ситуации, с которыми столкнулись жены участников специальной военной операции, актуализируют проявления у них адаптационного синдрома, необходимость приспособления, перестройки привычного образа жизни. Характер и интенсивность их реакций различаются, но большинство женщин эмоционально переживают отсутствие мужа из-за его участия в военном конфликте. Некоторые, узнав о мобилизации, испытали настоящий шок: «У меня есть семья, где супруга, когда мужа забрали, рыдала и говорила, что они никогда не расставались. И для нее это была полная трагедия, что он ушел» (с.). Но и по прошествии времени эмоциональное напряжение остается высоким: «Жена переносила разлуку тяжко» (м.); «Поддерживает словами, сообщениями, но сама переживает» (м.). Постоянная тревога за здоровье и жизнь мужа изматывает, а в случае, если связь с ним прерывается, отсутствует информация

о том, жив ли он, интенсивность переживаний резко возрастает, неопределенность и страх за мужа еще больше истощают эмоциональные ресурсы женщины, ведут к дистрессу. Категория жен пропавших без вести особенно сложная:

Жены пропавших без вести — это испытание. У меня была на консультации женщина — она ездит в Курск, Донецк, везет гуманитарную помощь сама после того, как пришло извещение о том, что он пропал. Это тяжело, они не могут смириться (с.).

Причина острых переживаний жен пропавших без вести участников военных действий — это и страх за будущее своей семьи:

Были у нас и пропавшие без вести. Мамочку интересует сейчас только материальный вопрос, так как она осталась одна с двумя детьми (с.).

Ответственность матерей за детей требует мобилизации личностных ресурсов, вся нагрузка по организации быта, заботе о детях, решению финансовых и организационных вопросов ложится на плечи женщин.

Жены участников СВО приняли на себя обязанности отцов, то есть полностью семья жила под его руководством, а когда он ушел, ей пришлось взять на себя его обязанности» (с.).

Ради интересов детей матери стараются справляться, поддерживать тот уровень, который был у их семьи:

Подключают и детей, и родителей бойца, если семья поддерживает хорошие, родственные отношения. Стараются не падать духом, поддерживать друг друга. Безусловно, центр семейного внимания — дети, их потребности, чтобы не нуждались ни в чем, не было ущемления, чтобы жизнь была наполнена, чтобы не было пустоты. По моим ощущениям, такие жены превалируют, которые ждут (с.).

Вместе с тем семьи традиционного типа, в которых женщины часто финансово и психологически зависят от мужа, а мужчины — лидеры, несущие основную ответственность за материальное благополучие, принятие решений, организацию жизни семьи, хуже справляются с трудностями:

Недавно решали вопрос с сушильной машиной, нужно было починить. А сушильная машина стояла на стиральной и нужно было просто снять сушильную со стиральной. И наши сотрудники сделали, помогли, женщина сильно благодарила. Они звонят по таким мелочам, например пристроить собачку. Думаешь: «А ты сама не можешь решить?», а потом понимаешь, что да, не может (с).

Более успешный вариант адаптации в семьях партнерского типа, обладающих психологическими ресурсами устойчивости, зрелой личностной позицией супругов, взамозаменяемостью ролей. Для некоторых женщин испытание их жизнестойкости проходит более успешно, ситуация, в которой они оказались, сделала их сильнее, «они редко спекулируют на этой теме, что вот, я одна как-то осталась», напротив, находят в себе ресурсы: «Многие женщины получили права, до этого не умели, кто-то сменил работу, детей сами воспитывают. Ну, очень сложно, конечно, когда нет бабушек и дедушек» (с.). Жизнестойкие реакции характерны в полной мере для жен офицеров «мы сами всё сделаем, сами поможем (друг другу и мужьям)» (ж.).

Но большие и долго длящиеся повседневные нагрузки, даже если получается с ними справляться, приводят к накоплению усталости и выгоранию:

> *На мне дом, дети, моя работа, плюс постоянный сбор гуманитарки и выяснение его статуса и зарплаты. Иногда кажется, что я просто разорвусь*» (ж.).
>
> *У жены усталость от роли одной за всех* (м.).

Есть и те, кто не справляется, особенно молодые мамы:

> *Те, кто только родил, у них развивается послеродовая депрессия, им нужен психолог, но они не подпускают. Лишь потом, со временем адаптируются. Многие просят, чтобы вернули мужей* (с.).

Еще менее успешны низкоресурсные семьи — с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности. Дезадаптивный вариант приспособления женщин — употребление алкоголя, отвлечение от проблем в расслабляющем времяпрепровождении, общении с друзьями со сходными интересами. Помощь в восстановлении этих матерей в родительской роли — непростая и не всегда благодарная задача, но, как и другие женщины, мужья которых участвуют в СВО, они имеют право рассчитывать на поддержку со стороны государства.

Необходимость справляться с трудностями в отсутствие мужей, «быть за всё ответственными» порождают перегрузку, и ожидается, что их возвращение домой нормализует ситуацию. Но пережитый участником СВО травматический опыт отражается на личности, меняет поведение, и «когда мужчины возвращаются домой, супруги не знают, что с ними делать» (с.). В семью возвращается отец, который нуждается в поддержке, чтобы адаптироваться к мирной жизни, а если он был ранен, то и в заботе о его физическом здоровье. Период адаптации отца — трудный как

для него самого, так и для близких ему людей, в первую очередь жены. Ее поддержка является по сути буфером, смягчающим стресс возвращения для мужа, но для этого она должна знать об особенностях его состояния, проявлять терпение и чуткость. Если знаний недостаточно, а потенциал стресса высок у обеих сторон, повышается вероятность конфликтов:

> *Мы должны сейчас уметь их принять и реагировать на это, ибо, если мы не сможем это сделать, то это негативно повлияет на всё общество. Они изменились, нужно относиться к этому нормально и знать, как к этому относиться, чтобы узнать, нужно прийти к психологу, либо их нужно как-то информировать. Но этого нет, нужно в этом направлении работать, потому что они будут сейчас возвращаться в семью, на работу, в социум* (с.).

Какой бы сложной ни была ситуация, есть надежда, что она изменится к лучшему: муж вернется домой, жизнь нормализуется. Женщины, потерявшие мужей, теряют и эту надежду, острота их проблем наиболее высокая, прежде всего это переживание острого горя. Работа с этими женщинами наиболее трудная для специалистов:

> *Нам сложновато, если речь идет о работе с утратой. У нас есть семьи, где погибли папы. К сожалению, нам не хватает психологических каких-то своих методов. Специалисты не знают, как работать с этими людьми* (с.).

Обобщая, систематизируем проблемы функционирования семьи с позиции женщин:

— эмоциональная и физическая перегрузка, состояние хронического стресса;
— взятие на себя всей полноты ответственности за детей, быт, решение финансовых и организационных вопросов, длительное эмоциональное напряжение и, как следствие, усталость, чувство одиночества, острый стресс при утратах;
— финансовые трудности — несмотря на выплаты участникам СВО, многие семьи сталкивались с финансовыми проблемами — задержки или неполные выплаты, снижение общего дохода семьи, расходы на лечение и реабилитацию, необходимость самостоятельного обеспечения снаряжением на фронте, сохранение ипотечных и кредитных обязательств;
— отсутствие информации о пропавшем без вести муже, трудности с преодолением информационных барьеров;
— рост конфликтности в семье из-за стресса, усталости, финансовых трудностей, изменений личности вернувшегося участника СВО.

Соответственно спектр потребностей женщин, мужья которых являются действующими участниками или ветеранами СВО, достаточно широкий. Это потребности:

— в помощи по уходу за детьми, особенно для жен, оставшихся с маленькими детьми или детьми с ограниченными возможностями здоровья, в многодетных семьях или при отсутствии других родственников;
— организации быта, решении бытовых вопросов — мелкий ремонт, выполнение «мужской» работы по дому, транспортные услуги;
— финансовой стабильности, своевременном получении выплат мужа, доступе к льготам, иногда в базовой материальной помощи (продукты);
— правовой поддержке — консультации по вопросам статуса мужа, льгот, а также по семейно-правовым вопросам (развод, алименты);
— содействии в решении бюрократических вопросов — помощь в оформлении документов, навигация по инстанциям;
— информационной поддержке, получении полной информации о статусе мужа, особенно в случае ранения, лечения, пропажи без вести; о льготах и выплатах — куда обращаться, какие документы нужны; о ресурсах поддержки — куда можно обратиться за психологической, юридической, бытовой помощью;
— эмоциональной и психологической поддержке в переживании разлуки, неопределенности, страха за мужа, в кризисной психологической помощи в случаях гибели или пропажи без вести мужа;
— помощи в адаптации к изменениям мужа, консультациях по взаимодействию с партнером, пережившим боевую травму, с проявлениями ПТСР, агрессии, отстраненности;
— социальной интеграции и досуге, возможности участия в общественных мероприятиях, группах взаимопомощи, культурных мероприятиях для себя и детей, чтобы снять напряжение.

Проблемы и потребности детей ветеранов и участников специальной военной операции

Участие отца в специальной военной операции стало испытанием и для их детей. Данные о высоком уровне нервно-психического напряжения, проявляющегося в сильном дискомфорте, тревоге, страхах, нарушениях сна, резких колебаниях настроения, плаксивости (Хабибулин и др. 2025), нашли подтверждение и в нашем исследовании.

Сын может сесть и где-то реветь (м.).

Младший сначала остро реагировал, тревожность, плач по ночам «папа-папа» (ж.).

Не все дети адекватно реагируют на отсутствие отцов, они замкнуты по прошествии двух лет, испытывают сильное переживание и часто обращаются за психологической помощью (с.).

На фоне стресса обостряется невротическая симптоматика: *У старшей были проблемы с энурезом после его ухода* (ж.); *Если дочь знает, что папа на передовой, то у нее начинается булимия* (ж.). Развиваются заболевания: *сахарный диабет поставили* (ж.).

Состояние ребенка зависит от возраста, текущей ситуации, отношений с отцом.

Если у ребенка родители в разводе, а у отца уже другая семья, то таким детям безразлична судьба отца. Отец в другой семье (с.).

Дети младшего возраста скучают по отцу, но постепенно привыкают к его отсутствию:

Ребенок до пубертата — он забывает, что есть папа. Когда отец находится там, и нет плохих сообщений, то всё в порядке. (с.).

Однако, если отец перестает выходить на связь, то вслед за мамой, паниковать начинает и ребенок:

Отец не отвечает 2 недели, то у всех паника. Отец погиб — это другая ситуация, наиболее тяжелая (с.).

Есть и те (чаще подростки), кто не смог адаптироваться к уходу отца на СВО.

Девочка-подросток в депрессивном состоянии, она нуждается в медикаментах и поддержке, это началось с того момента, как отец оказался на СВО. Притом девочка никогда не тянулась к папе, а как он ушел, пошла большая тревога (с.).

Наиболее острые реакции, проявившиеся при болезненном переживании разлуки, — суицидальные намерения:

Девочка-подросток, папа ушел на СВО, есть еще дети от другого брака. И девочка была морально нестабильная, и она с другой девочкой договорилась о совместном суициде. Не совершили, благо, мама заметила быстро. Предотвратили, работали с психологом. Девочка была такая закрытая, переживала из-за отца, отец был лучший друг, а с мамой были ссоры. Она психологу призналась, на какую дату договорились (с.).

Следствие сложившейся ситуации и появление поведенческих проблем у части детей участников СВО — конфликтности, агрессивности, сниже-

ния успеваемости: *Конечно, были такие ситуации, когда отец все решал в семье, а тут ушел по контракту, мальчик перестал слушать маму* (с.). Даже если отец старается выполнять свои родительские функции на расстоянии: *Поддерживает связь, идет обмен информацией, его контроль учебы/спорта детей, желание принять «мужское решение» по возвращении*» (ж.), — внутрисемейная коммуникация нарушается по объективным причинам, контакты ребенка с отцом редкие и ограниченные.

Основные причины психоэмоциональных и поведенческих проблем у детей обусловлены переживаниями разлуки, тем, что дети скучают по отцам, но трудности появляются и после их возвращения. Некоторые дети успели отвыкнуть от отца, процесс взаимной адаптации также осложнен из-за психологического состояния и изменившегося поведения отца после возвращения:

> *В целом возвращение очень тяжело многие переживают. Им стало сложнее понимать друг друга. У меня на консультациях почти десяток семей, в которых у детей проблема. Именно вопрос в адаптации. Ты 1–2 года отсутствовал, вам нужно заново свыкаться, это тяжело для ребенка* (с.).
>
> *Дочь сначала боялась и дичилась после возвращения*» (м.).
>
> *У нее отчужденность некая... нет осознания, кто я, что я* (м.).

Реакция отчуждения от отсутствующего отца, которая проявлялась у некоторых подростков, может быть объяснена возрастным кризисом, сложностями процесса поиска личностной идентичности. Непростые вопросы личностного самоопределения, встающие перед подростками в этот период, дополнены вопросом о влиянии на них статуса ребенка из семьи участника СВО. Кроме того, дети сталкивались не только с поддерживающим отношением со стороны окружающих, но и с проявлениями буллинга.

> *Сын столкнулся с оскорблениями («папа — убийца»)* (ж.).
>
> *Дочь скрывала статус отца в новой школе (вероятно, из-за негативного опыта)* (ж.).

Как подросток решает для себя этот вопрос, зависит в том числе от его отношений с отцом: чем эти отношения ближе, тем вероятнее идентификация с отцом.

> *У меня тоже разные случаи, кто-то патриотически относится, кто-то уходит в протест. В зависимости от того, какая связь изначальная у отца и детей* (с.).

Имеют место не только переживания за отца, слова любви и поддержки, но и желание выразить эту поддержку делом:

Если подростковый возраст, то там уже иная картина. У меня там несколько семей, они очень патриотично и трепетно относятся к этому, даже сын учиться стал лучше, все грамоты, медали по возможности отсылают папе. Стимул появился. Второй в кадетское училище поступил. Третий тоже с военным чем-то связанный. Идет направленность такая, «папа там», нужно соответствовать (с.).

Информация о переживаемых детьми в семьях участников СВО проблемах показывает, что они, как их матери и отцы, испытывают значительные потребности в социальной поддержке:

— в стабильности и безопасности, сохранении привычного уклада жизни насколько возможно;
— эмоциональной поддержке, помощи в преодолении переживаний, связанных с отсутствием отца, тревоги, страхов;
— психологической помощи при возникновении поведенческих проблем, трудностей в учебе, психосоматических реакциях, в адаптации к изменившемуся поведению отца после возвращения;
— поддержании связи с отцом, возможности общения (звонки, письма);
— защите от буллинга, профилактике и реагировании на случаи травли в образовательных учреждениях;
— качественном совместном времяпрепровождении во время отпусков отца;
— кризисной помощи в случае гибели отца;
— реализации стремления быть похожим на отца, поддержке ценностей патриотизма и солидарности.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о комплексных изменениях в семьях участников СВО, затрагивающих ее структурно-динамические характеристики, порождающих проблемы и семейные кризисы, активизирующих потребности во внешней помощи и собственные ресурсы. Изменения касаются как отцовства, так и сопряженных с ним материнства, супружества, происходит трансформация функционирования всей семейной системы. Наблюдаются процессы *укрепления или реадаптации* в тех случаях, когда семьи успешно адаптируются к длительному отсутствию супруга и отца, жены мобилизуются, берут на себя новые роли, отношения укрепляются. Пережитые трудности, длительная разлука и расстояния способствуют перезагрузке в супружеских отношениях. Преобразования затрагивают отцовскую идентичность, возрастает роль главы семьи, защитника, происходит переоценка семейных ценностей. В семьях рождаются новые дети, способствующие усилению значимости родительства, придающие новые смыслы мирной жизни.

Вместе с тем нарастают процессы *дестабилизации семьи и ее распада,* связанные с эмоциональной нестабильностью вернувшихся с фронта мужчин, трудностями их реинтеграции в мирную жизнь. В семьях военнослужащих наблюдаются конфликты, семейное насилие, атомизация и обособление от жен, отчуждение от интересов повседневной жизни своих детей. Семьи сталкиваются с перегрузкой матерей, ухудшением коммуникации, психоэмоциональными и поведенческими проблемами у детей, связанными как с отсутствием отца, так и с его возвращением. Ключевыми семейными проблемами ветеранов и их семей выступают ухудшение физического и психологического здоровья (ранения, контузии, ПТСР, депрессии, аддикции), сложности семейной реинтеграции, дезадаптивные изменения в супружеских и детско-родительских отношениях.

Подводя итоги исследования, отметим, что в определении мер поддержки отцов — участников СВО, их жен и детей необходимо учитывать происходящие в семье кризисы на разных уровнях функционирования семейной системы:

— супружеских отношений (отдаление, обособление, отчуждение);
— родительско-детских отношений (ослабление эмоциональных связей, нарушение коммуникаций, восприятие отца как «чужого», отчуждение, девиантные практики, авторитарные способы воспитания),
— отношений семьи с обществом (трудности интеграции, адаптации к мирной жизни, преодолении барьеров в получении помощи, лечении и реабилитации, дефицит поддержки).

Наблюдаются и личностные кризисы:

— у мужчин (отцов) — обусловленные *травматическим опытом* (переживание острого горя, депрессии, аддикции, отчуждение, апатия, гнев, агрессия), *идентификации и самоопределения* (переживания своего участия в военных действиях, ожидания героизации и идеализации своей роли, трудности принятия потерь, утрат), *трансформации отцовства* (переживание чувства вины за долгое отсутствие, синдром «потерянного» отца, дефициты выполнения отцовских функций, синдром отчуждения, отказ от родительской роли), *адаптации и интеграции в мирную жизнь* (трудности обретения новой профессии, получения образования, соответствия ожиданиям);
— у женщин (жен) — *кризис разлуки* (эмоциональное напряжение, высокий уровень тревоги), *принятия новой роли* (главы семьи, ответственности за семью, выполнение несвойственных функций, реорганизация семейных ролей), *утраты в ситуации гибели мужа* (переживание острого горя, суицидальные мысли, отчуждение, потеря смысла жизни, девиантные практики), *совладания с трудностя-*

ми (переживания усталости, перегрузки, одиночества), *кризис воссоединения* (непонимание особенностей состояния мужа, недостаток терпения, чуткости, конфликты, «борьба за семейную власть»);

— у детей — *кризис адаптации к отсутствию отца* (проявления тревожности, страхов, невротической симптоматики, обострение заболеваний, переживание разлуки, поведенческие проблемы), *утраты и гибели отца* (переживание горя, суицидальные мысли), *принятия статуса члена семьи участника СВО* (протестное поведение, отвержение, буллинг).

Анализ полученных данных свидетельствует, что ответ на ключевой вопрос «Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции?» во многом зависит от того, какие это семьи. Согласно результатам исследования, преодоление кризисов в значительной степени взаимосвязано с ресурсами семьи (материальными, жилищными, психологическими), адаптивностью, распределением власти и ответственности в семье, потенциалом жизнестойкости. Более успешны в преодолении кризисов и совладании с трудностями *ресурсные партнерские семьи*, для которых характерны взаимозаменяемые роли, солидарная модель родительства, взаимная поддержка и забота друг о друге. Эти семьи в большей степени отличает активная адаптация к трудной жизненной ситуации, проблемно-ориентированные копинг-стратегии, навыки в решении жизненных проблем, зрелая личностная позиция. Отличительная особенность справляющихся с кризисами семей — жизнестойкие способы совладания с трудностями жен военнослужащих (поддержание должного уровня жизни, организация быта, забота об эмоциональном состоянии детей и супруга, помощь другим женам военных). Менее успешны в совладании с кризисами, негативными последствиями отсутствия супруга и отца *ресурсные семьи традиционного типа*, ответственность в которых за материальное обеспечение, организацию жизни семьи, безопасность лежала на отце. Усугубляет ситуацию экономически зависимое положение женщины, отсутствие у нее работы, образования, профессиональной квалификации, а также преобладание эмоционального реагирования. Неуспешны семьи *низкоресурсные* (с дефицитами материальной обеспеченности, личностной зрелости родителей, социальной компетентности, семейной сплоченности), в которых женщины не могут совладать с кризисами, реализуя защитные стратегии погружения в неадаптивные практики (агрессивность, самообвинения, избегание общения, депрессия, игнорирование проблем и уход от их решения), девиантное поведение (употребление алкоголя, наркотиков, «веселые» компании), разрыв отношений и развод с супругом.

Литература / References

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2023) «Ненужные» дети? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян. *Социологические исследования,* 8: 101–111.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2023) "Unwanted" Children? Values of Parenting, Rights of Fathers and Mothers in Sociocultural Attitudes of the Russians. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 8: 101–111 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2024) Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях. *Социологические исследования,* 11: 87–99.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2024) Relationships with Fathers as a Factor of Fatherhood Involvement among Young Fathers in Multi-Child Families. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 11: 87–99 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Мальков Н.Р. (2022) Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения. *Социологические исследования,* 10: 117–127.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A., Malkov N.R. (2022) Paternity of Young Convicted Fathers Going through Imprisonment, *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 10: 117–127 (in Russian).

Безрукова О.Н., Филимонов Р.М. (2025) Социальная поддержка отцов-участников специальной военной операции и их семей: проблемы и принципы сопровождения. *Общество. Среда. Развитие,* 4: 3–7.

Bezrukova O.N., Filimonov R.M. (2025) Social support for fathers participating in special military operations and their family members: problems and principles of support. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 4: 3–7 (in Russian).

Герасимова И.В., Курикалова А.А. (2023) Жизнестойкость и совладающее поведение жен военнослужащих — участников специальной военной операции. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 20(4): 50–55.

Gerasimova I.V., Kurikalova A.A. (2023) Hardiness and Coping Behavior of Wives of Servicemen Participating in the Special Military Operation. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 20(4): 50–55 (in Russian).

Горина Т.И. (2024) Специфические вызовы и проблемы семей участников СВО: результаты фокус-групповых дискуссий. *Теория и практика общественного развития*, 6: 38–50.

Gorina T.I. (2024) Specific Challenges and Problems of Families of Participants in the Special Military Operation: Results of Focus Group Discussions. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 6: 38–50 (in Russian).

Гудкова И.В. (2020) Психологические особенности членов семей (жен) военнослужащих, выполняющих боевые задачи за пределами границ Российской Федерации, с разным уровнем удовлетворённости браком. *Прикладная психология и педагогика*, 2: 183–199.

Gudkova I.V. (2020) Psychological Characteristics of Family Members (Wives) of Servicemen Performing Combat Missions Outside the Borders of the Russian Federation, with Different Levels of Marital Satisfaction. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika* [Applied Psychology and Pedagogy], 2: 183–199 (in Russian).

Зойя Л. (2013) *Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ*. М.: Либроком.

Zoya L. (2013) *Otets: Istoricheskiy, psikhologicheskiy i kul'turologicheskiy analiz* [The Father: Historical, Psychological and Cultural Analysis]. Moscow: Librokom Publ. (in Russian).

Зуйкова А.А., Потемина Т.Е., Погодина Т.Г. (2013) Особенности комплексной реабилитации стрессогенных расстройств у членов семей ветеранов боевых действий. *Медицинский альманах*, 2: 148–150.

Zuykova A.A., Potemina T.E., Pogodina T.G. (2013) Features of Comprehensive Rehabilitation of Stress-Related Disorders among Family Members of Combat Veterans. *Meditsinskiy al'manakh* [Medical Almanac], 2: 148–150 (in Russian).

Караяни А.Г. (2024) Боевой стресс: проблемы определения и классификации. *Вестник Московского университета МВД России*, 1: 254-264.

Karayani A.G. (2024) Combat Stress: Problems of Definition and Classification. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1: 254-264 (in Russian).

Малышев А.Г. (2022) Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 177–207.

Malyshev A.G. (2022) Infrastructure for Supporting Involved Fatherhood. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 177–207 (in Russian).

Матвеева Н.В. (2025) Методология и практика психологической поддержки мобилизованных граждан и их семей: принципы, направления, технологии. *Тихоокеанский вестник психологии*, 1: 77–83.

Matveeva N.V. (2025) Methodology and Practice of Psychological Support for Mobilized Citizens and Their Families: Principles, Directions, Technologies. *Tikhookeanskiy vestnik psikhologii* [Pacific Bulletin of Psychology], 1: 77–83 (in Russian).

Пермогорская Е.М., Падун М.А. (2011) Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД — участников контртеррористических операций на Северном Кавказе. *Психологические исследования: электрон. науч. журнал*, 3(17): 1–16. [http://psystudy.ru/num/2011n3-17/489-permogorskaya-padun17] (дата обращения: 15.10.2025).

Permogorskaya E.M., Padun M.A. (2011) Post-Traumatic Stress and Family Relations among Internal Affairs Officers Who Participated in Counterterrorist Operations in the North Caucasus. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurnal* [Psychological Studies: Electronic Scientific Journal], 3(17): 1–16. [http://psystudy.ru/num/2011n3-17/489-permogorskaya-padun17] (accessed 15 October 2025) (in Russian).

Рождественская Е.Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Rozhdestvenskaya E.Yu. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Склянко В.В. (2020) Адаптации участников боевых действий к мирной жизни. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*, 2: 243-251.

Sklyanko V.V. (2020) Adaptation of Combatants to Peaceful Life. *Vestnik Luganskoy akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko* [Bulletin of the E.A. Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs], 2: 243-251 (in Russian).

Хабибулин Д.А., Селезнева В.В., Хабибулин Д.Д. (2025) Психологическая помощь детям ветеранов и участников специальной военной операции. *Проблемы современного психологического образования*, 87(1): 402–404.

Khabibulin D.A., Selezneva V.V., Khabibulin D.D. (2025) Psychological Assistance to Children of Veterans and Participants in the Special Military Operation. *Problemy sovremennogo psikhologicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Psychological Education], 87(1): 402–404 (in Russian).

Шевченко И.О. (2015) Ситуация после развода: отцы и дети. *Социологические исследования*, 3(371): 70–77.

Shevchenko I.O. (2015) The Post-Divorce Situation: Fathers and Children. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3(371): 70–77 (in Russian).

Янак А.Л. (2022) Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 140–176.

Yanak A.L. (2022) A Factor Model of Paternal Involvement. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 140–176 (in Russian).

Creech S., Misca G. (2017) Parenting with PTSD: A review of Research on the Influence of PTSD on Parent-Child Functioning in Military and Veteran Families. *Frontiers in Psychology*, 8(1001), 1–8.

Danish S.J., Antonides B.J. (2013) The challenges of reintegration for service members and their families. *American Journal of Orthopsychiatry*, 83(4): 550–558.

Dodge J. et al. (2025) Programs to Address Violence for Military Families: a Systematic Review. *Journal of Family Violence*, 40: 383–399.

Doucet A. (2020) Father Involvement, Care and breadwinning: Genealogies of concepts and revisioned conceptual narratives. *Genealogy*, 4(1): 1–17.

Elnitsky C.A., Kilmer R.P. (2017) Facilitating Reintegration for Military Service Personnel, Veterans, and Their Families: An Introduction to the Special Issue. *American Journal of Orthopsychiatry*, 87(2): 109–113.

Fagan J., Palkovitz R. (2007) Unmarried, Nonresident Fathers' Involvement with their Infants: A Risk and Resilience Perspective. *Journal of Family Psychology*, 21(3): 479–489.

Hill R.L. (1949) *Families Under Stress: Adjustment to the Crises of War Separation and Reunion*. New York: Harper and Brothers.

Lamb M. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

Paley B., Lester P., Mogil C. (2013) Family Systems and Ecological Perspective on the Impact of Deployment on Military Families. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 16(3): 245–265.

Pleck J. (1997) Paternal involvement: Levels, Sources, and Consequences. In: Lamb M.E. (ed.) *The role of the father in child development*. New York: John Wiley and Sons: 66–103.

Suarez C., Baines E. (2021) «Together at the Heart»: Familial Relations and the Social Reintegration of Ex-combatants. *International Peacekeeping*, 29(1): 1–23.

Walsh T.B., Dayton C.J., Erwin M.S., Muzik M., Busuito A., Rosenblum K.L. (2014) Fathering after military deployment: parenting challenges and goals of fathers of young children. *Health and Social Work*, 39(1): 35–44.

Источники

Минобороны РФ: более половины мобилизованных россиян женаты и имеют детей. Lenta.ru. [https://lenta.ru/news/2023/12/27/minoborony-raskrylo-statistiku-po-mobilizovannym-rossiyanam-bylo-prizvano-bolshe–300-tysyach-muzhchin/] (дата обращения: 25.10.2025 г.)

HOW FAMILIES OF VETERANS AND PARTICIPANTS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION COPE WITH FAMILY PROBLEMS AND CRISES

Olga Bezrukova (o.bezrukova@spbu.ru),
Valentina Samoylova,
Ruslan Filimonov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Bezrukova O., Samoylova V., Filimonov R. (2026) How families of veterans and participants in the Special Military Operation cope with family problems and crises. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 92–117 (in Russian).
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.4 EDN: CRVAYG

Abstract. This article analyzes the impact of fathers' participation in the Special Military Operation (SMO) on the structural and dynamic characteristics of families, the family problems and crises experienced by their members, resources for adaptation to a new life situation, and families' needs for social support. The qualitative study sample included

The qualitative study sample included 47 families: 27 young men who participated in in the Special Military Operation and had families and children, 20 mothers from these families 20 women whose husbands are members of the SMO, and 45 social curators who accompanied the families of fathers who participated in the Special Military Operation at Social Service Centers and Social Assistance Centers for families and children in St. Petersburg. The authors pointed out transformations in the functioning of the family system, as well as marriage, fatherhood, and motherhood in the families of SMO participants: positive (processes of re-adaptation and strengthening), negative (destabilization and disintegration). Based on the degree of adaptation, the degree of parental involvement, available resources, strategies for coping with stress associated with participation in military operations, and the specific distribution of responsibilities in marital and parental roles, fathers were distinguished as successfully adapting, uncertain, and maladapted. We described the syndromes of "lost father" (aggression, deviant practices) and "alienation" (indifference to loved ones, isolation). The authors structured the issues and needs for support of all family members. We analyzed the crises at different levels of family system functioning: marital relations, parent-child relations, family relations with society, as well as personal crises of fathers, mothers, and children. We explain that crisis resolution correlates with family resources, adaptability, the distribution of power and responsibility within the family, as well as resilience. Resource partner families with interchangeable roles, problem-focused coping strategies, a mature personal stance, and resilient behavior patterns of the wives are more efficient in overcoming crises. Traditional resource families, in which responsibility for the material support and organization of the family lies with the father, are less efficient, as are families with economic dependence, lack of employment, education, or professional qualifications, and a predominance of emotionally focused and defensive coping strategies. Families with low resources and deficits in material security, personal maturity of parents, social competence, and family cohesion are unsuccessful.

Keywords: special military operation (SMO), social support, SMO participants, family crisis, fathers, children of veterans and participants of the SMO, wives of veterans and participants of the SMO, military families, fatherhood.

Acknowledgements

This article was prepared within research project No. 23-18-00770 of the Russian Science Foundation (RSF), https://rscf.ru/project/23-18-00770/.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

«РЕМЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РЕБЕНКА»: ПРЕКОНЦЕПЦИОННЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СКРИНИНГ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ[1]

Елена Сергеевна Богомягкова (e.bogomyagkova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Богомягкова Е.С. (2026) «Ремень безопасности для ребенка»: преконцепционный генетический скрининг в оценках экспертов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 118–143. https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.5 EDN: CXGTYP

Аннотация. Статья содержит результаты социологического исследования, реализованного методом экспертных интервью в 2023–2025 гг. и посвященного изучению актуального дискурса в отношении генетического тестирования на этапе планирования беременности — преконцепционного генетического скрининга (ПКС). Несмотря на то что этот вид диагностики является пока новым для нашей страны опытом, в последнее время вопрос о его внедрении в широкую медицинскую практику обрел политическое звучание. Однако, прежде чем быть представленными широкой общественности, те или иные решения обсуждаются, нормализуются и легитимируются в среде специалистов, обладающих, благодаря своему положению в профессиональной иерархии, правом и возможностью участвовать в определении социальной нормы. Именно поэтому особенно актуальным становится анализ существующих в экспертном сообществе представлений и оценок. В ходе исследования выявлены и описаны основные отмеченные экспертами препятствия институционализации ПКС в нашей стране, связанные с готовностью, с одной стороны, населения, а с другой, — социальных институтов. К институциональным препятствиям относятся нехватка кадров и инфраструктуры, недостаток компетенций у медицинских профессионалов, трудности становления профилактической медицины. К препятствиям, связанным с населением, эксперты причисляют низкую генетическую грамотность, недостаточную информированность, социокультурные особенности и необходимость самостоятельной оплаты тестирования. Показано, что на сегодняшний день к использованию потенциала генетики в сфере репродукции в профилактических целях не готовы ни система здравоохранения, ни сами пациенты, а существующий формат оказания помощи находится в определенном балансе. Внедрение ПКС в широкую медицинскую практику нарушит сложившееся равновесие и потребует значительных кадровых и инфраструктурных изменений, а также формирования профилактического сознания, повышения информированности и генетической грамотности населения.

[1] Исследование выполнено при поддержке Благотворительного фонда «Острова», проект № 123081700051-2.

Анализ экспертного дискурса высветил отсутствие консенсуса среди профессионалов по ряду принципиальных вопросов, а также несформированность единых представлений о сущности ПКС, возможностях и границах его применения. Успешность институционализации генетического скрининга будет зависеть от выработки согласованной позиции в экспертном сообществе, формирующем и легитимирующем социальную норму.

Ключевые слова: преконцепционный генетический скрининг, генетическое тестирование, экспертные интервью, институционализация, препятствия институционализации.

Введение

«Ген», «ДНК», «ГМО» — эти и многие другие понятия все активнее проникают в повседневность современного человека, свидетельствуя о значительных изменениях в понимании его природы, здоровья и телесности. Расширение использования потенциала генетики в различных областях общественной жизни сопровождается дискуссией как в академическом сообществе, так и в публичном пространстве. Не только общественное мнение в отношении применения ДНК-технологий не отличается однозначностью (Долгов 2024) — в среде профессионалов по многим вопросам также не достигнут консенсус (Matar, Hansson, Höglund 2019; Лехциер, Шекунова 2022). В нашей стране развитие и использование генетических технологий входят в число приоритетных задач государственной политики и регулируются на законодательном уровне (Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2018 № 680; Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97; Постановление Правительства от 22.04.2019 № 479).

Одной из сфер, где обращение к возможностям генетики сегодня наиболее рутинизировано, является забота о здоровье. Например, данные, полученные в результате ДНК-тестирования, позволяют делать прогноз развития ряда болезней на досимптоматической стадии и предпринимать необходимые профилактические меры, а информация о генетическом профиле пациента оказывается полезной для разработки таргетной терапии. В репродуктивной медицине уже длительное время важное диагностическое значение имеют неонатальный и пренатальный скрининги. Кроме того, решение репродуктивных проблем пары, как правило, предполагает консультацию врача-генетика, а в ситуации использования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в последние годы растет число обращений к преимплантационной генетической диагностике (ПГД). Несмотря на то что информация о генетическом профиле пациента полезна при постановке диагноза и объяснении имеющихся симптомов, основные перспективы использования генетического знания

связаны с развитием медицины 4-П[1]. Ключевыми аспектами новой модели здравоохранения становятся не диагностика и лечение актуальных состояний, а предикция и профилактика угроз здоровью, которые могут возникнуть у пациента в будущем. Прогностический потенциал генетических технологий в наибольшей степени реализуется в области репродуктивной медицины и онкогенетики (Угарова 2018). Однако сегодня знание о ДНК может применяться не только для уточнения рисков здоровью конкретного человека или в случае состоявшейся беременности, но и для оценки вероятности заболевания у потомства клинически здоровых родителей. Это возможно с помощью пока нового и наиболее дискутируемого в нашей стране вида генетического тестирования — преконцепционного генетического скрининга.

Преконцепционный генетический скрининг: к определению понятия

Бытует мнение, что ребенок с особенностями здоровья может появиться только в семье, где родители или иные кровные родственники имеют явные недуги, т.е. риски наследования заболевания заметны и осознаются членами семьи. Однако накопленные в генетике знания о механизмах передачи ряда заболеваний потомству свидетельствуют о том, что подобные представления далеки от реальности. Сегодня вероятность рождения ребенка с заболеванием может быть предсказана на основе информации о ДНК абсолютно здоровых родителей. Получение такого прогноза возможно и оправдано для моногенных орфанных заболеваний. Несмотря на то что их распространенность в популяции невысока (менее 1 случая на 10 000–15 000 рождений), частота некоторых не может не настораживать, например муковисцидоза (1:2000–1:3000), фенилкетонурии (1:7000), спинально-мышечной атрофии (1:5184) (Gao et al. 2015; Fridman et al. 2021). При этом на сегодняшний день установлено уже более 1900 такого рода заболеваний (Online Mendelian Inheritance in Man). Их носители нуждаются в пожизненной терапии, лечение требует значительных финансовых вложений, а само заболевание вызывает спектр сложных физиологических, этических, психологических и социальных проблем, может существенно снижать продолжительность жизни, а вместе с ней и качество жизни как самого больного, так и его ближайшего окружения. Стоит отметить и значительные финансовые затраты, возрастающие с развитием дорогостоящей таргетной терапии, которые ло-

[1] Медицина 4-П — персонализированная, предиктивная, превентивная, партисипативная.

жатся на систему здравоохранения, социальной помощи и защиты и на отдельные семьи.

По имеющимся статистическим данным (Gao et al. 2015; Fridman et al. 2021), каждый современный человек, будучи клинически здоровым, является носителем нескольких десятков генетических мутаций, относящихся к моногенным заболеваниям. При этом ребенок, родившийся в паре, где у обоих родителей присутствуют мутации в одном и том же гене, с вероятностью 25% будет болен. Выявлять скрытое носительство генетических нарушений у потенциальных родителей позволяет генетическое тестирование на этапе планирования беременности — преконцепционный генетический скрининг (от англ. conception – зачатие, преконцепционный, т.е. до зачатия). Его цель состоит в определении вероятности рождения ребенка с недугом в конкретной семье и обеспечении тем самым возможности репродуктивного выбора будущим родителям. Например, зная о своих рисках, пара может выбрать наиболее приемлемый для себя способ зачатия или подготовиться к рождению ребенка с особенностями здоровья.

Для нашей страны преконцепционный генетический скрининг является сравнительно новой практикой. Он не включен в программу ОМС и предоставляется преимущественно на коммерческой основе по инициативе будущих родителей. В крупных городах на базе специализированных медицинских учреждений периодически реализуются локальные проекты, предоставляющие услуги по генетическому тестированию для семей из групп риска бесплатно (например, проект БФ «Острова»[1]). Этот вид диагностики является предметом оживленных дискуссий в профессиональном медицинском и академическом сообществе (см., например: Биоэтика и генетика… 2024; Глотов и др. 2023; Борисова, Нестеров 2023; Талантова и др. 2024). Как правило, предметом обсуждения выступают этические и правовые аспекты преконцепционного скрининга, а в качестве успешных кейсов приводятся примеры из зарубежной практики. Так, на Кипре и Сардинии с помощью такой диагностики удалось существенно снизить число рождений детей с талассемией. С 1969 г. скрининг носительства при болезни Тея-Сакса проводят в популяции евреев ашкенази. В результате заболевание, которое ранее встречалось у каждого 25-го еврея, к началу XXI в. почти исчезло (Cao, Kan 2013; Донников 2019). В настоящее время в Италии, Греции, Великобритании, Франции, Иране, Таиланде, Австралии, Сингапуре, Тайване, Гонконге, на Кипре и Кубе разработаны комплексные национальные профилактические программы (Донников 2019).

[1] Более подробно см.: https://xn--8-0afcdcavqlo0d.xn--p1ai/ostrova.

В конце 2024 г. в нашей стране вопрос о внедрении преконцепционного генетического скрининга в широкую медицинскую практику обрел политическое звучание (Перечень поручений…), что подстегнуло новую волну дебатов.

Постановка проблемы

Несмотря на то что преконцепционный генетический скрининг в последнее время активно обсуждается, единого мнения о его необходимости, целесообразности, границах и перспективах применения не сложилось. Недостаток согласия среди профессионалов подтверждает и отсутствие единой терминологии для обозначения рассматриваемой практики — в литературе можно встретить термины «преконцепционный генетический скрининг» с двумя разными аббревиатурами «ПКС» и «ПГС» и «преконцепционное генетическое тестирование»[1].

Более того, реальный российский опыт обращений к этому виду ДНК-диагностики не осмыслен и не систематизирован. Говоря социологическим языком, остается неясным, каковы актуальное состояние и перспективы институционализации ПКС в нашей стране: какова готовность, с одной стороны, социальных институтов, а с другой –– населения, использовать генетические инновации; каким образом новые технологии встроены в систему оказания медицинской помощи; какие программы и траектории движения пациентов существуют; какие трудности возникают и как преодолеваются. Полагаем, что принятие тех или иных медицинских и административных решений с опорой лишь на опыт других стран может быть неверной стратегией и не приведет к нужным результатам. Поэтому понимание и анализ процессов интеграции генетического знания и технологий в систему оказания медицинской помощи в нашей стране становится как никогда актуальным.

По имеющимся данным, обращаемость россиян к ПКС невелика (Богомягкова, Орех, Глухова 2025). Стремление к его популяризации исходит прежде всего от профессионалов, т.е. потребность формируется «сверху». Прежде чем быть представленными широкой общественности, те или иные решения обсуждаются, нормализуются и легитимируются в среде специалистов, обладающих обусловленными их позицией в профессиональной иерархии правами и возможностями определять социальную норму. Именно поэтому помимо изучения общественного мнения о проблеме важно понимать существующие в экспертном сообществе представления и оценки.

[1] В статье мы будем использовать сокращение ПКС.

Статья содержит результаты социологического исследования, реализованного при поддержке Благотворительного фонда «Острова» методом экспертных интервью со специалистами из различных областей науки и практики. Данный метод оказывается особенно полезным, когда речь идет о новых социальных явлениях и попытках инициировать социальные изменения с помощью программ и проектов. Поскольку эксперты выступают как акторы, оказывающие влияние на формирование социальных практик, для исследователя важны их индивидуальное восприятие феномена и ценностные ориентации, обусловленные институционализированной компетентностью в конструировании социальной реальности (Чернова 2023). Преимущества метода успешно продемонстрированы при изучении генетических технологий как части предиктивной и персонализированной медицины (Шекунова, Лехциер 2022). Однако до настоящего времени особенности ПКС, поднимающего вопросы, связанные с готовностью использовать потенциал генетики не только в индивидуальных практиках заботы о здоровье, но и в принятии репродуктивных решений, остаются неизученными. Цель статьи состоит в прояснении и систематизации точек зрения экспертов на перспективы и трудности институционализации ПКС в нашей стране.

Дизайн эмпирического исследования

Для описания существующего в экспертном сообществе дискурса о преконцепционном генетическом скрининге в период с июня 2023 г. по март 2025 г. была проведена серия экспертных полуструктурированных интервью со специалистами Санкт-Петербурга, Москвы, Томска и Ростова-на-Дону, непосредственно сталкивающимися с рассматриваемой проблематикой в своей профессиональной деятельности. Отбор информантов производился на основе метода доступных случаев с последующим применением метода «снежного кома». В результате в выборку вошли врачи-генетики, в том числе один работающий с детьми, генетик-исследователь, специалисты по биоэтике, врач-невролог, организатор здравоохранения, врач гинеколог-репродуктолог, журналист, юрист, основатели благотворительных фондов, помогающих пациентам с орфанными заболеваниями, представитель пациентской организации. Проведено 13 интервью, часть из них — в дистанционном формате с использованием платформ Zoom, Skype, MSTeams, мессенджера WhatsApp. Продолжительность беседы колебалась от 1 до 1,5 часов. От всех экспертов было получено информированное согласие на участие в исследовании и использование анонимизированных результатов при подготовке научных статей и аналитических отчетов. С согласия информантов все интервью были записаны на диктофон, аудиозаписи были дословно

транскрибированы, информация личного характера исключалась из транскриптов. Доступ к аудиоматериалам и транскриптам имели только члены исследовательского коллектива. На основе 13 интервью с экспертами разной профессиональной и институциональной принадлежности говорить о полном насыщении аналитических категорий не представляется возможным. Однако с определенной долей уверенности можно судить, что по ряду вопросов такое насыщение было достигнуто. Тем не менее, полагаем, что полученная в итоге выборка носит разведывательный характер и может быть расширена за счет привлечения новых экспертов. Для обработки данных использовался тематический анализ с элементами открытого кодирования, восходящий к логике обоснованной теории.

В ходе интервью обсуждался широкий круг тем: перспективы внедрения ПКС в широкую медицинскую практику в нашей стране, этические, правовые и организационные трудности такого внедрения, представления о том, кто должен вовлекаться в ПКС и на какие заболевания в первую очередь необходимо проводить тестирование и многие другие. Поскольку этико-правовые и философские аспекты ПКС подробно рассматриваются в российском академическом поле, мы сосредоточимся на описании и систематизации основных трудностей институционализации ПКС в нашей стране, отмеченных экспертами.

Следуя за логикой П. Бергера и Т. Лукмана (Berger, Luckmann 1966), мы понимаем институционализацию как процесс, двумя составляющими которого являются, с одной стороны, становление и «затвердевание» формальных и неформальных социальных норм, а с другой — распространение и рутинизация соответствующих им практик. Опираясь на эту трактовку, в нарративах мы выделили две большие категории, описывающие, с нашей точки зрения, процесс институционализации: «готовность населения» и «готовность институтов». С помощью метода открытого кодирования мы выявили и систематизировали позиции экспертов, относящиеся к каждой категории. Поиск связей между кодами и категориями носил итеративный характер: в процессе обнаружения новых кодов уточнялось содержание категорий и наоборот. В результате каждая крупная категория распалась на несколько более мелких кодов, уточняющих ее содержание. Подчеркнем, что термин «институционализация» является аналитическим и не использовался напрямую в интервью ни исследователем, ни информантами. Эксперты обозначали этот процесс с помощью понятий «внедрение», «распространение», «популяризация».

В изложении результатов сначала мы последовательно опишем полученные категории и коды, а затем укажем на обнаруженные в нарративах экспертов дихотомии, в заключение сформулируем выводы.

Готовность населения

Категория «готовность населения» предполагает экспертную характеристику особенностей жителей нашей страны, связанных с практиками заботы о здоровье, отношением к генетическому знанию, социокультурными ценностями. Она распадается на следующие коды: «низкая генетическая грамотность населения», «низкая информированность населения о возможностях современных генетических технологий», «социокультурные особенности российского общества», «необходимость самостоятельной оплаты генетического тестирования».

Низкая генетическая грамотность населения. Низкая генетическая грамотность населения — одна из главных причин, препятствующих популяризации ПКС, отмечаемая практически всеми экспертами. В свою очередь, она трактуется широко и включает в себя несколько аспектов (субкодов). Во-первых, эксперты указывают на настороженность и недоверие населения к генетике в целом, что находит подтверждение и в других исследованиях (Долгов 2024).

> *У нас даже больше, если посмотреть на средства массовой информации, еще что-то, да, какая аура у генетики. Некоторое время назад был ГМО, да. Это же… Генетика — это плохо. Генетика — это плохо. Потом редактировать геномы научились. Какая у нас была новость номер один? Что китайский ученый отредактировал геном двух младенцев. Генетика — это плохо…* (генетик-исследователь).

Во-вторых, информанты полагают, что трудности распространения ПКС связаны с недостаточной осведомленностью россиян о специфике наследственных генетических заболеваний и способах их передачи. Этим обусловлены и невысокая заинтересованность в получении информации о своем ДНК, и непонимание сути такого рода данных.

В-третьих, низкая генетическая грамотность проявляется в том, что знание генетических особенностей и индивидуальных рисков может трактоваться пациентом не как вероятность, а как окончательный диагноз, что, в свою очередь, может приводить к его (само)стигматизации.

> *Серьезное, мне кажется, ограничение — это то, что люди понимают возможности изменения отношения ближнего окружения и общества в целом к тому, у кого было выявлено носительство патогенного варианта. И это отношение может дойти до стигматизации и дискриминации. Во-первых, у самого человека ощущение какой-то неполноценности. Плюс отношение к нему, если эта информация становится публичной. Люди не знают, что у каждого из нас там*

до десятка рецессивных аллелей. И поэтому этот эффект клеймения, навешивания социальных ярлыков — это еще одна причина (специалист по биоэтике).

Негативные ассоциации может вызывать и специфическая генетическая терминология: «…что я носитель мутации, я мутант, чувство вины, вот, а я такой, значит, недостаточный, а я такой несовершенный» (основатель благотворительного фонда). Более того, в ситуации информационной неопределенности проведение генетического тестирования и сообщение результатов могут порождать тревогу, страх и беспокойство, приводить к эмоциональной дестабилизации пациента:

Потому что сам факт необходимости проведения скрининга, ожидания результатов и потом оценка результатов, особенно если выявлено носительство, могут отрицательно сказываться на психологическом состоянии. Тревожность и без того высокая (специалист по биоэтике).

Низкая информированность населения о возможностях современных генетических технологий. В качестве значимого препятствия институционализации ПКС эксперты называли невысокую информированность населения о возможностях современной высокотехнологичной медицины. Согласно имеющимся исследованиям, обращение к генетическому тестированию не является популярной практикой заботы о здоровье в нашей стране (Богомягкова 2022; Шекунова 2024). По самым оптимистичным оценкам лишь каждый десятый россиянин когда-либо прибегал к такой диагностике. В целом информанты подтверждают эту тенденцию, однако практикующие врачи-генетики отмечают рост заинтересованности в информации о своем генетическом профиле среди пациентов в последнее время. В этом случае источником интереса являются не сведения, полученные от специалистов здравоохранения, а мотивация и потребности человека, обращающегося за помощью (например, обусловленные отягченным анамнезом или семейной историей).

Потому что генетики уже сталкиваются обычно с пациентами, редко кто зайдет так узнать: «Ой, а я мимо проходила, расскажите, есть ли у меня какое-то генетическое заболевание?» (основатель благотворительного фонда).

Еще острее ситуация обстоит с ПКС.

Но я знаю прекрасно, что в стране у нас мало кто о нем знает, потому что он не особо популяризирован, и чаще всего его оказывают

частные клиники, а в государственных на них направление… в целом, не выбить (журналист).

В то время как услуги потребительской геномики получают сегодня распространение (Гребенщикова 2020), о возможностях с помощью ДНК-диагностики оценки вероятности передачи наследственных генетических заболеваний потомству россияне осведомлены недостаточно. Поскольку генетическое тестирование, особенно ПКС, институционально не вписано в систему оказания медицинской помощи, низкая генетическая грамотность влечет и невысокий спрос на такого рода информацию: пациенты не понимают, зачем она нужна, как ее можно получить и чем она может быть полезна. Отсюда и недостаток знаний о том, где и как такое тестирование проводится.

В то же время потенциальная готовность пациентов воспринимать новые сведения и использовать их некоторыми экспертами оценивается позитивно:

И даже если мы думаем, что население может быть не очень готово, оно довольно быстро готовится, когда с этим к ним приближаешься. Если мы говорим, что население не готово, то, наверное, мы немножко недооцениваем его. Все-таки когда это их касается, они готовы это воспринимать (врач-невролог, организатор здравоохранения).

Отметим, что в этом случае речь идет об участниках локальных проектов и программ, с которыми проводится целенаправленная работа, т.е. формируется потребность в генетической информации. В рамках системы здравоохранения широкое просвещение об инновационных технологиях не проводится, а потому пациенты, как правило, вынуждены самостоятельно искать материалы по этой теме.

Социокультурные особенности российского общества. Размышляют эксперты и о социокультурных особенностях российского общества, влияющих на готовность обращаться к ПКС. Нередко специфика нашей страны осмысляется ими через выделение черт, отличающих россиян от человека «западного типа». Противопоставление проходит по таким линиям различения, как «рациональный — нерациональный», «автономный — склонный к патернализму». Эксперты полагают, что среднестатистический житель России пока не соответствует модели автономного, рационально мыслящего пациента, готового совместно с врачом принимать терапевтические решения и разделять ответственность за успешность лечения — нести свою долю ответственности. Скорее он рассматривается как ориентированный на патерналистскую модель оказания медицинской помощи.

Поэтому каждый должен нести, да, пациент должен ставить тоже правильные вопросы <…> должен нести свою долю ответственности, да, он должен быть ответственным к своему здоровью и государству, которое взяло за него свои расходы, понимаете, по лечению (врач гинеколог-репродуктолог).

По мнению информантов, россиянам не свойственно предиктивное и профилактическое мышление как в отношении собственного здоровья, так и в отношении здоровья детей — готовность прогнозировать риски и стараться целенаправленно минимизировать их. «Здоровый человек к врачу не пойдет» (генетик-исследователь). Не говоря уже о том, чтобы с этой целью прибегать к потенциалу генетики.

Почему-то население пассивно, инертно, либо, может быть, какой-то психологический момент срабатывает только тогда, когда столкнулся с проблемами, начинаешь решать. А вот так вот пойди измерить давление, пойди и сдай кровь, пойди проверь свой генотип на муковисцидоз — пока вот этой запятой нету (генетик-исследователь).

Рациональный подход к будущему, с точки зрения экспертов, не является отличительной чертой нашей культуры. Напротив, для описания ее специфики информанты использовали такие выражения, как «русское авось», «русская рулетка», судьба, «мифологическое мышление», «смирение». Участники исследования полагают , что среди россиян сильна установка «со мной этого никогда не случится». Информированность о своих генетических рисках формирует «пациента-в-ожидании» (Shilling 2016), живущего в предчувствии момента, когда «предсказание сбудется». В интервью звучало мнение, что пока такое отношение к себе и к жизни не свойственно жителям нашей страны.

Понимаете, тогда закроется вообще будущее. При всей распространенности разных практик заглянуть в будущее — от карточного гадания до гороскопа — люди не готовы к тому, чтобы жить под дамокловым мечом вот этого объективированного генетического будущего (специалист по биоэтике).

С такими установками может быть связана и непопулярность идей осознанного и ответственного родительства среди населения. Эксперты считают, что на сегодняшний день в нашей стране планирование беременности и рождение ребенка остаются во многом спонтанными процессами. ПКС выступает как практика, вносящая элементы контроля и рациональности в репродуктивное поведение.

Ну на самом деле здесь человек несет ответственность не за себя. Он несет ответственность за ребенка, да. И несет ответственность перед государством, что он ответственно повел себя <…> Будь, обезопась себя, понимаете, да, ремень безопасности надень на ребенка. Вот преконцепционное тестирование — оно как раз вот ремень безопасности для ребенка, понимаете, да (врач гинеколог-репродуктолог).

Эксперты обращают внимание на то, что, поскольку Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна, внедрение ПКС не всеми группами может рассматриваться позитивно. Являясь выражением биологизации различных периодов в жизни человека, ПКС может вступать в противоречие с восприятием зачатия и беременности как процессов, обусловленных прежде всего духовно и культурно.

> *Люди считают, что в естественность не надо вмешиваться, у нас нет функции Бога на коррекцию… в радикальном варианте медицинскую, в менее радикальном — генно-терапевтическую и иную. И поэтому религиозная позиция тоже может быть причиной ограничения решений генетических...* (специалист по биоэтике).

Таким образом, по мнению экспертов, особенности российского общества, выраженные в ценностях и представлениях о должном и правильном поведении, необходимо принимать во внимание при принятии решений о популяризации ПКС.

Необходимость самостоятельной оплаты генетического тестирования. Тот факт, что сегодня пациенты имеют возможность пройти ПКС только платно, по-разному оценивается экспертами. Одна группа полагает, что такие услуги необходимо включить в программу ОМС, тем самым обеспечив большую доступность тестирования для всех желающих. Считается, что это поможет и увеличить круг охвата, и повысить вовлеченность населения: «В идеале они должны быть бесплатными за счет ОМС. Но насколько это реально, я не могу сказать» (специалист по биоэтике). Другая группа думает, что на сегодняшний день предоставление ПКС за счет обязательного медицинского страхования неоправданно и преждевременно.

> *Конечно, в определенной степени то, что нет бесплатного тестирования, это влияет. Но я должна сказать, что его нигде в мире практически нет. Да, генетические исследования — это разумно, не делаются за счет государства. Если бы они делались широко за счет государства, это был бы поток бессмысленных обследований, которые было бы очень сложно интерпретировать. Потому что, чтобы полу-*

чить правильный ответ, должен быть правильный вопрос (врач педиатр-генетик).

Разброс в оценках высвечивает несформированность в экспертном сообществе единых представлений о сущности ПКС. Поскольку не решенными остаются вопросы о том, кто должен проходить скрининг (все население или группы риска), какие заболевания должны быть в него включены, каковы критерии включения заболеваний, то нет и понимания, должен ли скрининг быть массовым и предоставляться бесплатно. О вариативности трактовок ПКС свидетельствуют и такие пояснения экспертов:

Это другое. Вот если будет речь идти о именно наиболее частых заболеваниях, да, в нашей популяции. Ну, вот муковисцидоз, СМА — их там 10-15 заболеваний, которые встречаются с высокой частотой, где либо частое носительство, как при муковисцидозе и СМА, либо в конкретной популяции частое носительство. <…> Вот это имело бы смысл. Это как бы не очень дорого, если это уже делается (врач педиатр-генетик).

В то время как в отношении коммерческого характера услуги ПКС мнения профессионалов расходятся, результаты исследований свидетельствуют, что фактор оплаты расценивается россиянами как значимый при принятии решения о диагностике (Богомягкова, Орех, Глухова 2025; Шекунова 2024).

В качестве альтернативного варианта предоставления скрининга предлагается привлекать фонды, искать спонсоров, заинтересованных в популяризации этой практики.

Может быть, для начала может быть сделать старт какой-то в ограниченном субъекте в каком-то, например. Ну, если привлечь фонды, допустим, или привлечь какие-то ну, компании, которые могли бы спонсировать это. <…> Во многих странах существуют фонды, которые обеспечивают вот такие задачи (врач-невролог, организатор здравоохранения).

Готовность институтов

В качестве препятствий институционализации ПКС эксперты выделяли и готовность социальных институтов. Эта категория содержит следующие коды: «недостаток кадров и инфраструктуры», «недостаток компетенций у медицинских профессионалов», «трудности становления профилактической медицины».

Недостаток кадров и инфраструктуры. В ходе интервью обсуждались трудности функционирования современной системы здравоохранения как барьеры институционализации генетического скрининга. В первую очередь отмечалось, что в случае превращения ПКС в массовую практику обострится проблема нехватки врачей-генетиков. На сегодняшний день, по разным оценкам, в нашей стране насчитывается от 340 (Эксперт заявил… 2022) до 580 (Лучшие генетики России…) специалистов данного профиля.

> *Вот это тоже такой животрепещущий момент, на самом деле, потому что, например, врачей-генетиков у нас в стране не хватает, их не так много, как хотелось бы, и поэтому не можем покрыть, да, там, всех нуждающихся людей, кому требуется генетическая консультация* (врач-генетик).

> *…тогда и генетиков надо больше. Потому что если так люди пойдут на консультацию, извините, а где взять ресурсы человеческие, да, профессиональные, врачебные?* (врач-генетик).

Подчеркнем, что официальные данные о количестве врачей-генетиков в нашей стране не публикуются, не дается и оценка достаточности имеющих специалистов в расчете на душу населения.

Помимо расширения кадрового состава потребуется и увеличение количества генетических центров и лабораторий, закупка специализированного оборудования. На сегодняшний день такие центры сконцентрированы преимущественно в крупных городах, что ограничивает возможности получения генетических услуг для жителей регионов. Такое неравномерное распределение порождает региональные и социально-экономические различия в доступности высокотехнологичной медицинской помощи, что также служит препятствием институционализации ПКС.

Недостаток компетенций у медицинских профессионалов. Помимо кадровых и инфраструктурных проблем одной из тем интервью стали вопросы квалификации имеющихся специалистов. Эксперты полагают, что низкая генетическая грамотность свойственна не только населению в целом, но и врачам, работающим на местах, — гинекологам, кардиологам, терапевтам, педиатрам и др. Недостаточная осведомленность профессионалов о генетических причинах ряда заболеваний и о возможностях современной медицины выявлять риски нередко затрудняет быструю постановку верного диагноза, направление пациента на предиктивное генетическое тестирование или к нужным специалистам.

> *Ну, и грамотность среди практических врачей генетическая должна тоже расти. Потому что уже нельзя работать, не зная этого.*

То есть, мы должны уже на подготовке только даже практических врачей уже делать акцент на их знаниях о генетике…. Направить, да, подумать об этих заболеваниях. Знать, что на них есть диагностика, какие есть возможности современные и направить, и как бы чтобы этот пациент быстро вышел на окончательный диагноз, да, а не так, что он там наблюдается годами, пока кого-то осенит (врач-невролог, организатор здравоохранения).

В результате пациенты ищут информацию самостоятельно, в том числе в интернете и социальных сетях, а нередко знают о своем генетическом статусе и потенциальных угрозах больше, чем врачи на местах.

Обеспечение доступности ПКС без должной информационной подготовки как врачей, так и пациентов, приведет к тому, что полученные данные могут оказаться бесполезными. И врачи, и пациенты должны понимать цели и выгоды скрининга, что потребует их коллаборация на основе общей информированности.

Врачам-генетикам также недостает компетенций, но уже другого плана, а именно социогуманитарных знаний, психологической и биоэтической подготовки. Поскольку генетические сведения крайне сенситивны, информирование пациента об особенностях процедуры ДНК-диагностики и получаемых в ее результате данных требует от специалистов-генетиков владения соответствующими умениями. Внимательность к пациенту и аккуратность в интерпретации генетической информации становятся особенно важными в ситуации выявленных рисков передачи наследственного заболевания.

По сути, генетики сейчас не дают ту информацию, которая бы позволяла родителям делать информированный выбор. Очень часто навязывается свое мнение. То есть вот эта корректность, этическая плоскость нарушается очень часто во взаимодействии либо с носителями заболеваний, либо с самими пациентами. Это, конечно, чудовищно, когда узнаешь о таких случаях (основатель благотворительного фонда).

Более того, в этом случае пациент или семья не должны оставаться «один на один» с полученной информацией. Они нуждаются в сопровождении специалистами медицинского и психосоциального профиля, однако сегодня система здравоохранения не имеет для этого достаточных кадровых и временных ресурсов, а связи между различными подразделениями не выстроены. Нередко врачи-генетики выступают в роли своеобразных «менеджеров» — в силу недостатка компетенций и особенностей функционирования системы медицинской помощи они не готовы и не

умеют сопровождать пациентов, а ограничиваются лишь направлением к другим специалистам — гинекологам, репродуктологам.

В качестве важного направления оптимизации работы называлась необходимость выстраивания связей между различными подразделениями здравоохранения (врач-генетик, психолог, социальный работник, гинеколог, репродуктолог), НКО, религиозными организациями и др. В силу сенситивности проблематики обосновывалась значимость и потенциальная эффективность коллективного сопровождения пациентов и пар, планирующих беременность, до и после скрининга, требующая, в свою очередь, формирования команд, состоящих из профессионалов разных направлений.

> *Если на уровне страны выделить какие-то центры, которые могли бы сделать, разработать и сертифицировать вот такие программы подготовки таких команд, программы повышения квалификации в области биоэтики, расширить спектр программ в рамках непрерывного медицинского образования, вот это было бы хорошо* (специалист по биоэтике).

В нескольких интервью поднимался вопрос о необходимости подготовки профессионалов нового типа, которые бы сочетали знания в области генетики с психологическими компетенциями, — генетических консультантов. В их обязанности должны входить до- и послетестовое консультирование пациентов, разъяснение особенностей процедуры и получаемых результатов.

> *На манер наших западных коллег, у них есть отдельная должность генетического консультанта. Это не врач… Смысл в том, что человека учат как раз объяснять пациенту, зачем ему это нужно. То есть врач-генетик посмотрел пациента, посмотрел обследование и сказал: нужно сделать вот это. Генетический консультант заходит и говорит: «Вам это нужно теперь, потому что…», — и объясняет, для чего, какие могут быть результаты и так далее. Потому что проще будет, эффективнее, если врач-генетик будет заниматься непосредственным назначением исследований, их интерпретацией, а большую часть именно разговорную переложить на генетического консультанта… Плюс их, они проходят дополнительные курсы психологической поддержки, то есть они работают немножко как врачи-психологи, потому что важно ведь не только поставить диагноз… нужно же правильно преподнести эту информацию* (врач-генетик).

Еще один важный момент, отмеченный экспертами. На сегодняшний день врачи имеют возможность назначать лишь те обследования, которые включены в программу ОМС. Преконцепционный генетический скрининг не входит в ОМС, а предоставляется только на платной основе. В такой ситуации специалисты ограничены в информировании пациентов и рекомендациях проходить тестирование самостоятельно. Они также не имеют права искать сведения о дополнительном финансировании, например предоставляемом фондами.

Потому что, с одной стороны, если давать такую информацию, значит, должна быть доступность. А у нас, получается, информация есть, а доступности нету. Потому что, во-первых, это не бесплатно, это платно. А давать информирование о том, что это как бы реклама, услуга, это по законодательству нельзя (врач-генетик).

Таким образом, мы видим, что процессы информирования и обеспечения доступности ПКС находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости на уровне как организации помощи, так и нормативного регулирования. Это подтверждает тезис о том, что сегодня обращение к ДНК-диагностике требует от пациента высокой мотивации и заинтересованности, он должен самостоятельно искать и интерпретировать информацию.

Трудности становления профилактической медицины. По мысли некоторых экспертов, фиксируемые в нормативных актах идеи предикции и профилактики не находят последовательного воплощения в реальной медицинской практике. Значительная часть функциональных обязанностей специалистов-генетиков сосредоточена на оказании помощи и сопровождении пациентов с уже обнаруженными генетическими заболеваниями и представителей групп риска. Несмотря на декларируемое движение к медицине 4-П, сегодня здравоохранение наиболее эффективно в работе с видимыми, наблюдаемыми симптомами и не нацелено на предупреждение рисков передачи наследственных заболеваний потомству.

…просто мужик пришел, захотел сдать тест, заплатил там… Мы удивились, зачем ему это надо? Врачи сказали: платит… Что делать. А это вот как раз ситуация, что вот человек пришел… что-то захотел о себе узнать, где-то что-то услышал. А оно шокировало генетиков и врачей. То есть мы даже сами не готовы работать с нормальной популяцией…. Мы все, вот, в поле зрения — проблема, пациенты, что сделать… А когда пришел просто человек, нам неинтересно (генетик-исследователь).

Более того, информанты полагают, что в ситуации «профилактического» ПКС, реализуемого на уровне популяции, неясно, как проводить работу с семьями: какие тесты им рекомендовать, как интерпретировать результаты и т.д.

> *Чем больше мы будем говорить об этом, тем больше все-таки и врачи, и пациенты, став осведомленными, начнут говорить: «Ага, Вы предлагаете — вот я пришел, у меня нет проблем, да, вот мы вчера поженились». Да, вот Вы мне скажите, чтобы у меня был здоровый ребенок? И вот тут-то мы маленько не готовы. Вот тут-то мы не готовы, а чего искать в норме. Если он придет с больным ребенком, уже все понятно. А вот тут вот мои три миллиарда нуклеотидов, и у супруги три миллиарда. Скажите, в каком из них ошибка?* (генетик-исследователь).

Обсуждение результатов

Рассмотренные нами категории выделены аналитически. В действительности практики и социальные институты взаимосвязаны и тесно переплетаются, обусловливают и поддерживают друг друга. Тем не менее анализ экспертного дискурса высветил две фундаментальные дихотомии, которые, как правило, не рефлексируются экспертами, однако приверженность тому или иному полюсу влияет на оценку ПКС.

Первую дихотомию можно обозначить как «перспектива макроструктур (государства, системы здравоохранения) vs перспектива пациента». Она отражает представления о субъектах, интересы которых, пусть и неявно, признаются ведущими при рассмотрении вопроса о скрининге. Эксперты, исходящие из макроперспективы, говорят о необходимости и полезности ПКС в терминах решения социальных проблем, снижения нагрузки на системы здравоохранения и социальной помощи, экономической эффективности.

> *Потому что это большая социальная проблема, это большая головная боль для всех, и для государственной системы в том числе, потому что это не просто занимается больным ребенком мама, занимается больным ребенком папа, да, кто-то бросает работу для того, чтобы сидеть с этим больным ребенком <…> особенно тогда, когда это касается дорогостоящего лечения, это* (ПКС. — *Е.Б.*) *в обязательном порядке должно быть* (врач гинеколог-репродуктолог).

Таким образом, интересы надындивидуальных социальных структур оказываются главными, а ПКС выступает как биополитический проект

(Фуко 2005) контроля над процессами рождаемости, заболеваемости, смертности, распространенности орфанных недугов среди населения. Негласная цель скрининга заключается в воспроизводстве здорового потомства на уровне общества.

Напротив, эксперты, размышляющие о ПКС с точки зрения пациента, спускаются с уровня популяции на уровень индивидуальных историй и рассуждают о необходимости диагностики в терминах биографии пациента, его жизненного мира и ценностей. Скрининг рассматривается как важный и необходимый инструмент заботы, поскольку повышает осведомленность о потенциальных рисках здоровью будущих детей и, соответственно, обеспечивает возможности осознанного выбора при принятии репродуктивных решений. В этом случае точкой отсчета являются потребности и интересы отдельных пациентов и их семей.

Вторая дихотомия может быть названа «патернализм vs партнерство/индивидуализм». В этом случае позиция эксперта опирается на определенную модель оказания медицинской помощи и соответствующую ей роль пациента. С одной стороны, ПКС является воплощением принципов медицины 4-П, в основании которой лежит идея автономного пациента, активно участвующего в принятии терапевтических решений, совершающего самостоятельные выборы и несущего ответственность за свое здоровье. В этой перспективе решение о (не)прохождении ПКС, знание или незнание о носительстве генетических мутаций признаются личным делом пациента и результатом его индивидуального выбора и индивидуальной ответственности.

С другой стороны, идеи популяризации скрининга неочевидным образом базируются на патерналистской логике оказания медицинской помощи, где ведущая роль принадлежит институциям. Превращение ПКС в обязательную или рекомендуемую практику отнимает у пациента право не знать о своих рисках. Призывы к пациенту быть ответственным и осознанным, принимать «верные» решения в то же время лишают его автономии и заставляют следовать определенному алгоритму или стандарту: «Это желание контролировать семью целиком таким образом, оно слишком опасно в принципе. И, ну… не хотелось бы. Выбор, выбор важен» (основатель благотворительного фонда). Стремление сделать скрининг на этапе планирования беременности обязательной или крайне желательной процедурой можно сравнить с распространением вакцинации (Донников, Быстрицкий 2024), когда выбор есть, но его как бы нет. В случае ПКС автономия пациента и профилактические задачи здравоохранения не просто «сплетаются в сложный орнамент биосоциальности» (Борисова 2023: 17), но и могут противоречить друг другу, вступать в конфликт.

Таким образом, важно понимать, из какой перспективы оценивается практика ПКС: из перспективы патерналистской модели взаимоотношений врача (системы здравоохранения) с пациентом или из перспективы автономной, партнерской модели, как дающей пациенту свободу в принятии медицинских решений, так и возлагающей ответственность за тот или иной выбор. В этом случае наглядно проявляется противоречие современной неолиберальной логики, в пределе противопоставляющей интересы и права отдельной личности и интересы надындивидуальных социальных структур (общественное благо), частные и коллективные цели и задачи. Успешность институционализации ПКС будет зависеть в том числе от того, каким образом удастся найти баланс между описанными перспективами и учесть интересы обеих сторон.

Заключение

В результате проведенного анализа экспертных нарративов выявлены и описаны основные препятствия институционализации ПКС в нашей стране, связанные, с одной стороны, с особенностями здоровьесберегающих практик россиян, а с другой, — с функционированием социальных институтов. Показано, что на сегодняшний день к использованию потенциала генетики в сфере репродукции в профилактических целях не готовы ни система здравоохранения, ни сами пациенты.

Основными институциональными барьерами являются нехватка кадров и инфраструктуры, недостаток компетенций у медицинских профессионалов, трудности становления профилактической медицины в целом. Несмотря на значительный предиктивный и профилактический потенциал генетических технологий, сегодня они в недостаточной мере применяются для предупреждения распространения наследственных заболеваний. Такие технологии наиболее эффективны в поле помощи пациентам с орфанными недугами и дальнейшем исследовании и сопровождении таких семей.

В экспертном сообществе пациенты описываются как обладающие низкой генетической грамотностью и низкой информированностью о возможностях современных ДНК-технологий. Среди важных характеристик отмечаются социокультурные особенности, а также ограниченные финансовые возможности. Получение информации о своем генетическом статусе не входит в перечень актуальных забот жителей нашей страны, а рациональный подход к будущему не соответствует актуальным ценностям российского общества. Значительное влияние на востребованность и доступность ПКС оказывают существующие региональные и социально-экономические неравенства.

Таким образом, обращение к новым технологиям не рутинизировано на уровне практик и нормативно не отрегулировано на уровне медицинских институций. Сегодня система генетического тестирования в нашей стране находится в определенном балансе. Существующие инфраструктурные и кадровые проблемы в этом сегменте здравоохранения не позволяют справляться с большим потоком клиентов. А потому происходит естественное сужение потока в результате отсутствия широкого информирования и предоставления услуг исключительно на платной основе. В итоге преконцепционный скрининг проходят только самые информированные и мотивированные жители нашей страны — те, для кого это личный выбор или необходимость. Популяризация ПКС приведет к увеличению количества россиян, с одной стороны, готовых пройти тестирование, а с другой — узнавших о своем носительстве мутаций, что нарушит сложившийся баланс и потребует существенной перестройки профилактического направления системы здравоохранения: значительного расширения штата специалистов-генетиков, открытия новых генетических центров и лабораторий и их обеспечения необходимым диагностическим оборудованием.

На фундаментальном уровне успешность институционализации ПКС будет зависеть от нахождения оптимального соотношения между полюсами выявленных в ходе исследования дихотомий — интересами и потребностями, с одной стороны, пациента, а с другой — надындивидуальных социальных структур. Отметим, что даже экспертный дискурс не един и по многим вопросам среди профессионалов отсутствует консенсус. А потому для внедрения ПКС в широкую медицинскую практику требуется не только формирование лояльного общественного мнения, но и выработка согласованной позиции по принципиальным вопросам в экспертном сообществе, формирующем и легитимирующем социальную норму.

Несмотря на полученные важные результаты, настоящее исследование обладает некоторыми ограничениями. Во-первых, укажем не незначительный объем выборки (N=13) и привлечение информантов, прежде всего, из крупных городов нашей страны. Полагаем, что включение в выборку экспертов, представляющих регионы, позволило бы расширить спектр оценок ПКС и затронуть темы, не видимые в мегаполисах. В результате, не представляется возможным говорить о полном насыщении полученных категорий. Во-вторых, отметим эффект самоотбора участников. Так, зафиксирована точка зрения только тех экспертов, кто согласился поговорить на сенситивную и неоднозначную тему. Далеко не все, к кому исследователи обращались с просьбой об интервью, выразили готовность обсудить ПКС. Таким образом, для корректной интерпретации данных

необходимо учитывать молчание потенциальных информантов в ответ на приглашение в исследование, а также ограниченный доступ к высокостатусным экспертам. В-третьих, рассмотрение процесса институционализации ПКС требует тщательного анализа имеющейся материальной инфраструктуры; в рамках исследования этот вопрос остался за рамками внимания.

Тем не менее, впервые в нашей стране был описан экспертный дискурс о ПКС, что вносит вклад в общественное обсуждение перспектив и рисков его внедрения и свидетельствует о необходимости учета не только медицинского и биоэтического, но и социологического подхода. Для формирования более комплексного представления о готовности российского общества к внедрению ПКС, существующих проблемах и возможностях необходима развернутая социогуманитарная экспертиза, включающая изучение точек зрения и других акторов: семей, задетых заболеванием, представителей групп риска, медицинских профессионалов, работающих на местах, и врачей-генетиков.

Литература / References

Биоэтика и генетика: вызовы XXI века (2024). Е.Г. Гребенщикова (отв. ред). М.: ИНИОН РАН.

Bioethics and Genetics: Challenges of the 21st Century (2024). Grebenshchikova E.G. (ed.) Moscow: INION RAN (in Russian).

Богомягкова Е.С. (2022) Генетическое тестирование в практиках заботы о здоровье (по материалам эмпирического исследования). *Медицинская этика,* 10(2): 38–43. https://doi.org/ 10.24075/medet.2022.045

Bogomiagkova E.S. (2022) Genetic Testing in Health Care Practices (Based on Empirical Research). *Meditsinskaya etika* [Medical Ethics], 10(2): 38–43. https://doi.org/10.24075/medet.2022.045 (in Russian).

Богомягкова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. (2025) Преконцепционный генетический скрининг в оценках россиян. Социологические исследования, 6: 129–142. https://doi.org/ 10.7868/S3034601025060113

Bogomiagkova E.S., Orekh E.A., Glukhova M.E. (2025) Preconception Genetic Screening in Russians' Assessments. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 6: 129–142. https://doi.org/ 10.7868/S3034601025060113 (in Russian).

Борисова А.О., Нестеров Р.С. (2023) Социокультурные аспекты преконцепционного генетического тестирования. *Медицинская этика*, 11(3): 14–21. https://doi.org/10.24075/medet.2023.020

Borisova A.O., Nesterov R.S. (2023) Sociocultural Aspects of Preconception Genetic Testing. *Meditsinskaya etika* [Medical Ethics], 11(3): 14–21. https://doi.org/10.24075/medet.2023.020 (in Russian).

Глотов А.С., Насыхова Ю.А. и др. (2023) Перспективы преконцепционного генетического скрининга на этапе планирования беременности. *Журнал акушерства и женских болезней,* 72(6): 173–192. https://doi.org/10.17816/JOWD622752

Glotov A.S., Nasykhova Yu. A. et al. (2023) Prospects of Preconception Genetic Screening at the Pregnancy Planning Stage. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney* [Journal of Obstetrics and Women's Diseases], 72(6): 173–192. https://doi.org/10.17816/JOWD622752 (in Russian).

Гребенщикова Е.Г. (2020) Потребительская геномика и генетизация общества: переосмысление идентичности, социальных связей и ответственности. *Социологические исследования*, 2: 13–19. https://doi.org/10.31857/S013216250008490-2

Grebenshchikova E.G. (2020) Direct-to-consumer Genomics and Genetization of Society: Rethinking Identity, Social Relations and Responsibility. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2: 13–19. https://doi.org/10.31857/S013216250008490-2 (in Russian).

Долгов А.Ю. (2024) Обсуждение генетики в социальных медиа: анализ представлений пользователей YouTube о науке и технологиях. *Философия науки и техники*, 29(2): 47–60. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-2-47-60

Dolgov A.Yu. (2024) Discussing genetics in social media: analysis of YouTube users' representations of science and technology. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 29(2): 47–60. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-2-47-6–0 (in Russian).

Донников А.Е. (2019) Этические вопросы, связанные с преконцепционным генетическим скринингом: исторический опыт и современные тенденции. *Акушерство и гинекология*, 11: 46–54.https://dx.doi.org/10.18565/aig.2019.11.46-54

Donnikov A.E. (2019) Ethical Issues Related to Preconception Genetic Screening: Historical Experience and Current Trends. *Akusherstvo i ginekologiya* [Obstetrics and Gynecology], 11: 46–54. https://dx.doi.org/10.18565/aig.2019.11.46-5–4 (in Russian).

Донников А.Е., Быстрицкий А.А. (2024) Преконцепционный генетический скрининг: этические вопросы в контексте исторического опыта и технологического прогресса. *Биоэтика и генетика: вызовы XXI века*. Е.Г. Гребенщикова (отв. ред.). М.: ИНИОН РАН: 129–147.

Donnikov A.E., Bystritsky A.A. (2024) Preconception genetic screening: ethical issues in the context of historical experience and technological progress. Grebenchikova E.G. (ed.) *Bioethics and Genetics: Challenges of the 21st Century.* Moscow: INION RAN: 129–147 (in Russian).

Лехциер В.Л., Шекунова Ю.О. (2022) Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и молекулярно-генетического тестирования в России. *Экономическая социология*, 23(3): 129–158. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-129-159

Lekhtsier V., Shekunova Y. (2022) Geneticization from the Point of View of Geneticists: Practices, and Prospects of Personalized and Predictive Molecular Genetic Testing in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 23(3): 129–159. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-129-159 (in Russian).

Талантова О.Е., Постникова Т.Б. и др. (2024) Современный взгляд на преконцепционный скрининг. *Журнал акушерства и женских болезней*, 73(1): 149–156. https://doi.org/10.17816/JOWD623670

Talantova O.E., Postnikova T.B. et. al. (2024) A Modern Perspective on Preconception Screening. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney* [Journal of Obstetrics and Women's Diseases], 73(1): 149–156. https://doi.org/10.17816/JOWD623670 (in Russian).

Угарова А.С. (2018) Парадоксы генетического тестирования на онкологию: между контролем и риском. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 8(1): 94–104. https://doi.org/10.21638//11701/spbu12.2018.108

Ugarova A.S. (2018) Paradoxes of Genetic Testing for Cancer: Between Control and Risk. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology], 8(1): 94–104. https://doi.org/10.21638//11701/spbu12.2018.108 (in Russian).

Фуко М. (2005) Лекция от 17 марта 1976 г. *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж-де-Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука: 253–279.

Foucault M. (2005) Lecture of 17 March 1976. Society must be defended: a Course of lectures delivered at the Collège de France in 1975–1976 academic year. St. Petersburg: Nauka: 253–279. (in Russian).

Чернова Ж.В. (2023) Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 74–90. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418

Chernova Z.V. (2023) Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities, and Limitations. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 74–90. https:// doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418 (in Russian).

Шекунова Ю.О. (2024) *Процесс генетизации: институциональные проблемы применения современных предиктивных биотехнологий в повседневной жизни большого российского города*: дис. … канд. соц. наук. Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Shekunova Yu.O. (2024) *The Process of Geneticization: Institutional Problems of Applying Modern Predictive Biotechnologies in Everyday Life of a Large Russian City*: PhD dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (in Russian).

Berger P.L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.

Cao A., Kan Y.W. (2013) The prevention of thalassemia. *Cold Spring Harb. Perspect. Med*, 3(2): a011775. https://doi.org/10.1101/cshperspect.a011775

Fridman H., Yntema H.G. et al. (2021). The landscape of autosomal-recessive pathogenic variants in European populations reveals phenotype-specific effects. *Am J Hum Genet*, 108(4): 608–619. https://doi.org/10.1016/j.ajhg.2021.03.004

Gao Z., Waggoner D. et al. (2015) An estimate of the average number of recessive lethal mutations carried by humans. *Genetics*, 199(4): 1243–54. https://doi.org/10.1534/genetics.114.173351.

Matar A., Hansson M.G., Höglund A.T. (2019) Values and value conflicts in implementation and use of preconception expanded carrier screening – an expert interview study. *BMC Med Ethics*. 20, 25. https://doi.org/10.1186/s12910-019-0362-1

Shilling Ch. (2016) The rise of body studies and the embodiment of society: A review of the field. *Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal*, 2(1): 1–14. https://doi.org/10.19089/hhss.v2i1.39.

Источники

Лучшие генетики России. *Лайк Доктор*. URL: https://like.doctor/russia/vrachi/genetik (дата обращения: 10.07.2025).

Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета по вопросам социальной поддержки семей, Пр-119ГС, п.4б, 20 декабря 2024 г.

Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 №479 (ред. от 06.06.2023) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы».

Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу».

Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации».

Эксперт заявил, что в некоторых регионах нет ни одного врача-генетика. 27 мая 2022. *ТАСС*. URL: https://tass.ru/obschestvo/14747965 (дата обращения 10.07.2025).

Online Mendelian Inheritance in Man. URL: https://www.omim.org/statistics/entry (Access 10.07.2025).

"A CHILD'S SEAT BELT": PRECONCEPTION GENETIC SCREENING IN EXPERTS' ASSESSMENTS

Elena S. Bogomiagkova (e.bogomyagkova@spbu.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS
St. Petersburg, Russia

Citation: Bogomiagkova E. (2026) "A child's seat belt": Preconception genetic screening in experts' assessments. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 118–143 (in Russian).
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.5 EDN: CXGTYP

Abstract. The article contains the results of a sociological study conducted using expert interviews in 2023–2025 and devoted to the investigation of the current discourse regarding genetic testing at the stage of pregnancy planning — preconception genetic screening (PCS). Even though this type of diagnostics is still a new practice for our country, the issue of its introduction into widespread medical practice has recently acquired political resonance. However, before being presented to the public, certain decisions are discussed, normalized and legitimized among specialists who have the rights and opportunities to determine the social norm due to their position in the professional hierarchy. That is why the analysis of existing ideas and assessments in the expert community becomes especially relevant. The research identified and described the main obstacles to the institutionalization of PCS in our country noted by experts — related, on the one hand, to the readiness of the population, and on the other, to the readiness of social institutions. Institutional barriers include a shortage of personnel and infrastructure, a lack of competencies among medical professionals, and difficulties in establishing preventive medicine. Experts cite population-related barriers as low genetic literacy, insufficient information, sociocultural factors, and the need to pay for testing independently. It was shown that today neither the healthcare system nor the patients themselves are ready to use the potential of genetics in the field of reproduction for preventive purposes, and the existing system of medical care is in a certain balance. The introduction of PCS into the widespread medical practice will upset the existing balance and will require significant personnel and infrastructure changes, as well as the formation of preventive consciousness, increased awareness and genetic literacy of the population. Analysis of expert discourse highlighted the lack of consensus among professionals on a number of fundamental issues, as well as the absence of shared understandings about the essence of PCS, the possibilities and limits of its application. The success of the institutionalization of genetic screening will depend on the development of a coordinated position in the expert community that forms and legitimizes the social norms.

Keywords: preconception genetic screening, genetic testing; expert interviews, institutionalization, barriers to institutionalization.

Acknowledgements

The publication is based on research supported by the Charity Foundation «Ostrova». Project number: 123081700051-2.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СМЫСЛ ЗА СТРАНИЦАМИ: КАКИМИ СМЫСЛАМИ ОБМЕНИВАЮТСЯ ДАРИТЕЛЬ И ПОЛУЧАТЕЛЬ ПРИ ДАРЕНИИ КНИГ[1]

Дарья Сергеевна Талакаускас (dtalakauskas@hse.ru),
Игорь Юрьевич Лукин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Цитирование: Талакаускас Д.С., Лукин И.Ю. (2026) Смысл за страницами: какими смыслами обмениваются даритель и получатель при дарении книг. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 29(2): 144–169.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.6 EDN: DDQPRR

Аннотация. Дарение подарков представляет собой распространенную социальную практику, имеющую длительную историю, и является важной составляющей человеческих взаимоотношений. Однако дарение книг сложно полностью описать с помощью классических теорий дарообмена. Целью исследования выступает определение палитры смыслов, которыми обмениваются даритель и получатель в процессе дарообмена книгами. Теоретическая часть исследования основана на интерпретативной парадигме, сама же книга рассматривается как знак, имеющий коммуникативную функцию и способный передавать смыслы посредством акта дарения. Теоретическая классификация поводов дарения опирается на работу Дэвида Чила, в которой выделяются ритуализованные и личные поводы. В исследовании используется смешанная методология: данные опроса (N=228) сочетаются с полуструктурированными интервью (N=27). Информанты и респонденты отбирались с использованием respondent-driven sampling (RDS), сетевого метода рекрутирования, близкого к методу «снежного кома», но более формализованного и контролируемого. Выборку исследования составили жители Москвы и Московской области в возрасте от 18 до 70 лет. В ходе анализа данных выявлено, что теоретическая классификация подходящих социальных ситуаций не полностью описывает дарение книг — в случае с этим видом дара выделяются поводы по их значимости (институционализированные поводы первого и второго порядка, ситуационные обстоятельства). В ходе качественной части исследования выделены восемь категорий смыслов при дарении, отражающих посредническую функцию книги в передаче смыслов, дарение с целью коммуникации, эмоциональной поддержки, а также создание сопричастности и валидация другого. Определены и другие категории, в том числе отражающие иерархию между дарителем и получателем. Интерпретация выделенных категорий в контексте дарения книг уникальна и открывает поле для исследования обмена другими дарами с привязкой к их специфическим характеристикам.

Ключевые слова: дарение, книги, дар, реципрокность, смысл, повод, знак.

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-070).

Введение

Обмен подарками представляет собой распространенную социальную практику, имеющую длительную историю. Данная практика — важная составляющая человеческих взаимоотношений (Carrier 1991; Мосс 2011), а правильно подобранный подарок может создать между людьми «единение» (unit relation) (Polman, Maglio 2017). Разные подарки могут играть разную роль во взаимоотношениях и иметь разный смысл в процессе дарообмена (Polman, Maglio 2017). Несмотря на то что сам акт дарения активно изучался социологами и антропологами, дарение конкретных объектов исследовалось не так часто (Lin 2017). Так, в современной России одним из популярных подарков является книга. Согласно результатам исследования аналитического центра НАФИ, 55 % россиян утверждают, что любят получать книги в подарок, а 52 % — дарить их (НАФИ 2023). Книга обладает двойственной природой: это, с одной стороны, текст, несущий в себе определенные смыслы, а с другой стороны, выражение текста в виде материального объекта (полиграфии, обложки, статуса издательства, иллюстраций и т.д.). Книга обладает несколькими значимыми характеристиками: она может рассматриваться как дар, как материальный объект и как экономическое благо (Canoy, van Ours, van der Ploeg 2006), что может оказаться значимым в процессе дарообмена. При этом социальная ситуация дарения (Carrier 1999) и поводы дарения (Cheal 2016) также могут стать важными обстоятельствами выбора и оценки дара, что создает дополнительную область смыслов передачи книги в качестве подарка. Знаковая ценность, заключенная в книге как носителе информации (Зенкин 2023), также сказывается на передаче смыслов в процессе дарообмена.

Таким образом, смыслы дарения книги как объекта, обладающего знаковой, экономической и социальной ценностью, конструируются многоступенчато, в связи со многими обстоятельствами процесса дарения. При этом практика дарения книг имеет широкое распространение. Таким образом, можно обозначить основную цель работы — выявить, какими смыслами обмениваются даритель и получатель в процессе дарения книг.

Можно предположить, что даритель рассчитывает: выбранная им книга сможет создать общее поле для обсуждения заложенных в нее смыслов и будет иметь эффект на взаимоотношения дарителя и получателя. В исследовании Полмана и Маглио книга была высоко оценена в контексте ее «эффекта расположенности к общению» (Polman, Maglio 2017). То есть дарение книги может мотивироваться желанием найти новую тему для обсуждения либо сблизиться с получателем.

Статья состоит из трех частей. Во-первых, рассматриваются теоретические основания исследования. Целью данной части является рассмотрение особенностей книги как дара, экономического блага и вещи в целом, а также процесса дарения книг. Вторая часть конкретизирует методологию исследования. Третья часть посвящена презентации результатов исследования, в ней выявляется соответствие теоретической классификации поводов для дарения в контексте книги как особого дара, а также смысловых категорий, которыми обмениваются даритель и получатель в процессе дарения.

Теоретические основания исследования

Книга как дар

Рассматривая книгу с точки зрения отношений дарения, необходимо очертить ряд особенностей, которые отличают ее от других даров. В нашей работе мы рассматриваем книгу как знак (Зенкин 2023), несущий определенные смыслы при дарении, экономический объект, а также как медиатор солидарности, влияющий на взаимоотношения между людьми (Schwartz 1967; Polman, Maglio 2017; Camerer 1988), что проявляется и в акте дарообмена. При этом в литературе также рассматривается разделение дарообмена в антропологической традиции и бурдьевистского подхода теории практик (Osteen 2013). В первом случае дарение рассматривается как обоюдный и реципрокный процесс, в то время как во втором взаимность дара необязательна и может проявляться в нематериальных аспектах, в том числе в личностном и эмоциональном, что будет в том числе рассмотрено в рамках данной работы.

Джеймс Кэрриер, используя оптику Марселя Мосса для анализа практик дарения, критикует наличие бинарной оппозиции экономического обмена и дарения, так как роль благ определяется в момент совершения транзакции обмена, что заставляет также учитывать обстоятельства дарения (Carrier 1999: 133). К тому же можно выделить взаимосвязанность эмоциональной и экономической оценки дара (Callon, Latour 2011: 15), которые «симметриализируются» и заставляют учитывать как сам дар, так и обстоятельства его вручения. В связи с этим в работе рассматриваются поводы дарения как один из важных факторов конструирования ценности книги.

Обстоятельства дарения, согласно оптике Дэвида Чила, можно разделить на *ритуализованные* и *личные* (Cheal 2016: 41). Для ритуализованных обстоятельств дарения, таких как день рождения или Рождество, более характерна «сбалансированная» реципрокность с ожиданием ответного дара в соответствии с природой ритуала: ответный дар ожида-

ется от получателя в срок наступления соответствующих обстоятельств у дарителя, например на его день рождения (Sahlins 1972: 194–195). В то же время для личных обстоятельств характерна более растянутая во времени реципрокность, переходящая в сферу межличностных отношений (Cheal 2016: 52). Дополняя предположения Чила, можно сказать, что при ритуализованных поводах дарения мы можем рассматривать отношения дарителя и получателя в антропологической традиции дарообмена, в то время как личные поводы больше соответствуют бурдьевистскому подходу практик (Osteen 2013). Исходя из предложенной классификации, в работе будет рассмотрено соответствие книги как дара по разным поводам и обстоятельствам дарения для дарителя и получателя.

Книга также может быть рассмотрена как знак — носитель информации, который выполняет функцию общения и передачи смыслов (Лотман 2000: 6) в отношениях дарообмена. Таким образом, ценность книги как подарка может быть определена в контексте знака, т.е. заключенного в ней содержания (Зенкин 2023: 7), что отличает книгу от других категорий подарков.

Переходя к рассмотрению социального аспекта дарения, стоит отметить, что дар может выступать в роли символического, эмоционального средства межличностного общения, которое помогает сказать то, что трудно выразить словами (Belk 1996: 59). В этой связи книга может стать медиатором межличностных отношений как в момент дарения (Carrier 1999), так и после прочтения книги, что может быть предпосылкой для индуктивного выделения смыслов в процессе анализа. В случае удачного подбора дара между дарителем и получателем создаются отношения «единения» (unit relations), ввиду совместно пережитого опыта — разговора о книге, прочтения книги обеими сторонами дарообмена и других практик (Polman, Maglio 2017: 6). Неудачный же выбор подарка, в свою очередь, создает пространство для конфликта или ухудшения отношений (Sherry, McGrath, Levy 1993: 241).

Не менее важным социальным аспектом дарения является установление отношений власти между дарителем и получателем. Даритель обладает властью выбора, что приводит к формированию через подобранный подарок идентичности получателя, поскольку в нем проявляются представления дарителя о получателе (Schwartz 1967: 4). Также даритель может конструировать свою идентичность через подарок в зависимости от своих эгоистических мотивов дарения (Hyun et al. 2016: 49). В связи с этим также может возникать «статусная тревога» у дарителя (status anxiety) (Schwartz 1967: 7) в случае несоответствия дара глубине и искренности отношений между дарителем и получателем или несоответствия подарка

поводу; он оказывается выброшенным из контекста, не включенным в него. Выделяются также другие общие мотивы дарения без привязки к конкретному дару — альтруистический мотив, под которым подразумевается дарение без полагания на дальнейшую выгоду, и «необходимость» дарения (Wolfinbarger 1990; Hyun et al. 2016; Mowen, Minor 1998). В текущем исследовании фокус внимания смещен с мотивов на смыслы при дарении, которые могут присутствовать при различных мотивациях дарителя. Так, при необходимости дарения как мотиве для выбора подарка передаваемый смысл при дарении книги может быть разный, а книга является посредником передаваемого смысла.

Книга как вещь и экономическое благо

Когда предметом нашего интереса становится книга, сложно говорить только о тексте в отрыве от формы, в которой он представлен, или, наоборот, лишь о книге как о физическом объекте, игнорируя его текстовое содержание. Книга может быть рассмотрена через совокупность ее содержания, контекста и формы, которые связаны друг с другом (da Silva 2015: 3; Mead 2011). С точки зрения формы книга является «вещью» или «объектом» и может быть изучена сквозь призму объектно-ориентированной социологии. Смещение фокуса исследований на анализ положения вещей как самостоятельно действующих субъектов связано с так называемым поворотом к материальному (material turn), аккумулирующим теории с пристальным вниманием к переплетению социального и материального мира (Bennett, Joyce 2010: 7–8; Mukerji 2015). Книга предстает не как внешний объект вне социального контекста и взаимодействия акторов, а как участник этого процесса: с точки зрения акторно-сетевой теории книга при дарообмене играет роль посредника во взаимодействии акторов (Латур 2014).

Помимо этого, книга, являясь социальным объектом (Mead 2011), представляет собой и экономическое благо, предмет культуры в объективированной форме. В классификации благ Нельсона (Nelson 1970: 312–313) выделяются поисковые (search) блага, ценность которых может быть определена до покупки с помощью дополнительной информации (например, примерки платья), и переживаемые (experience) блага, товары, ценность которых познается post factum после покупки, т.е. в процессе использования. В рамках этой классификации книга может быть отнесена ко второму типу товаров (Canoy, van Ours, van der Ploeg 2006: 736). В контексте изучаемого процесса дарообмена книга как переживаемое благо создает трудности выбора для дарителя. Ценность переживаемого блага ante factum познается через альтернативы, т.е. похожие товары (Nelson

1970). Для дарителя же при выборе книги в подарок альтернативы известны ограниченно, и само знание об альтернативах не является гарантом успеха выбора подходящей книги: знание о том, что получателю, например, понравилась книга определенного автора и/или жанра, не гарантирует, что выбранный подарок окажется подходящим. В силу огромного количества книг-альтернатив, представленных на рынке, сложнее угадать, которая из них больше всего понравится получателю. Так, книга может быть охарактеризована как «проблемный» подарок (problematic gift) (Patico 2002: 358).

Методология исследования

Методы сбора данных

В исследовании представлено сочетание количественной и качественной методологии. В качестве количественного метода выступает онлайн-опрос, а основным качественным методом — полуструктурированные интервью. Предпочтение было отдано более мягкому формату интервью вследствие опоры на интерпретативную парадигму и задачи выявления смыслов при дарении. Исследование получило подтверждение соответствия этическим нормам от Комиссии по внутриуниверситетским опросам и этической оценке эмпирических исследовательских проектов НИУ ВШЭ.

Данные в количественной части исследования собраны в период с 30 марта по 30 мая 2024 г. Анкетный опрос распространялся онлайн через социальные сети (VK и Telegram) и через размещение листовок в шести книжных магазинах Москвы. Данный метод использовался для решения задачи о ранжировании поводов, для которых книга подходит в качестве подарка. Всего представлено восемь возможных поводов, выделенных на основе классификации Дэвида Чила (Cheal 2016) и с учетом специфики праздников в регионе: Новый год, значимое личное событие, поездка в гости к родственникам/друзьям, Международный женский день / День защитника Отечества, День святого Валентина, новоселье, свадьба, день рождения / именины. Респондентам предлагалось выбрать до четырех наиболее подходящих, по их мнению, поводов для дарения книги. По окончании анкетного опроса у респондентов была возможность оставить контакт для интервью — отклик составил 21,5 %.

Информанты и респонденты отбирались по принципу Respondent-driven sampling (RDS), сетевого метода рекрутирования, близкого к методу «снежного кома», но более формализованного и контролируемого. Данный метод предполагает, что внутри сетей знакомств имеют распро-

странение схожие социальные характеристики, представляющие исследовательский интерес (Heckathorn 1997; Goel, Salganik 2010), однако неслучайность отбора респондентов является ограничением исследования, хоть метод и позволяет достичь насыщенности выборки (Штейнберг 2014).

Качественная часть исследования посвящена выделению смысловых категорий при дарении книг. В гайде интервью также присутствовали вопросы о подходящих поводах для дарения книг с целью уточнения ранжирования, выделенного в количественной части исследования. Кроме этого, были включены нарративные вопросы о последней ситуации дарения книги информантом и получении книги в подарок, на основе чего выделялись смысловые категории.

Эмпирическим объектом исследования выступили люди, проживающие в Москве и Московской области. При этом наличие опыта дарения и получения книги в подарок за последние три года являлось критерием отбора информантов для интервью. Данное временное ограничение относительно дарения книг было выбрано, чтобы исключить информантов, для которых дарение книг является непостоянной практикой, либо тех, кто делал это давно (например, в детстве). В количественной части исследования не было такого ограничения, так как задача этой части — выявить желанность книги в качестве подарка применительно к отдельным поводам без предубежденности относительно того, насколько книга — желанный подарок для информанта в целом.

Выборка исследования

В окончательную выборку количественной части исследования (анкетного опроса) вошли 228 полных анкет. Средний возраст респондентов составил 28 лет (SD=12,8, min=17, max=70). По полу наблюдался скос выборки в сторону женщин: 77,6 % респондентов составили женщины, 22,4 % — мужчины. Смещенность выборки в сторону женщин является ограничением исследования. Около половины респондентов (50,9 %) имели незаконченное высшее образование и 35,5 % — высшее. Малонаполненными стали категории среднего профессионального (2,6 %) и общего (10,1 %) образования, что тоже является ограничением выборки (табл. 1).

В окончательную выборку качественной части вошли 27 интервью, средняя продолжительность которых составила 56 мин. Средний возраст информантов — 27 лет (min=19, max=44); среди информантов 12 мужчин и 15 женщин. Информанты имели различный род деятельности: студенты, ученые, преподаватели, юристы, менеджеры и т.д. Представлены как работники частного, государственного и некоммерческого сектора (одна

Таблица 1

Характеристика выборки количественной части исследования

		Количество	Доля от общего числа (%)
Пол	Женский	177	77,6
	Мужской	51	22,4
Наивысшая ступень образования	Общее	23	10,1
	Среднее профессиональное	6	2,6
	Незаконченное высшее	116	50,9
	Высшее	81	35,5
Средний возраст	27,5		
Всего	228		

информантка работала в небольшом НКО), так и те, кто еще обучается и не работает. Однако важно отметить, что большая часть наших информантов была занята в сфере интеллектуального труда (преподавательской, исследовательской и управленческой деятельности). Также большинство информантов оказались вовлечены в книжную культуру: регулярно читали книги, отмечали эту деятельность как приносящую удовольствие, следили за книжными новинками, а одна информантка работала в издательском секторе. Эта характеристика выборки интервью, с одной стороны, помогала выявить смысловые категории на этапе анализа, так как информанты обладали обширным книжным опытом в целом и дарения книг в частности, а с другой — представляет полученные результаты как репрезентативные скорее для тех, кто вовлечен в книжную культуру и для кого дарение книг — неслучайная практика.

Методы анализа данных

Анализ полученных данных в количественной части исследования проводился с помощью описательных статистик, построения и визуализации доверительных интервалов (ДИ) с помощью среды R-Studio на основе процента выбора отдельных поводов. Уровень доверительной вероятности для построения ДИ был выбран на уровне 95 %. Далее были выделены отдельные группы поводов по результатам построения, что будет рассмотрено в результатах исследования.

Главным методом анализа интервью (качественная часть исследования) стало тематическое кодирование, позволяющее агрегировать полученные коды и выявлять паттерны и смыслы (Auerbach, Silverstein 2003). Интервью кодированы индуктивно (data-driven) с целью выделения вариа-

тивности смыслов при дарообмене. При анализе использовались коды различного типа: in vivo (Stringer 1999: 91), нарративные коды, коды процесса (Saldana 2021: 96–97), описательные коды и коды-ключи (Saldana 2021), позволяющие представить анализ в контексте ситуаций дарения. После индуктивного кодирования коды были агрегированы в категории и темы.

Результаты исследования

Ситуация дарения: насколько важен повод?

Книга — уместный подарок

Одной из составных частей смысловой окрашенности книги как подарка можно назвать повод для его преподнесения. Книга воспринимается информантами как относительно универсальный и удобный подарок, однако, как обсуждалось ранее, не все социальные ситуации уместны для дарения книг. В связи с этим в количественной части исследования был проведен анализ соответствия книги как подарка применительно к наиболее популярным поводам дарения. В качестве ритуализованных поводов выделены Новый год, Международный женский день, День защитника Отечества, свадьба, День святого Валентина; среди личных поводов — День рождения, именины, значимое личное событие, поездка в гости к родственникам/друзьям, новоселье; основой для классификации, как отмечалось, выступила работа Дэвида Чила (Cheal 2016).

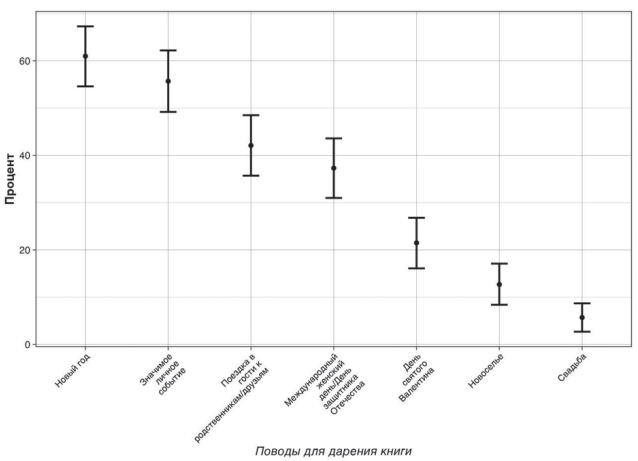

Рис. 1. Популярность книги как подарка применительно к различным поводам дарения. Примечание: N=228, данные получены в ходе количественного опроса авторами

Согласно количественной части исследования, самыми популярными поводами дарения книг как наиболее уместные социальные ситуации выступили День рождения, Новый год и значимое личное событие. Под последним поводом понимаются разные обстоятельства преподнесения подарка, которые не имеют четкой привязки к конкретному поводу. Менее популярными оказались поездка в гости, «гендерно-окрашенные праздники» (Международный женский день и День защитника Отечества) и День святого Валентина. Скорее неуместными для дарения книг выступили новоселье и свадьба (рис. 1).

Стоит также отметить пересечения доверительных интервалов некоторых поводов друг с другом, что говорит об отсутствии значимых различий при переносе выводов на совокупность выделенных данных. Это позволяет выделить группы поводов, внутри которых различия между отдельными поводами оказались незначимы: 1) День рождения, Новый год и значимое личное событие; 2) поездка в гости к родственникам/друзьям и Международный женский день / День защитника Отечества; 3) День святого Валентина и новоселье. Свадьба не пересекается с другими поводами по доверительным интервалам и наименее распространена с точки зрения уместности дарения книги. Внутри пересекающихся групп значимых различий при переносе на совокупность рассматриваемых данных не наблюдается, однако можно сказать о различиях между группами поводов с пересекающимися доверительными интервалами, указанными ранее; в рамках данной выборки различия между группами поводов статистически выражены на уровне 95 % доверительных интервалов.

Когда работает теоретическая классификация?

В процессе анализа интервью теоретическая классификация поводов Дэвида Чила (Cheal 2016) частично подтвердилась применительно к нескольким праздникам. Ярче всего теоретическая классификация проявилась в ходе анализа роли Нового года как повода. Как отмечали Дэвид Чил и другие авторы (Cheal 2016; Sherry, McGrath, Levy 1993), Новый год как ритуализованный и институционализированный повод дарения обладает собственным контекстом и традицией, которые могут накладывать ограничения на выбор дара. Джон Шери также отмечал, что для Нового года как повода дарения характерно большое количество специализированных подарков (праздничная атрибутика из супермаркетов, «рождественские» носки, бытовые товары в праздничной упаковке), которые появляются в магазинах в предпраздничное время (Sherry, McGrath, Levy 1993). Тем не менее авторы делают вывод о низкой популярности таких подарков,

так как они воспринимаются излишне ритуализованными и обезличенными. Таким образом, можно сказать, что Новый год как социальная ситуация и повод дарения задает определенный контекст, в рамках которого даритель принимает решение о выборе подарка, что подчеркивает его ритуализованную природу. В рамках анализа установлено, что информанты стараются подобрать подарок с учетом природы праздника, однако принимают во внимание ограничения, выраженные в личных особенностях получателя.

Говоря о подборе подарка под повод в контексте Нового года, информанты отмечали, что они стараются дарить «новогодние книги», которые непосредственно посвящены празднику или содержат его упоминания. Такой подарок выступает не как специализированный, о котором писал Джон Шери и коллеги (Sherry, McGrath, Levy 1993), а как тематический, не ограниченный праздником, но подходящий по контексту. Отмечалось также, что дарение книг, тематически связанных с контекстом повода, нацелено на «создание новогоднего настроения», что можно интерпретировать как дополнение повода тематически ассоциированными с ним деталями, которые выступают атрибутами праздника. Таким образом, можно сказать, что Новый год хорошо вписывается в теоретическую классификацию Дэвида Чила (Cheal 2016), выступая ритуализованным поводом. Тем не менее информанты подчеркивали, что не дарят книги непосредственно про Новый год.

Однако, несмотря на свою популярность как повода для дарения книг, Новый год воспринимается некоторыми информантами как неподходящая социальная ситуация. Ввиду особенностей книги как объекта, она может оказаться даром, не соответствующим поводу, если подобрана под человека, а не под повод.

> *Дарить в день какого-то праздника книгу скорее мне сложно, потому что это все-таки чаще серьезная вещь, а атмосфера не совсем та* (Артур, 19 лет).

Также информанты подчеркивали, что даритель не обладает полной властью над выбором подарка в разрезе ритуализованных поводов. Несмотря на основное содержание контекста повода, дарителю необходимо принимать во внимание интересы получателя и находить баланс между природой праздника и желанием угодить адресату дара.

> *И для нас, россиян, Новый год — это тоже святое. Поэтому, я думаю, это те случаи, когда у тебя нет тотального права выбора подарка. То есть ты должен считаться с желаниями и ожиданиями человека, которому ты даришь* (Борис, 20 лет).

Еще одним ритуализованным поводом выступила свадьба или ее годовщина. Выбор тематики книги также был привязан к контексту повода, пусть и в ироничном ключе. Тем не менее данный случай можно назвать исключением, поскольку свадьба фигурировала лишь в одном интервью. В остальных интервью, как и в количественной части исследования, свадьба выступает скорее нежелательным поводом для дарения книг.

> *Была от меня шутка на свадьбу. Я дарила книгу. Это было очень смешно. Потому что я подарила книгу про психологию семьи. Да. Я пошутила. Нет, я сделала еще подарок, но я презентовала, что как будто бы это главный подарок на свадьбу. Да, был такой момент* (Дарина, 29 лет).

В качестве ритуализованного повода также можно отметить День знаний, специфичный для родителей, — в качестве подходящего подарка для этого повода отмечались учебные книги, которые характеризуются скорее как «специализированный» дар. В данном случае сложно разграничить дарение с опорой на тематику повода от утилитарных потребностей получателя.

Остальные поводы, которые были рассмотрены в рамках исследования, скорее соответствуют личным обстоятельствам дарения, в концепции Дэвида Чила характеризующиеся привязкой к личным характеристикам и интересам получателя. Тем не менее анализ интервью не позволяет отождествить концепт личных поводов с рассмотренными в исследовании обстоятельствами дарения, в связи с чем была разработана новая классификация поводов. Теоретическое обоснование привязки подарка к индивидуальным особенностям и интересам получателя в контексте личных поводов характерна и для ритуализованных, как показано на примере Нового года. Таким образом, несмотря на ритуализованную компоненту, в центре внимания дарителя вне зависимости от повода остается личность получателя. Также не выявлено специализированных подарков, напрямую направленных на полное соответствие контексту повода, о чем писал Джон Шерри с соавторами (Sherry, McGrath, Levy 1993).

Эмпирическая классификация поводов

Как отмечалось выше, не все поводы, рассмотренные в ходе исследования, попадают в теоретическую классификацию. Теоретическая классификация предполагала определение повода через дихотомию личных и ритуализованных черт, которые предписываются поводу дарения. Однако из полученного эмпирического материала можно сделать вывод, что основным критерием определения категории повода является не личный

или ритуализованный характер повода, а его воспринимаемая значимость. Под этим термином подразумевается комплексный феномен выбора дара в зависимости от ожиданий получателя: чем более значимым повод осознается участниками дарения, тем больше материальных и эмоциональных ресурсов будет вложено в подарок, что соотносится с подходом симметричной оценки дара (Callon, Latour 2011). В связи с расхождениями между теоретической классификацией и исследовательскими выводами была разработана новая классификация поводов дарения книг: институционализированные поводы и ситуативные обстоятельства (рис. 2). Под **институционализированными поводами** понимаются привязанные к определенной дате и контексту. Некоторые из них официально признаны праздничными днями, такие как Новый год или 8 марта, однако есть и поводы с зафиксированной датой в привязке к отдельному индивиду, такие как День рождения. Институционализированные праздники также можно разбить на две группы по критерию воспринимаемого масштаба повода: первого и второго порядка.

Под поводами *первого порядка* понимаются социальные ситуации, требующие значительного вовлечения участников дарения. В качестве примеров поводов первого порядка выделяются конвенциональные праздники, имеющие большое распространение, такие как Новый год и День рождения (эти же праздники наиболее распространены в количественной части работы). Указанные поводы выступили как наиболее популярные, так и наиболее субъективно «серьезные», требующие значительного участия в выборе и презентации подарка. Институционализированные поводы первого порядка ввиду наиболее глубокого погружения дарителя могут быть описаны в контексте разделенного опыта и «единения» (Polman, Maglio 2017: 6). Тщательно выбранная книга, особенно на определенный повод, создает особый контекст отношений, который может сближать дарителя и получателя ввиду разделенного опыта соприкосновения с переживаемым благом (Camerer 1988).

Поводы *второго порядка* также институализированы социальными ситуациями дарения, тем не менее требуют меньшей вовлеченности в выборе подарка. Согласно теоретической классификации, поводы второго порядка близки к ритуализованным тем, что определяются фиксированной датой и общим контекстом, так как имеют привязку к коллективным характеристикам, а не к индивидуальным (Cheal 2016: 24–26). Однако выбор книги тематически не обусловлен контекстом праздника и имеет личную привязку (например, гендерно-окрашенные праздники). Информанты также отмечали возможность меньших материальных трат по случаю поводов второго порядка:

Он будет отличаться в плане стоимости. Условно 8 марта для меня чуть менее значимый повод, конференция научная тоже чуть менее значимый повод, чем, например, День рождения. Понятно, что на день рождения я заморочусь, наверное, побольше просто в день рождения, потрачу больше денег буквально на подарок (Евгения, 2 лет)

Последней группой поводов дарения, не описанной в литературе, но использованной в качестве теоретической опоры исследования, выступили **ситуационные обстоятельства**. В отличие от предыдущих групп, они не имеют конвенциональной привязки, в связи с чем информанты не ориентировались на контекст самого повода ввиду его недостаточности. В качестве опоры при выборе книги использовались интересы или хобби получателя, совместные интересы дарителя с получателем. Также в случае ситуационных поводов инициатива дарения исходит преимущественно от дарителя, в то время как получатель не имеет ожиданий относительно дара. Данная социальная ситуация может соотноситься с феноменом «статусной тревоги» (status anxiety) (Schwartz 1967) ввиду того, что даритель обладает властью над ситуацией. В данном случае даритель не опирается на контекст повода, в связи с чем может проявляться страх показаться «неискренним» и поверхностным, если подарок не соответствует интересам получателя, что соотносится с идеями Барри Шварца (Schwartz 1967). Получатель же не может оценить степень соответствия дара ситуации ввиду неконвенциональности повода и может остаться в нерециprокных отношениях с дарителем.

Рис. 2. Эмпирическая классификация поводов дарения книг

Обмен смыслами при дарении: вертикальное и горизонтальное

В ходе анализа качественных данных нами были выделены восемь смысловых категорий дарения книг. Среди очерченных в ходе анализа категорий можно проследить принципы вертикальных отношений между дарителем и получателем, в рамках которых даритель обладает большим контролем над ситуацией и выступает в роли проводника. Альтернативной ситуацией можно назвать случаи горизонтального дарения, которые конструируют эгалитарные отношения и не предполагает большей власти одной из сторон. Выделенные категории смыслов, которые могут быть частично имплементированы в исследования обмена другими дарами в последующем, в контексте книги приобретают уникальную интерпретацию.

Одним из наиболее распространенных среди информантов смыслов являлось дарение как **рекомендация**. В качестве рекомендации может выступать как отдельная книга-дар, так и практика чтения в целом — книга может иметь своей целью вовлечение получателя в практику чтения, что осуществляется посредством выбора определенной книги. В этой практике имеется иерархичность позиций, отмеченная в текстах Марселя Мосса (Мосс 2011): даритель стремится показать свою компетентность в сфере знания тематики книги и ставит цель заинтересовать «менее компетентного» получателя. Перед дарителем при этом возникает некоторое противоречие: с одной стороны, он пытается вовлечь получателя в чтение в целом или какой-либо конкретной книги, с другой — желая, чтобы получатель прочитал книгу, даритель боится «навязать» получателю свою рекомендацию.

> *Я читаю какую-нибудь книгу, понимаю, что с человеком у нас есть какое-то сходство, я иду и покупаю эту книгу со словами «Прочитай, тебе правда очень понравится, и мне очень понравилось, я надеюсь, что и тебе очень понравится»* (Алексей, 23 года).

Другим немаловажным смыслом стало дарение книги в качестве **эмоциональной поддержки** получателя. После чтения какой-либо книги происходит обмен поддерживающего эффекта — то, что раньше поддерживало дарителя, теперь, предположительно, должно поддержать получателя. Другим же основанием для придания дарению такого смысла является определенная жизненная ситуация получателя: с опорой на нее даритель пытается дать своим подарком поддержку, которая выступает в качестве самоподдержки, так как получателю следует самому

ознакомится с книгой; подарок-книга выступает катализатором к самопомощи.

> *Очень много людей, которые находятся в депрессии и не понимают, почему. Вот эта книжка просто такая целитель, которая просто поддерживает. Я хочу, чтобы тебе стало лучше, потому что книга реально шикарная, очень хорошо вещи объясняет, помогает, выручает* (Лариса, 28 лет).

Книга в этом случае выступает посредником определенного смысла, заложенного внутри книги-текста. При дарении книги как эмоциональной поддержки при опоре на получателя на первый план выходит ситуация, или фрейм (Гоффман 2005), интерпретируемый дарителем. Благодаря знанию фрейма даритель выбирает книгу, которая и может дать ожидаемую эмоциональную поддержку.

Посредническая функция книги раскрывается не только в выделенной категории эмоциональной поддержки. Другой категорией, явно подчеркивающей функцию книгу как посредника, является дарение как **коммуникация**. В отличие от прошлой категории, хоть они частично и пересекаются, книга элиминирует передачу смысла через другие системы. То есть даритель подбирает книгу с целью передачи того, что словами в межличностном диалоге не может быть выражено, а в книге выражается текстом (историей, тематикой и т.д.). В этом случае также имеет место посредническая роль книги в разрешении конфликтов между акторами.

> *Я помню, вот у меня была такая недомолвка с другом, и мы понимали, что мы не можем сказать друг другу какие-то вещи, которые могли бы нормализовать наши отношения. Я подарил книжку Генрика Ибсена, потому что я понимал, что он прочитает, и он поймет, что я хочу сказать* (Алексей, 23 года).

Интерпретация книги как подарка-посредника с коммуникативной функцией в данном случае неочевидна получателю, и ему следует интерпретировать интенции дарителя с опорой на существующий между ними контекст. В отсутствие устойчивого кода актор опирается на то, что называется у Гинзбурга «уликовой парадигмой» — интерпретацию книги исходя из своих культурных навыков, не опирающихся на устойчивый код (Зенкин 2023: 23; Гинзбург 2004).

Интерпретация книги как знака наблюдается также при дарении как **валидации другого**. Под этим подразумевается желание поддержания дарителем сконструированного получателем образа. Наблюдается поддержание двух видов образа. Во-первых, замечается поддержание образа

читающего человека: даря книгу, человек признает другого читающим, что сопряжено с образом интеллектуала. В этом случае важен сам факт дарения книги как атрибута с коннотацией интеллектуальности по сравнению с другими дарами, которые не поддерживают этот образ читающего человека. Поддержание образа чтеца согласуется с пониманием знака у Ролана Барта, а именно символическим сознанием знака, соотнесении книги с интеллектуальностью (Барт 1989: 246).

> *Вряд ли, кто-то обидится на предположение, что человеку может быть интересна книга. <...> То есть это как бы видение другого человека, как интеллектуального, когда ты даришь ему книгу* (Василий, 35 лет).

Во-вторых, книга может поддерживать образ получателя как профессионала в какой-либо сфере. Даритель тем самым показывает, что признает этот профессиональный образ или саму деятельность получателя в определенной области. Например, даритель выбирает книгу в области интересов получателя, чтобы показать, что принимает его увлечение или хобби. В этом случае на первый план выходит не сам факт книги-дара, а ее тематика, валидирующая деятельность получателя дарителем.

Другая широкая категория, передающая смыслы, которыми обмениваются акторы при дарении, является **создание сопричастности**. Под сопричастностью понимается сразу несколько аспектов. Во-первых, отмечается восприятие книги как потенциального воспоминания в будущем. Здесь выделяется интенция дарителя остаться в памяти у человека, которому он дарит книгу. Во-вторых, книга воспринимается как напоминание о прошлом, как о самом дарении книги, так и о дарителе как о значимом человеке в жизни получателя. Оба пункта могут быть связаны через отмеченную информантами практику подписания книг. Один из информантов просил дарителей подписывать ему книги, если они этого не делали. Аспект воспоминания и напоминания могут быть рассмотрены как дополняющие друг друга.

> *Откроет друг на своей книжной полке эту книжку, увидит какие-то старые пожелания на выцветшей бумаге и улыбнется. <...> Она просто будет нести за собой физическое воспоминание. Книжка может нести за собой чуть больше, она становится вещью как напоминание. И поэтому она должна напоминать о тебе* (Алексей, 23 года).

Из вышеперечисленных пунктов вытекает последний элемент сопричастности — обсуждение книги после дарения как динамический элемент в будущем наравне с воспоминанием. Дарение книги для обсуждения

сопряжено с выбором книги, в которой в большей степени заинтересован даритель, пытающийся создать поле для обсуждения своим подарком. Создание поля для обсуждения было основным предположением перед началом исследования. Так, отношения «единения» (Polman, Maglio 2017: 6), создаваемые обсуждением, могут положительно сказываться на отношениях дарителя и получателя.

Еще одним смыслом являлось дарение для **пользы**. В этом случае даритель выбирает «нужные» или «полезные» книги, которые помогут получателю в саморазвитии. В этом случае книга может быть рассмотрена как источник информации, в котором содержится решение определенных проблем и задач скорее прикладного характера.

> *А, одна книга была еще про выращивание сада на подоконнике. А они как раз лук проращивали, там еще что-то делали. То есть мы с ним это обсудили, что я говорю: «Смотри, какая классная книга, здесь как раз вот про растения, про то, что сажать»* (Регина, 34 года).

Данная интерпретация не была предположена при формировании исследовательских гипотез, однако она интересна с точки зрения теорий дарообмена. Так, согласно классическим антропологическим теориям (см.: Мосс 2011; Малиновский 2004) дар не несет в себе утилитарную функцию, он является скорее символом для поддержания отношений, что наблюдалось в других смысловых категориях. В этом же случае наблюдается утилитарность книги как дара, где выбранная дарителем книга полезна как источник отдельной информации. Но важно отметить, что дарение для пользы не исключает поддержание отношений. Так, в цитате выше наблюдаются также замечания о деятельности дарителя, валидация другого и его интересов. Важно отметить, что выделенные категории не могут быть рассмотрены изолированно друг от друга, и утилитарный смысл не является единственным при выборе дара в рассматриваемой категории. Даритель также пытается показать свой интерес к жизни получателя, так как дар не выбран случайно.

Другой немаловажной смыслообразующей характеристикой книжного дарения является **желание удивить** получателя. Здесь отмечается дарение неожиданного подарка, подарка-сюрприза, той книги, о которой получатель не знает. В этой же связи отмечается ограничивающий эффект практики вишлистов: просьба принимается дарителем, отмечается понятность и легкость этой практики, а также нежелание получателя «напрягать» дарителя, однако при вишлисте у дарителя нет поля, для того чтобы удивить получателя. Удивление, согласно исследованиям дара, является составляющей «идеального подарка» (Belk 1996), при вишлисте же эта

составляющая упраздняется, в связи с чем данная практика может быть оценена как негативная с точки зрения «идеального подарка», хоть она и удобна. В данной практике в том числе присутствует элемент утилитарности, когда даритель дарит то, что «нужно» получателю, что также может быть соотнесено с классическими концепциями дарообмена, в которых рассматривается неутилитарный характер дара (см.: Мосс 2011; Малиновский 2004). Практика вишлистов отмечалась часто в ходе интервью и описывалась скорее инструментально: даритель увидел список, выбрал позицию, купил и подарил.

> *Да, сейчас же стала ещё тоже такая проблема для меня сложная, это вишлисты, вот это вот для меня внутреннее какое-то противоречие <...> ты хочешь всё равно как-то произвести другое впечатление, ты не хочешь дарить то, что человек от тебя попросит, ты хочешь подарить от тебя то, что ты чувствуешь* (Алексей, 23 года).

При этом важно отметить разную структуру вишлистов, от чего и зависит их восприятие. Чем точнее указана позиция, тем негативнее оценивается эта практика, так как она все более ограничивает дарителя. При указании общих пожеланий у дарителя остается поле для удивления получателя. Из отсутствия неожиданности при практике вишлистов вытекает отсутствие возможности для дарителя выразить себя — подарок становится полностью «о получателе».

Дарение в шутку стало последним из наблюденных смыслов при дарении. В этом случае характерно дарение книги из-за ее тематики, которая может быть связана с общим культурным контекстом (например, шутками в интернете и «мемами») или общими шутками дарителя и получателя как некоторое обращение к общему прошлому. В этом случае характерен скорее спонтанный выбор книги через случайное столкновение с ней в магазине, на ярмарке или в другом контексте, посредством чего происходит ассоциация дарителя с получателем и последующее дарение. При дарении книги в шутку не ожидается глубокое чтение книги, скорее важно ее название, авторство и другие отдельные ее элементы.

> *Кажется, как будто, где-то на каком-то свопе это увидел и подумал, какой смешной кринж, Ксюше на день рождения — самое то* (Ксения, 30 лет).

Дарение в шутку поддерживает взаимодействие акторов, апеллирует к их общему контексту общения. Согласно Блумеру, вещи приобретают смысл из взаимодействия, и книга, подаренная в шутку, приобретает свой смысл как подарка именно благодаря взаимодействию акторов, их бэкгра-

унду (Blumer 1986: 2). Без этого взаимодействия дарение книги с иронией было бы бессмысленным, так как ирония, общая для дарителя и получателя, была бы непонятой.

Социальные ситуации дарения применительно к смыслам, передаваемым при дарении книг, могут выступать как ограничением, так и дополнением друг друга. В ситуации дарения подчеркивается контекст повода, который, как мы установили, проявляется через готовность тратить больше временных и материальных ресурсов для значимых обстоятельств дарения, которыми выступают институционализированные поводы. В таком случае для поводов первого порядка будет менее характерно дарение в качестве шутки или с целью удивить ввиду большей рискованности таких смыслов дарения. В то время как в контексте ситуационных обстоятельств у дарителя есть полная свобода ввиду недостаточности контекста и отсутствия ожиданий со стороны получателя.

Дискуссия и заключение

В работе предпринята попытка определения, какими смысловыми категориями обмениваются даритель и получатель в процессе дарения книг, а также подходящих для этой практики социальных ситуаций (поводов). Работа расширяет теоретическое поле исследований дарообмена, так как представляет исследование конкретного дара, что открывает область для исследования других даров с их особенностями, требующими изучения.

Ограничением исследования является использование RDS как сетевого невероятностного метода рекрутирования, что не позволяет говорить о репрезентативности ранжирования поводов на генеральной совокупности в количественной части, но позволяет достичь насыщенности в качественной части исследования (Штейнберг 2014).

Кроме этого, важным ограничением является превалирование в выборке женщин, более молодых людей, а также имеющих незаконченное высшее и высшее образование. С точки зрения компетентности выборку можно назвать более экспертной, чем изначальный эмпирический объект исследования, ввиду вовлеченности в практики дарения книг и книжную культуру в целом. Тем не менее данный характер выборки позволил достичь цели исследования, так как более экспертные информанты, полагающиеся на обширный опыт дарения, артикулировали его более рефлексивно, что было ценно в контексте изучения смыслов дарения. При этом мы не можем перенести экспертный опыт на весь рассматриваемый эмпирический объект, что является ограничением исследования.

В качестве общей методологической рефлексии можно отметить возможное снижение размерности текущего количества кодов, полученного при индуктивном тематическом анализе. Кроме этого, в последующей работе могут быть исследованы отдельные выделенные категории с помощью дедуктивного кодирования и их уточнение. Каждая из категорий может быть изучена в отдельном исследовании для более глубокого понимания, а также применительно к другим дарам. Выделенные при качественном анализе категории могут быть использованы также в последующем количественном исследовании.

В результате количественной части исследования выделены наиболее подходящие поводы для дарения книг, которыми выступили День рождения, Новый год и значимое личное событие, а в качественной части исследования составлена классификация поводов дарения книг по группам: институционализированные (первого и второго порядка) и ситуационные. Так, важной оказывается именно воспринимаемая значимость повода, а чем она выше, тем больше подходящий дар способен создать то чувство единения, о котором писали Полман и Маглио (Polman, Maglio 2017). Институционализированные поводы, привязанные к конкретной дате, имели большую воспринимаемую значимость, они требуют реципрокности посредством дарения подарка по поводу сравнимой значимости и величины. В это же время ситуационные поводы загоняют получателя в ловушку: вследствие формальной неопределенности повода и, следовательно, меньших ожиданий от дара и самого дара, в такой ситуации возникает то, что Маршалл Салинз называл генерализованной реципрокностью (generalized reciprocity) (Sahlins 1972: 193). При этом типе дарообмена реципрокность слабая, и даже если дар не «возвращен», это не влияет на отношения (Sahlins 1972: 193–194). В этом смысле ситуационный дарообмен книгами наиболее всего приближен к альтруистическому дару, не требующему возмещения (сейчас или отложенного).

Основная часть исследования посвящена выявлению смыслов, которыми участники процесса дарения обмениваются в его процессе. Выявлены восемь уникальных категорий смыслов, среди которых дарение как рекомендация, эмоциональная поддержка, коммуникация, валидация другого, создание сопричастности, дарение для пользы, с целью удивить и в шутку. Данные категории не являются взаимоисключающими и могут сочетаться в рамках процесса дарения, накладываться друг на друга. Важным аспектом оказались властные отношения, которые могут возникать посредством дарения книг (особенно это проявляется при дарении как рекомендации). Главным ресурсом, поддерживающим власть дарителя, является информация — возможность выбора того, что подарить, какую

информацию передать и какой образ создать. Так, даритель подаренной книгой может поддерживать социальные отношения, где он выступает как более «знающий», обладающий особенной информацией, которую книгой как подарком передает получателю.

Выделенные категории подтверждают теоретическое определение книги как знака — носителя информации и средства коммуникации — и расширяют его. Книга как знак несет в себе прямой смысл посредством текстового содержания и косвенный смысл через замену речи. Здесь оказывается важной, во-первых, форма сообщения, которая не может быть заменена речью вследствие «невыразимого», что передает искусство, текст (см.: Dewey 1980; Langer 1957; Gunther 2017). Интересным в этом контексте представляется изучение дарения других форм искусства с их специфическими характеристиками. Во-вторых, важен эмоциональный аспект и дистанция, которая осуществляется при посредничестве книги в передаче сообщения. Книга как подарок выражает значимость другого человека (Cheal 1987), а посредничество книги при дарообмене облегчает это выражение, не всегда выражаемое словами. Важность замечания значимости другого в целом через подарки является отражением культуры любви, дружбы и близости (Cheal 1987), книга же как носитель информации встраивается в эту культуру и становится коммуникатором другого уровня, так как содержит текстовое содержание. В этом смысле, словами Лотмана, «условное» (нарратив в тексте) превращается в «реальное» (Лотман 2000: 130); то, что не может быть сказано в диалоге между акторами, передается при посредничестве книги. Так, книга оказывается медиатором отношений, причем в совершенно разных видах: она может помочь с проблемой, начать диалог о том, что наболело в отношениях между дарителем и получателем, создать новую ветвь бесед, а может напомнить об общей шутке, важной для обоих.

Выражение благодарности

Авторы выражают благодарность Зое Владиславовне Котельниковой, заместителю заведующего лабораторией и старшему научному сотруднику ЛЭСИ НИУ ВШЭ, и Полине Павловне Малаховой, нашей коллеге.

Литература

Барт Р. (1989) Воображение знака. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс: 246–252.

Barthes R. (1989) The Imagery of the Sign. In: Barthes R. *Selected Works: Semiotics. Poetics.* Moscow: Progress: 246–252 (in Russian).

Гинзбург К. (2004) *Мифы — эмблемы — приметы*. М.: Новое издательство.

Ginzburg K. (2004) *Myths, Emblems, and Signs*. Moscow: New Publishing House (in Russian).

Гоффман Э. (2005) Преподнесение себя в повседневной жизни. Глава VII. *Личность. Культура. Общество*, 2(26): 15–27.

Goffman E. (2005) Presenting oneself in everyday life. Chapter VII. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2(26): 15–27 (in Russian).

Зенкин С.Н. (2023) *Семиотика культуры*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Zenkin S.N. (2023) *Semiotics of Culture*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Latour B. (2014) *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Лотман Ю.М. (2000) *Семиосфера.* СПб: "Искусство — СПб".

Lotman Y.M. (2000) *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo — SPb (in Russian).

Малиновский Б. (2004) *Избранное: аргонавты западной части Тихого океана*. М.; СПб: РОССПЭН.

Malinovsky B. (2004) *Selected Works: Argonauts of the Western Pacific*. Moscow; St. Petersburg: ROSSPEN (in Russian).

Мосс М. (2011) *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии.* М.: КДУ.

Mauss M. (2011) *Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology*. Moscow: KDU (in Russian).

Штейнберг И.Е. (2014) Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 38: 38–71.

Steinberg I.E. (2014) A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model". *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)], 38: 38–71 (in Russian).

Auerbach C.F., Silverstein L.B. (2003) *Qualitative data: An introduction to coding and analysis*. New York: New York University Press.

Belk R.W. (1996) The Perfect Gift. In: Otnes C., Beltramini R.F. (eds.) *Gift Giving: A Research Anthology*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press: 59–84.

Bennett T., Joyce P. (2010) *Material powers: Cultural studies, history and the material turn*. Oxford: Routledge.

Blumer H. (1986) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Callon M., Latour B. (2011) "Thou shall not calculate!" Or how to symmetricalize gift and capital. *Athenea Digital*, 11(1): 171–192.

Camerer C. (1988) Gifts as Economic Signals and Social Symbols. *American Journal of Sociology*, 94(1): S180–S214. https://doi.org/10.1086/228946

Canoy M., van Ours J.C., van der Ploeg F. (2006) The Economics of Books. In: Ginsburgh V., Thorsby D. (eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture.* Vol 1. Amsterdam: North Holland: 721–761.

Carrier J. (1991) Gifts, Commodities, and Social Relations: A Maussian View of Exchange. *Sociological Forum*, 6(1): 119–136. https://doi.org/10.1007/BF01112730

Cheal D. (1987) "Showing Them You Love Them": Gift Giving and the Dialectic of Intimacy. *The Sociological Review*, 35(1): 150–169. https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1987.tb00007.x

Cheal D. (2016) *The gift economy.* London, New York: Routledge.

da Silva F.C. (2015) Following the Book: Towards a Pragmatic Sociology of the Book. *Sociology*, 50(6): 1–16. https://doi.org/10.1177/0038038515587650

Dewey J. (1980) *Art as Experience*. New York: Perigee Trade.

Gunther Y.H. (2017) The ineffable in art: On what can't be said. *Literature & Aesthetics*, 27(2): 17–36.

Goel S., Salganik M. (2010) Assessing respondent-driven sampling. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 107(15): 6743–6747. https://doi.org/10.1073/pnas.1000261107

Heckathorn D. (1997) Respondent-Driven Sampling: A New Approach to the Study of Hidden Populations. *Social Problems*, 44(2): 174–199. https://doi.org/10.1525/sp.1997.44.2.03x0221m

Hyun N.K., Park Y., Park S.W. (2016) Narcissism and gift giving: Not every gift is for others. *Personality and Individual Differences*, 96: 47–51. https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.057

Langer S. (1957) *Problems of Art.* New York: Charles Scribner's Sons.

Lin L. (2017) Food souvenirs as gifts: tourist perspectives and their motivational basis in Chinese culture. *Journal of Tourism and Cultural Change*, 15(5): 439–454. https://doi.org/10.1080/14766825.2016.1170841

Mead G. (2011) *A Reader*. New York: Routledge.

Mowen J.C., Minor M. (1998) *Consumer Behaviour*. Upper Saddle River: Prentice-Hall.

Mukerji C. (2015) The Material Turn. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*: 1–13.

Nelson P. (1970) Information and Consumer Behavior. *Journal of Political Economy*, 78(2): 311–329. https://doi.org/10.1086/259630

Osteen M. (2013) Introduction: questions of the gift. In: Osteen M. (ed.) *The Question of the Gift*. Routledge: 1–42. https://doi.org/10.4324/9781315015538

Patico J. (2002) Chocolate and Cognac: Gifts and the Recognition of Social Worlds in Post-Soviet Russia. *Ethnos*, 67(3): 345–368. https://doi.org/10.1080/0014184022000031202

Polman E., Maglio S.J. (2017) Mere Gifting: Liking a Gift More Because It Is Shared. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(11): 1582–1594. https://doi.org/10.1177/0146167217718525

Sahlins M. (1972) *Stone Age Economics*. Chicago, New York: Routledge.

Saldana J. (2021) *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Ltd.

Schwartz B. (1967) The Social Psychology of the Gift. *American Journal of Sociology*, 73(1): 1–11. https://doi.org/10.1086/224432

Sherry J.F., McGrath M.A., Levy S.J. (1993) The Dark Side of the Gift. *Journal of Business Research*, 28(3): 225–244. https://doi.org/10.1016/0148-2963(93)90049-U

Stringer E.T. (1999) *Action research*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Wolfinbarger M.F. (1990) Motivations and symbolism in gift-giving behavior. *Advances in Consumer Research*, 17(1): 699–706.

Источники

Каждый четвертый житель России хочет читать больше электронных книг (2023) *НАФИ.* [https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-chetvertyy-zhitel-rossii-khochet-chitat-bolshe-elektronnykh-knig/] (дата обращения: 13.03.2025).

MEANING BEHIND THE PAGES: WHAT MEANINGS ARE EXCHANGED BETWEEN THE GIVER AND THE RECEIVER IN THE GIFT GIVING OF BOOKS

Daria Talakauskas (dtalakauskas@hse.ru),
Igor Lukin

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Talakauskas D., Lukin I. (2026) Meaning behind the pages: What meanings are exchanged between the giver and the receiver in the gift giving of books. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 144–169 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.6 EDN: DDQPRR

Abstract. Gift giving is a widespread social practice with a long history, which is an important part of social relations. However, the gift giving of books may be difficult to describe with the help of classical gift exchange theories. The aim of the present study is to determine the palette of meanings exchanged between giver and receiver in the process of book gift giving. The theoretical part of the study is based upon the interpretative paradigm; the book itself is considered as a sign that has a communicative function and is capable of conveying meanings through the act of gift giving. The theoretical classification of situations for gift giving is based on David Cheal's research, distinguishing between ritualized and personal occasions. The study uses a mixed methodology: survey data (N = 228) is combined with semi-structured interviews (N = 27). The respondents and informants were selected using respondent-driven sampling (RDS), a network-based recruitment method close to snowball sampling.

The study sample consisted of residents of Moscow and the Moscow region aged 18 to 70 years. The data analysis revealed that the theoretical classification of suitable situations does not fully describe the gift giving of books — herein the occasions are distinguished by their significance (institutionalized occasions of the first and second order, situational circumstances). The qualitative part of the study identified eight categories of meanings in gift giving, reflecting the mediating function of the book in conveying meanings, such as: gifting for communication purposes, emotional support, creating sense of belonging and validation of the other. Other categories were also highlighted, including those reflecting the hierarchy between giver and receiver. The interpretation of the identified categories in the context of book gift giving is unique and opens the field for the study of other gift-giving practices with reference to their specific characteristics.

Keywords: gift giving, books, gift, reciprocity, meaning, gift-giving situation, sign.

Funding

This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-070).

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Zoya Kotelnikova, Deputy Head of the LSES HSE, and Polina Malakhova, our colleague.

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ ИЛИ РЕЦЕПТ НЕУДАЧИ: ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ ПРИ ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ?

Кирилл Александрович Шамшура (kirillshamshura@gmail.com)

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шамшура К.А. (2026) Формула победы или рецепт неудачи: что определяет результативность гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 170–204. https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.7 EDN: DIXEYY

Аннотация. Рассматриваются условия, влияющие на результаты гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах. Работа опирается на теорию структуры политических возможностей, которая предполагает, что условия, формирующие структуру политических возможностей, оказывают наибольшее влияние на результат коллективных действий. На основе исследований общественных движений и городских конфликтов сформулирован набор из девяти условий, способных оказывать влияние на результаты гражданского участия. Шесть условий отнесены к структурным условиям, поскольку они являются внешними по отношению к активистам. Еще три отнесены к агентским условиям, которые в большей степени зависят от активистов. Далее все условия проверялись посредством качественного сравнительного анализа (QCA) 52 случаев защиты исторических объектов из трех российских городов — Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Пскова. Данные об этих случаях получены из материалов 25 полуструктурированных интервью с активистами и экспертами, публикаций в СМИ и градозащитных сообществах в социальных сетях. Анализ показал, что на результаты гражданского участия влияют разные комбинации условий, в том числе сочетающие структурные и агентские условия. При этом обнаружена иерархия условий, в которой структурные условия имеют более важное значение, однако агентские условия также могут оказывать существенное влияние на результат. Установлено, что наиболее важными для успеха защитников наследия являются следующие структурные условия: 1) отсутствие коалиции власти и бизнеса; 2) охранный статус исторических объектов (особый правовой режим использования); 3) наличие у активистов союзников в региональных элитах; 4) отсутствие у защитников наследия влиятельных оппонентов. Наиболее важным агентским условием является способность активистов формировать коалиции и поддерживать высокий уровень согласованности действий.

Ключевые слова: активизм, гражданское участие, городские конфликты, градозащитные движения, культурное наследие.

В последние десятилетия активизм в области сохранения культурного наследия стал массовым явлением во всем мире (Meskell 2015; Mozaffari, Jones 2020; Roura-Expósito 2023). Стремительное развитие городов, реализация инфраструктурных проектов, недостаточный учет мнения и потребностей местных жителей относительно использования исторических объектов часто приводят к возникновению общественных движений, выступающих в защиту наследия. Во многих случаях движения также выступают против так называемого вертикального подхода к управлению наследием (top-down), когда решения принимаются лишь на основе мнения представителей власти и экспертных оценок (Smith 2006). Некоторые из движений прямо бросают вызов властям и устоявшимся правилам игры, отстаивая свое право как на материальное, так и на нематериальное наследие (Hammami, Uzer 2022).

Не осталась в стороне от этих процессов и Россия. Во многих российских городах в 2000–2010-е годы общественные движения, выступающие за сохранение культурного наследия, стали заметными акторами публичного пространства, способными влиять на решения органов власти (Гладарев 2011; Argenbright 2016; Зверев 2016). В то же время эмпирические данные свидетельствуют о том, что результаты гражданского участия при защите исторических объектов существенно различаются. Например, в российских городах активистам нередко удается влиять на принятие решений органами власти и добиваться сохранения исторических объектов. Однако во многих случаях эти же самые активисты терпят неудачу.

Какие условия способствуют или препятствуют достижению целей активистов при защите исторических объектов? Большинство авторов, затрагивающих этот вопрос, рассматривают конфликтные взаимодействия по поводу исторических объектов в контексте исследования городской политики, градостроительных конфликтов и мобилизации локальных сообществ. При этом для сравнительного анализа обычно берется набор разнородных кейсов (Зуйкина 2017; Семенов 2019; Тыканова, Хохлова 2020). Реже встречаются исследования, детально анализирующие случаи защиты исторических объектов (Jones, Mozaffari, Jasper 2017; Чернышева, Хохлова 2021; Хохлова 2024). Тем не менее по-прежнему сохраняется недостаток знаний об условиях, влияющих на результаты гражданского участия при защите исторических объектов, а также о том, как эти условия сочетаются между собой. Ранее в литературе были описаны некоторые отдельные условия, способные влиять на результат. Однако слабо изучались комбинации условий, которые приводят к тому или иному результату.

В данной статье предпринята попытка проанализировать условия и комбинации условий, влияющие на результаты гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах. Под гражданским участием в работе понимается «процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), с другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно-значимых задач» (Уханова 2020: 34–35).

Структуры политических возможностей и результаты действий активистов

Дискуссии о влиянии общественных движений ведутся уже довольно давно. Так, еще в 1970-е годы У. Гэмсон подразделял успешные результаты на приобретение выгод участниками общественного движения и признание властями представителей движения в качестве выразителей интересов определенных социальных групп (Gamson 1975). Например, в первом случае может быть принят нормативно-правовой акт или социальная программа, от которой выигрывают участники движения и(или) более широкий круг граждан, а во втором случае представители движения могут стать переговорщиками и(или) быть включены в состав консультативно-совещательных структур. На основе этих двух параметров У. Гэмсон выделил четыре варианта результатов: полный ответ (приобретение выгод и признание), упреждение (приобретение выгод без признания), кооптация (признание без приобретения выгод), провал (ни то ни другое). В дальнейшем исследователи пришли к выводу, что последствия деятельности общественных движений могут проявляться в различных сферах общественной жизни, включая непредвиденные и долгосрочные последствия (Guigni 1998). Причем последствия могут касаться как институциональной среды или социокультурных изменений в обществе, так и последующей жизни отдельных активистов. То есть последствия могут быть обнаружены как на индивидуальном, так и на более высоком уровне. В политической сфере результаты общественных движений также могут сильно различаться в зависимости от уровня, места и внешнего политического контекста (Amenta et al. 2005). Например, движения могут повлиять на формирование повестки дня и изменение общественного мнения, но быть не в силах изменить законодательство. Или движения могут способствовать принятию закона, но не способны повлиять на его реализацию в интересах своих сторонников. Однако даже неспособность

движения достичь главной цели может впоследствии привести к положительным косвенным результатам. К ним относятся, например, появление сетей активистов и создание социального капитала, которые могут способствовать социальной мобилизации в будущем (Diani 1997).

Необходимо сказать, что в исследованиях общественных движений существует серьезная методологическая проблема, связанная с определением степени вклада движений (Guigni 1998). Дело в том, что на результаты и последствия могут влиять условия, не имеющие прямого отношения к деятельности движений. В результате возникает вопрос о том, был ли результат обусловлен исключительно деятельностью активистов или чем-то еще, например внутриэлитными конфликтами. Другой важной проблемой является измерение успехов и неудач общественных движений из-за сложности в операционализации этих понятий, а также высокой степени субъективности при оценке (Amenta, Young 1999; Amenta 2014).

Среди исследователей нет единого мнения относительно влияния, которое движения могут оказывать на политико-управленческие решения (Amenta et al. 2010: 288). Часть авторов полагает, что движения не могут оказывать на них существенного влияния. Другие же говорят о способности общественных движений добиваться политических изменений. Однако в рамках данной дискуссии затрагиваются преимущественно крупные общественные движения, нацеленные на изменение политических институтов и политических курсов (Giugni, McAdam, Tilly 1999; Tilly, Wood 2015). В то же время известно, что сравнительно небольшие общественные движения и инициативные группы вполне успешно могут влиять на политико-управленческие решения на городском уровне (Mayer, Thörn, Thörn 2016; Бедерсон и др. 2021).

Результаты деятельности общественных движений долгое время объяснялись через организационные характеристики, способность мобилизовывать ресурсы и условия внешней среды (McAdam, McCarthy, Zald 1996). Наиболее острые дискуссии в литературе велись по поводу того, внешние или внутренние условия играют главную роль. Впоследствии возобладала позиция о комплексном воздействии разных условий (Giugni 2009). Также стали более глубоко рассматриваться социокультурные аспекты деятельности активистов (Jasper 2010). В целом же современные исследования свидетельствуют о том, что на результаты коллективных действий оказывают влияние комбинации условий, а не одно конкретное условие (Amenta et al. 2010). По сути, речь идет о присутствии сложных причинно-следственных связей, что демонстрирует постепенный отход исследователей общественных движений от однофакторных гипотез в сторону построения более сложных объяснительных моделей (Giugni

2007). В то же время теоретические модели, разработанные на основе крупных общественных движений, не позволяют объяснить различия в результатах деятельности активистов по защите исторических объектов на городском уровне.

Исследования городской политики и городских конфликтов демонстрируют множество условий, способных содействовать или препятствовать результативности действий активистов. Сравнительные исследования учитывают политический контекст, включая особенности городского политического режима, а также степень открытости городских властей к диалогу и удовлетворению требований граждан (Тыканова 2013). Подчеркивается, что вмешательство федеральных акторов и общественный резонанс на национальном уровне может повысить шансы активистов на успех (Смолева 2020). Влияет на исход оспаривания городских пространств выбранная активистами стратегия, а также сила и влиятельность девелопера (Dundua, Karaia, Tabatadze 2022). При рассмотрении стратегий и репертуара действий активистов исследователи выделяют активную или пассивную тактику в рамках четырех стратегий поведения — наступательной, примирительной, оборонительной и имитационной (Дука 2023). Где-то лидеры движений и инициативных групп идут на конфронтацию и протест, а где-то стремятся действовать иначе, в том числе отстаивать свои интересы в неформальном взаимодействии с представителями власти (Зверев 2017).

Исходы городских конфликтов исследователями связываются с развитостью инфраструктуры протеста (институционализация инициативной группы, координация усилий активистов, способность поддерживать коллективное действие в течение долгого времени, доступ к ресурсам); 2) политическим контекстом; 3) характером требований и протестных действий активистов (Тыканова, Хохлова 2020: 189–190). Кроме того, способствовать успеху активистов могут следующие условия: 1) наличие в составе инициативной группы носителей экспертного знания, представителей академического сообщества, юристов, опытных активистов, неравнодушных представителей органов власти; 2) высокая степень сплоченности и нацеленности группы на результат; 3) заинтересованность локальных сообществ и личная причастность местных жителей к оспариваемым объектам; 4) решения судов в пользу инициативной группы; 5) независимая позиция федеральных властей (Зуйкина 2017: 94).

Следует отметить, что в деятельности городских общественных движений все сильнее стирается грань между протестом и институционализированным гражданским участием (McAdam et al. 2005; Lebuhn 2015). Немалую роль в этом играет открытие городских политических систем

для более широкого гражданского участия, что предоставляет инициативным группам больше возможностей для влияния на принятие политико-управленческих решений, включая вопросы городского планирования. Например, широкое распространение получили различные консультативно-совещательные структуры при органах власти (Applegate 1998). Эти структуры при участии в них чиновников, активистов и экспертов могут становиться площадками для обмена мнениями и согласования интересов в процессе подготовки политико-управленческих решений. Включение активистов в состав профильных консультативно-совещательных органов может становиться точкой доступа в политическую систему. Это позволяет активистам оказывать влияние на процессы принятия решений.

Результаты действий активистов по защите исторических объектов объясняются разными условиями, среди которых могут быть способности действующих акторов мобилизовывать ресурсы и выстраивать лоббикоалиции, а также формировать убедительные нарративы о культурном наследии (Lee 2016). Недавние исследования свидетельствуют о том, что политический контекст оказывает важное влияние на действия активистов, включая их способность к созданию нарративов, резонирующих с преобладающими в обществе культурными ценностями и политическими дискурсами (Li et al. 2024). Также на результативность действий активистов влияют характеристики самих исторических объектов, как, например, подлинность, аутентичность, традиционные методы постройки и строительные материалы (Uprety, Shrestha 2021).

Рассуждая о конфликтах вокруг исторических объектов надо понимать, что органы власти нередко отказывают гражданам, требующим не допустить разрушения исторических объектов или строительства новых сооружений, искажающих историко-культурный ландшафт и(или) историческую застройку городов. В некоторых случаях органы власти, формально ответственные за сохранение культурного наследия, встают на сторону бизнеса и не пресекают разрушение исторических объектов. В том числе органы власти могут поддерживать девелоперов, разрушающих исторические объекты, и препятствовать деятельности защитников наследия. Иногда подобные коалиции между крупным бизнесом и властями называют «машинами роста», когда власти пытаются пополнить местный или региональный бюджет с помощью привлечения бизнеса, продвигая интересы последнего (Тыканова, Хохлова 2015). Однако может существовать гораздо больше причин возникновения коалиций.

Данная статья опирается на теорию структуры политических возможностей, которая утверждает, что успех или неудача коллективных действий в значительной степени зависит от политического контекста и возмож-

ностей, открывающихся перед активистами в определенные моменты времени. Теория фактически возвращает к дискуссии о структуре и агентности при рассмотрении результатов коллективных действий, что позволяет применять ее для анализа гражданского участия. В то же время не существует единого подхода к определению структуры политических возможностей и универсальной терминологии, поскольку разные авторы по-разному трактуют политические возможности в зависимости от рассматриваемого общественного движения, времени и места. Классической можно считать структуру политических возможностей, включающую в себя четыре основные переменные: 1) относительную открытость или закрытость политической системы; 2) стабильность или нестабильность элитных групп; 3) способность общественных движений налаживать и сохранять партнерские отношения с представителями элитных групп; 4) склонность государства к репрессиям и возможность их проводить (McAdam, McCarthy, Zald 1996: 27). Считается, что эти показатели определяют, в какой степени будут облегчены или затруднены коллективные действия. Однако описанная модель не подходит для анализа гражданского участия при защите исторических объектов в одних и тех же городах на относительно коротком промежутке времени. По этой причине необходима разработка структуры политических возможностей для анализа гражданского участия в сфере охраны культурного наследия на городском уровне.

Для объяснения результатов участия граждан в защите отдельных исторических объектов на городском уровне мы формулируем шесть условий, которые составляют структуру политических возможностей. Эти условия являются внешними по отношению к активистам и формируют контекст. Среди них (1) открытость или закрытость политических систем для участия граждан; (2) наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса; (3) степень влиятельности оппонентов защитников наследия; (4) наличие или отсутствие вмешательства в конфликт федеральных акторов, способных оказать влияние в пользу защитников наследия; (5) наличие или отсутствие охранного статуса у исторического объекта (особый правовой режим); (6) наличие или отсутствие союзников у защитников наследия в региональных элитах.

Однако, учитывая частую критику теории структуры политических возможностей за структурный детерминизм, мы также добавляем в дальнейший сравнительный анализ еще три агентских условия, которые могут оказать влияние на результаты гражданского участия. Эти условия во многом зависят от самих активистов, в том числе способность защитников наследия создавать общественный резонанс, коалиционность и слаженность действий, а также способность проводить уличные протестные акции.

Под результатом гражданского участия в статье понимается условный успех или неудача инициативной группы. В качестве возможных результатов гражданского участия были выделены следующие: 1) полное достижение публично заявленных целей участников или частичное достижение целей (выполнение всех или минимального набора требований инициативной группы); 2) цели не были достигнуты, а требования участников не были удовлетворены (не был удовлетворен даже минимальный набор требований инициативной группы).

Учитывая широкий спектр мнений относительно результатов как среди участников, так и среди внешних наблюдателей, мы представляем требования активистов в виде условной шкалы, которая включает минимальные требования и максимальные требования (полное сохранение и(или) реставрация). Стоит отметить, что разные точки зрения среди активистов периодически приводили к серьезным внутренним конфликтам, сопровождавшимся обвинениями в работе на власть и(или) строительный бизнес. Например, в Санкт-Петербурге активисты группы ЭРА регулярно обвиняли участников ВООПИиК и движения «Живой город» в том, что те выбрали стратегию сотрудничества с властями и вошли в состав консультативно-совещательного органа при городском правительстве. Активисты группы ЭРА позиционировали себя как бескомпромиссных борцов за наследие, готовых к акциям прямого действия и протестам в защиту любых исторических объектов. В свою очередь, участники ВООПИиК и «Живого города» были готовы к поиску компромиссов с властями и старались действовать адресно, уделяя особое внимание наиболее важным историческим объектам, которые имеют больший шанс на спасение.

Методы исследования и эмпирические данные

Для анализа случаев гражданского участия при защите исторических объектов выбран метод качественного сравнительного анализа (QCA), относящийся к логико-комбинаторным методам (Berg-Schlosser et al. 2009). Преимуществами данного метода являются его способность выявлять сложные причинно-следственные связи, что позволяет строить сложные объяснительные модели, а также учитывать контекст и концентрироваться на выявлении причинно-следственных механизмов, объясняющих, как наличие (отсутствие) определенных условий (причин) приводит к определенным результатам. QCA опирается на теорию множеств и булеву алгебру. Он ориентирован на определение членства элемента в множестве, а также поиск отношений между множествами. Эти отношения могут быть интерпретированы через категории достаточных и необходимых условий

для возникновения определенного результата. Ключевыми в QCA считаются категории необходимых, но недостаточных условий (INUS — insufficient but necessary part of a condition which is itself unnecessary but sufficient for the result) и достаточных, но необязательных (SUIN — sufficient, but unnecessary part of a factor that is insufficient, but necessary for the result) (Schneider, Wagemann 2012: 79–80). Первая означает, что присутствие этого условия не гарантирует получение определенного результата, но его отсутствие гарантирует отсутствие этого результата. Например, чтобы сдать экзамен, необходимо к нему подготовиться, однако знания материала недостаточно для успешной сдачи экзамена, поскольку его можно не сдать из-за волнения или иных причин. При этом без знания материала экзамен сдать не получится. Вторая категория означает, что это условие не всегда присутствует, но может привести к определенному результату в сочетании с другими условиями. Например, при принятии решения о проведении реформы достаточным условием может быть сформированное общественное мнение в поддержку реформы. Однако оно не является необходимым (обязательным), так как правительство может принять решение о проведении реформы и при наличии негативного отношения к ней в обществе. Иными словами, поддержка правительства необходима для инициирования реформы, а поддержка общественного мнения — достаточна.

Метод качественного сравнительного анализа предполагает каузальную асимметрию, означающую, что одно и то же условие может играть разную роль в наличии или отсутствии определенного результата. Кроме того, для QCA характерна эквифинальность, когда получение одного и того же результата (зависимой переменной) может объясняться разными комбинациями условий (независимых переменных). То есть один и тот же результат может быть достигнут разными путями. Так как QCA базируется на булевой алгебре, то применяется двоичная (бинарная) переменная. Высказывания могут оцениваться только как истинные «1» (да) или ложные «0» (нет). Булева алгебра использует несколько основных операторов: логическое «И», представленное символом [*] (умножение), а также логическое «ИЛИ», представленное символом [+] (дополнение) (Rihoux, De Meur 2009: 34–35). Для обозначения связи между условиями и результатом используется символ стрелки [→]. Логические «И» могут записываться и без символа. Например, A*B может быть записано как AB. Представленные операторы дают возможность строить сложные и длинные выражения, которые могут быть сведены к более простым при помощи так называемой «булевой минимизации». Она означает, что «если два булевых выражения отличаются только одним причинным условием,

но приводят к одному и тому же результату, то это причинное условие может быть признано нерелевантным и удалено с целью создания более простого комбинированного выражения» (Ragin 1987: 93). Таким образом, QCA позволяет обнаружить наиболее простые комбинации условий, которые приводят к тому или иному результату.

В статье применяется метод качественного анализа четких множеств (Crisp-Set QCA, csQCA), который работает с четкой логикой, где каждый случай либо полностью принадлежит множеству (значение «1»), либо полностью ему не принадлежит (значение «0»). При этом не может быть промежуточных значений, в отличие от метода качественного анализа нечетких множеств (fuzzy-set QCA, fsQCA), где допустима частичная принадлежность к множеству, представленная значением от «0» до «1».

Таким образом, результаты случаев защиты исторических объектов классифицируются как бинарная переменная, где «1» означает выполнение всех или минимального набора требований инициативной группы, а «0» означает то, что не был удовлетворен даже минимальный набор требований. Подразумевается, что в случае исхода «1» активистам удавалось добиться сохранения исторического объекта настолько, насколько позволяло его физическое состояние. Нередко вмешательство активистов происходит в процессе демонтажа сооружения, часть которого уже подверглась разрушению. В таких случаях «1» будет означать, что инициативной группе удалось остановить полный демонтаж сооружения. У каждого рассматриваемого случая может быть только положительный (1) или отрицательный исход (0). Положительный исход обозначает условный успех инициативной группы, отрицательный — условную неудачу. При этом в рамках анализа не рассматриваются возможные непубличные цели активистов, а при оценке результата учитываются публично заявленные требования. Кроме того, в работе не ставится задачи измерения влияния движения в защиту культурного наследия в целом.

Выбор случаев базировался на следующих принципах. Во-первых, конфликт должен быть завершен либо заморожен (после вмешательства инициативной группы более года не предпринимается действий по демонтажу/строительству). Во-вторых, в конфликтных взаимодействиях должна присутствовать инициативная группа, публично выдвигающая требования к органам власти, формально ответственным за сохранение культурного наследия. Кроме того, в анализ мы не включали случаи, где отсутствовали общественные кампании. В-третьих, случаи должны были быть связаны с защитой конкретных исторических объектов. В качестве единиц сравнительного анализа рассматривались случаи конфликтного взаимодействия негосударственных и властных акторов вокруг исторических объектов.

В статье анализировались 52 случая гражданского участия при защите исторических объектов. Из них 34 случая произошли в Санкт-Петербурге в период с 2009 до 2024 г., 7 в Великом Новгороде в период с 2002 до 2024 г. и 11 в Пскове с 2002 до 2022 г. Для каждого города отдельно было проведено по два качественных сравнительных анализа (для успешных и неудачных случаев). Для проведения QCA использовалось программное обеспечение Tosmana. Важно подчеркнуть, что качественный сравнительный анализ ориентирован на использование генеральной совокупности всех случаев. Поэтому мы старались выявить как можно больше случаев, соответствующих изложенным выше критериям. Однако мы признаем, что некоторые случаи могли остаться незамеченными.

Хронологические рамки обусловлены следующим. Во-первых, в 2002 г. вступил в силу Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (от 25.06.2002 № 73), который заменил устаревшее советское законодательство и установил принципиально новую систему государственной охраны культурного наследия. Закон гарантировал сохранность объектов культурного наследия, регламентировал порядок их выявления и постановки на учет, а также определил правила их использования, сохранения и государственной охраны. Важным нововведением стало создание Единого государственного реестра объектов культурного наследия. Принятие этого закона позволило защитникам наследия активно бороться в рамках правового поля, оспаривая нарушения законодательства и действия (бездействие) властей, формально ответственных за сохранение наследия. Во-вторых, в 2009 г. вступил в силу уникальный для России региональный закон «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (от 19.01.2009 № 820-7), который направлен на целостное сохранение исторической застройки и планировки города. Согласно закону, историческая территория города делится на охранные зоны и зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности, где возможность сноса исторических зданий / нового строительства запрещена или ограничена. В настоящее время под защитой этого закона находится около 14 тысяч исторических зданий, не являющихся объектами культурного наследия. Таким образом, с 2009 г. в Санкт-Петербурге сформировались новые и специфические правила, регулирующие градостроительную сферу, а активисты получили дополнительные возможности для борьбы.

Исследование опирается на материалы 25 полуструктурированных интервью с активистами и экспертами, участвовавшими в защите исто-

рических объектов (Санкт-Петербург N=15; Великий Новгород N=7; Псков N=3), а также публикации в СМИ (более 500) и градозащитных сообществах в социальных сетях.

Случаи выявлялись нами в процессе изучения эмпирических данных. Затем производилась реконструкция конфликтов, в ходе которой определялись причины конфликта, участники, результаты, а также наличие или отсутствие условий, описанных выше. Результатом стало создание таблиц, в которых отмечалось наличие или отсутствие условий и исход конфликтов.

При выборе городов мы руководствовались стратегией «наибольшего различия», согласно которой для сравнительного изучения отбираются случаи, относящиеся к качественно разным типам (Anckar 2020: 33–48). Основаниями для выделения таких типов стали следующие характеристики: 1) величина городов; 2) активность девелоперов в исторических центрах городов; 3) развитость общественных объединений в защиту культурного наследия. В то же время требовались следующие сходства: 1) высокая концентрация типологически разных исторических объектов; 2) наличие случаев защиты исторических объектов с разными исходами (не менее пяти случаев). Мы считаем, что использование стратегии «наибольшего различия» позволяет делать более надежные обобщения из-за различий в контексте и выявлять схожие паттерны в гражданском участии. Другими словами, наиболее важные условия, влияющие на результаты гражданского участия, будут присутствовать в разных контекстах. Санкт-Петербург, с одной стороны, и Псков с Великим Новгородом — с другой, демонстрируют разные контексты, в которых происходят случаи защиты исторических объектов.

Санкт-Петербург — это мегаполис и город федерального значения, в котором к концу XX в. сохранялась основная часть исторической застройки. Общественное движение в защиту культурного наследия в Санкт-Петербурге исторически было наиболее развитым и многочисленным по сравнению с другими российскими городами (Гладарев 2011). С конца 1990 — начала 2000-х годов исторический центр города испытывает серьезное давление со стороны крупного строительного бизнеса, что сопровождается регулярным сносом исторической застройки.

Псков и Великий Новгород являются сравнительно небольшими региональными центрами со схожим по численности населением. В первой половине XX в. эти города утратили значительную часть рядовой исторической застройки, однако сохранили относительно большое количество средневековой архитектуры и памятников археологии. Наличие обширного археологического культурного слоя оказывает существенное влияние

на регулирование застройки исторических центров Пскова и Великого Новгорода. В силу своего социально-экономического и географического положения Псков и Великий Новгород менее привлекательны для крупных девелоперских проектов, чем Санкт-Петербург и иные быстро развивающиеся мегаполисы. Вследствие этого для Пскова и Великого Новгорода менее характерны конфликты из-за разрушения исторических объектов для последующей застройки территории. Общественные организации по охране культурного наследия в Пскове и Великом Новгороде сравнительно малочисленны, а неформальные низовые инициативы не получили особого распространения.

Эмпирический анализ случаев гражданского участия

При проведении QCA мы ожидаем, что следующие девять условий могут оказывать влияние на результаты гражданского участия при защите исторических объектов. Первые шесть условий мы относим к структуре политических возможностей (условия, являющиеся внешними по отношению к защитникам наследия). Еще три связываем с деятельностью защитников наследия.

A. Относительная открытость или закрытость политической системы, которая выражается в готовности руководителей органов власти вести диалог с гражданами посредством консультативно-совещательных органов (КСО) или рабочих групп. Предполагается, что обсуждение проблемы между властями и защитниками наследия может способствовать успеху последних (значение «1»). Значение «0» означает, что обсуждение проблемы не проводилось.

B. Присутствие коалиции власти и бизнеса означает, что власть выступает на стороне девелопера. Мы фиксировали наличие коалиций в тех случаях, когда органы власти и руководители ведомств демонстрировали активную поддержку девелопера в публичных заявлениях, судебных процессах, при проведении общественных слушаний, а также нарушали законодательство при выдаче разрешений на снос и(или) строительство объектов (значение «0»). Кроме того, значение «0» ставилось в тех случаях, когда защитники наследия выступали против проектов, инициированных властями. В тех случаях, когда мы не фиксировали явной поддержки девелопера со стороны властей, ставилось значение «1». Важно отметить, что власти могут как открыто выступать на стороне застройщиков, так и избегать публичной демонстрации связей с ними. Во втором случае выявление коалиций между властями и бизнесом становится сложной, а иногда и невыполнимой задачей. При этом стоит учитывать, что в дискурсе акторов могут конструироваться

воображаемые коалиции при действительном отсутствии таковых (Тыканова, Хохлова 2015).

C. Влиятельность и ресурсы оппонентов защитников наследия, которыми чаще всего являются бизнес-структуры. Предполагается, что если оппонентом является крупная по региональным меркам компания, то это существенно снижает вероятность успеха защитников наследия (значение «0»). Если инициативная группа противостоит иным бизнес-структурам, то ставится значение «1».

D. Вмешательство в конфликт влиятельных федеральных акторов, заявляющих о необходимости сохранения наследия (руководители федеральных государственных структур, научно-методические советы при федеральных органах исполнительной власти, академические структуры РАН). При наличии вмешательства указывалось значение «1». При отсутствии вмешательства ставилось значение «0».

E. Охранный статус исторического объекта. При наличии охранного статуса ставилось значение «1», а при отсутствии — «0».

F. Наличие или отсутствие союзников защитников наследия в региональных элитах (союзники внутри политической системы). Если представители региональных элит публично выступают за сохранение исторического объекта и(или) в поддержку инициативной группы, то ставится значение «1». В иных случаях ставится значение «0».

G. Общественный резонанс, рассматриваемый через частоту упоминаний конфликта в местных и региональных СМИ, блогах и социальных сетях, а также оценок участников конфликта. Наличие резонанса оценивалось как «1», а отсутствие — как «0».

H. Коалиционность и слаженность действий защитников наследия. Наличие коалиции в защиту исторического объекта, состоящей из гражданских активистов, местных жителей, экспертов, политиков, журналистов и иных акторов, которая имеет ресурсы и возможности для длительной борьбы. Наличие координации и согласованности в действиях коалиции. Наличие условия отмечалось как «1», а отсутствие — как «0».

I. Протестные акции (митинги, демонстрации, шествия, народные сходы). Наличие протестных акций отмечалось как «1», а отсутствие — как «0».

Как уже было сказано, в литературе описано множество условий, способных влиять на результативность гражданского участия. Кроме этого, акторы могут самостоятельно конструировать и переосмысливать результаты и условия, что требует дополнительного изучения (Тыканова, Хохлова 2020). Тем не менее для проведения качественного сравнительного анализа были отобраны лишь наиболее часто упоминаемые условия во избежание перегрузки аналитической модели.

Отметим, что в литературе о городских конфликтах в качестве условия иногда фигурирует победа активистов в судебном процессе. Однако включение данного условия в качественный сравнительный анализ оказалось проблематичным по той причине, что во многих случаях защитники наследия не подавали судебных исков. Попытка применения качественного сравнительного анализа с переменной «победа защитников наследия в судебном процессе», где во многих случаях отсутствуют значения «0» (проигрыш) или «1» (выигрыш), привела бы к ошибке в расчетах и невозможности проведения минимизации в программном обеспечении Tosmana. Кроме того, в процессе сбора данных было выявлено, что в Пскове защитникам наследия не удалось победить ни в одном из трех судебных процессов (при 11 конфликтах). В Великом Новгороде защитники наследия лишь в одном из семи случаев подавали иск в суд. Причем, добившись победы в суде первой инстанции, защитники наследия не смогли добиться успеха в конфликте, поскольку их влиятельный оппонент смог оспорить решение суда и находился в коалиции с региональными властями.

После сбора данных был сформирован каталог случаев, включавший в себя информацию о причинах конфликтов, сроках, динамике, акторах, исходах и условиях. Далее были созданы таблицы истинности с исходом «достижение минимальных требований защитников наследия», где значение «1» означает наличие исхода (включение членства в множество) и «0» означает отсутствие исхода (исключение членства из множества).

Анализ случаев из Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге для анализа было взято 34 случая (табл. 1).

Таблица 1

Случаи из Санкт-Петербурга

№	Название случая	Краткое название	Исход
1	Дом Юргенса	YURG	Успех
2	Дом Крутикова	KRUT	Успех
3	Блокадная подстанция	BPOD	Успех
4	Нарвская застава	NARZ	Успех
5	Дома на Тележной	TELZ	Успех
6	Конюшенное ведомство	KONV	Успех
7	Аракчеевские казармы	ARAK	Успех
8	Дом Рыжкина	RYZH	Успех
9	Дом Забелиной	ZABL	Успех
10	Дом Абазы	ABAZ	Успех

Окончание табл. 1

№	Название случая	Краткое название	Исход
11	Дом Сабаевых-Замятиных	SABA	Успех
12	Особняк Салтыковой	SALT	Успех
13	Дом Шагина (Зыкова). Эпизод 1.	SHA1	Успех
14	Дом Шагина (Зыкова). Эпизод 2.	SHA2	Успех
15	Дом Изотова	IZOT	Успех
16	Здание станции Горская	GORS	Успех
17	Здания на Бакунина	BAKU	Успех
18	Здание бумажной фабрики	BUMF	Успех
19	Никольский рынок	NIKL	Успех
20	Особняк Назимова	NAZM	Успех
21	Корпус императорского стеклянного завода	STKL	Успех
22	Дорога в парке Александрино	ALEX	Успех
23	Башня Охта-центра	OHT1	Успех
24	Литературный дом	LITD	Провал
25	Здание на Ремесленной	REMS	Провал
26	Комплекс зданий завода «Бавария»	BAVA	Провал
27	Памятники археологии Охтинского мыса	OHT2	Провал
28	Дом Рогова	ROGV	Провал
29	Флигель дома Устинова	USTV	Провал
30	Корпуса торговых бань Екимовой	EKIM	Провал
31	Манеж лейб-гвардии Финляндского полка	FINL	Провал
32	Дом Басевича	BASE	Провал
33	Дом в Дегтярном переулке	DEGT	Провал
34	Пакгауз Варшавского вокзала	VARS	Провал

Была создана таблица истинности, в которой фиксировалось наличие или отсутствие каждого из условий в каждом конкретном случае (табл. 2).

В таблице 2 можно увидеть, что два случая (NIKL, ROGV) являются логически противоречивыми (contradictions) и в исходе отмечены как «С». Согласно логике качественного сравнительного анализа, оба этих случая должны были иметь положительный исход для защитников наследия. Однако в случае с Домом Рогова (ROGV) на исход повлияло решение девелопера незаконно снести здание в летний воскресный день, когда губернатор и председатель органа охраны памятников отсутствовали

Таблица 2

Таблица истинности для случаев из Санкт-Петербурга

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	**I**	**OUTCOME**
OHT2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
DEGT	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
EKIM	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
BASE	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0
USTV	0	0	0	1	0	0	1	1	1	0
OHT1	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1
FINL	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0
ALEX	0	0	1	0	1	1	1	1	1	1
NARZ	0	0	1	1	0	1	1	1	1	1
SALT, SHA2	0	0	1	1	1	0	1	1	0	1
NIKL(1), ROGV(0)	1	0	1	1	1	1	1	1	1	C
GORS	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1
STKL	0	1	1	0	1	0	0	1	0	1
BAKU, BUMF	0	1	1	0	1	0	1	1	0	1
NAZM	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1
RYZH	0	1	1	1	1	0	0	1	0	1
REMS	1	0	0	0	1	1	1	1	0	0
LITD	1	0	0	1	1	1	1	1	1	0
BAVA	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0
BPOD	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1
VARS	1	1	1	0	0	0	1	0	1	0
ZABL	1	1	1	0	0	0	1	1	0	1
ARAK	1	1	1	0	0	0	1	1	1	1
SHA1	1	1	1	0	0	1	0	1	0	1
SABA	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1
KRUT, TELZ	1	1	1	0	1	0	1	1	0	1
YURG, IZOT	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1

в городе. В последний рабочий день перед выходными заместитель председателя органа охраны памятников фактически лишил здание государственной охраны, а в воскресенье произошел снос. Несмотря на многолетнюю борьбу, когда здание уже получило предварительные меры защиты, в последний момент негативную роль сыграла готовность девелопера идти на нарушение закона и наличие чиновника, содействовавшего девелоперу. Некоторое время спустя этот чиновник ушел в отставку, а девелопер был оштрафован. Если бы здание не было снесено в те дни,

то, с большой вероятностью, зданию был бы присвоен статус объекта культурного наследия. Мы предполагаем, что параллельно велись переговоры между властями и застройщиком, с одной стороны, и между властями и защитниками наследия — с другой, в ходе которых власти давали сторонам конфликта разные обещания. Весьма вероятно также, что существовали проблемы с координацией действий внутри органов власти. Этот случай демонстрирует тот факт, что даже при наличии комбинации условий, которая должна была привести защитников наследия к успеху, может произойти трудно прогнозируемое событие, способное полностью изменить исход.

Далее были определены минимальные импликанты (prime implicants), представляющие собой минимальные комбинации условий, достаточные для результата (табл. 3).

Таблица 3

Минимальные импликанты для исходов «1»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
A{0}*B{1}	RYZH GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	6
A{0}*E{1}	RYZH SALT, SHA2 BAKU, BUMF NAZM STKL OHT1 ALEX	9
A{0}*F{1}	NARZ NAZM OHT1 ALEX	4
B{1}*C{0}	BPOD GORS	2
B{1}*D{1}	BPOD RYZH ABAZ	3
B{1}*E{1}	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV RYZH ABAZ SABA BAKU, BUMF NAZM STKL	12
B{1}*F{1}	YURG, IZOT BPOD KONV ABAZ SHA1 NAZM	7
B{1}*G{0}	RYZH SHA1 GORS STKL	4
B{1}*H{1}	YURG, IZOT KRUT, TELZ BPOD KONV ARAK RYZH ZABL ABAZ SHA1 GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	16
B{1}*I{0}	YURG, IZOT KRUT, TELZ RYZH ZABL ABAZ SABA SHA1 GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	14
C{1}*D{1}	NARZ RYZH ABAZ SALT, SHA2 NIKL, ROGV	7
C{1}*F{1}	YURG, IZOT NARZ KONV ABAZ SHA1 NIKL, ROGV NAZM ALEX	10
D{1}*G{0}	RYZH	1
E{0}*F{1}	BPOD NARZ SHA1	3

Окончание табл. 3

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
F{1}*G{0}	SHA1	1
G{0}*H{1}	RYZH SHA1 GORS STKL	4
A{0}*C{1}*G{0}	RYZH STKL	2
A{0}*C{1}*I{1}	NARZ ALEX	2
A{0}*D{0}*I{1}	ALEX	1
A{1}*C{0}*E{0}	BPOD	1
A{1}*C{1}*H{1}	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV ARAK ZABL ABAZ SHA1 NIKL, ROGV	11
A{1}*D{1}*E{0}	BPOD	1
A{1}*D{1}*I{0}	ABAZ	1
A{1}*E{0}*G{0}	SHA1	1
A{1}*E{0}*H{1}	BPOD ARAK ZABL SHA1	4
A{1}*E{0}*I{0}	ZABL SHA1	2
A{1}*F{0}*H{1}	KRUT, TELZ ARAK ZABL	4
B{0}*C{1}*I{1}	NARZ NIKL, ROGV ALEX	4
B{0}*D{0}*I{1}	ALEX	1
C{1}*E{0}*G{0}	SHA1	1
C{1}*E{1}*G{1}	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV ABAZ SABA SALT, SHA2 BAKU, BUMF NIKL, ROGV NAZM ALEX	15
C{1}*E{1}*H{1}	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV RYZH ABAZ SALT, SHA2 BAKU, BUMF NIKL, ROGV NAZM STKL ALEX	16
C{1}*E{1}*I{1}	KONV NIKL, ROGV ALEX	4
C{1}*H{1}*I{1}	NARZ KONV ARAK NIKL, ROGV ALEX	6
D{0}*E{1}*I{1}	KONV ALEX	2
D{0}*F{1}*I{1}	KONV ALEX	2
D{0}*H{1}*I{1}	KONV ARAK ALEX	3
D{1}*E{1}*F{0}	RYZH SALT, SHA2	3
D{1}*E{1}*I{0}	RYZH ABAZ SALT, SHA2	4
D{1}*F{1}*I{0}	ABAZ	1
E{1}*F{0}*G{1}	KRUT, TELZ SABA SALT, SHA2 BAKU, BUMF	7
E{1}*F{0}*H{1}	KRUT, TELZ RYZH SALT, SHA2 BAKU, BUMF STKL	8
E{1}*G{1}*H{0}	SABA	1
A{1}*B{0}*C{1}*G{1}	NIKL, ROGV	2

A{1}*C{1}*G{1}*I{0}	YURG, IZOT KRUT, TELZ ZABL ABAZ SABA	7
A{1}*F{0}*G{1}*I{0}	KRUT, TELZ ZABL SABA	4
A{1}*G{1}*H{0}*I{0}	SABA	1
C{1}*G{1}*H{0}*I{0}	SABA	1

После этого для поиска простейших логических выражений была проведена логическая минимизация. Она показала, что ни одно из девяти условий не является необходимым (обязательным) для достижения целей защитников наследия. Два логически противоречивых случая были исключены из минимизации.

В результате получены следующие формулы:

A{0}F{1} + B{1}H{1} + C{1}E{1}G{1},
а также **A{0}F{1} + B{1}H{1} + E{1}F{0}G{1}**.

В данных формулах символ «*» означает логическое И, символ «+» означает логическое ИЛИ, а символ «=>» означает причинно-следственную связь. Значение «{1}» обозначает включение членства в множество (наличие условия). Данную формулу также можно выразить с принадлежностью случаев (табл. 4). Каждая из формул позволяет объяснить определенный набор случаев. При этом нет универсальной формулы, способной объяснить сразу все случаи.

Таблица 4

Результаты логической минимизации таблицы истинности для исхода «1»

A{0}*F{1} +	**B{1}*H{1} +**	**C{1}*E{1}*G{1} => 1**
(NARZ+NAZM+ OHT1+ALEX)	(YURG,IZOT+KRUT,TELZ+ BPOD+KONV+ARAK+RYZH+ ZABL+ABAZ+SHA1+GORS+ BAKU,BUMF+NAZM+STKL)	(YURG,IZOT+KRUT,TE LZ+KONV+ABAZ+SAB A+SALT,SHA2+BAKU,B UMF+NAZM+ALEX)
A{0}*F{1} +	**B{1}*H{1} +**	**E{1}*F{0}*G{1} => 1**
(NARZ+NAZM+ OHT1+ALEX)	(YURG,IZOT+KRUT,TELZ+ BPOD+ KONV+ARAK+RYZH+ ZABL+ ABAZ+SHA1+GORS+ BAKU,BUMF+ NAZM+STKL)	(KRUT,TELZ+SABA+SA LT,SHA2+BAKU,BUMF)

Каждая из полученных формул состоит из трех частей. Каждая из этих частей по отдельности может приводить к одному и тому же результату (эквифинальность). Две первые части формул являются одинаковыми, что свидетельствует об их особой значимости. Отличие имеют последние части формул.

Согласно первой части формул, успех защитников наследия объясняется наличием союзников в региональных элитах (**F{1}**), даже если конфликт не обсуждался в рамках КСО или рабочих групп (**A{0}**). Несмотря на то что не была подтверждена значимость обсуждения проблемы в рамках КСО или рабочих групп, необходимо сказать, что в некоторых случаях, например в конфликте вокруг Блокадной подстанции и Конюшенного ведомства, именно КСО принимал решения, обеспечивающие защиту этих объектов.

Вторая часть формул демонстрирует особую важность отсутствия коалиций власти и бизнеса (**B{1}**), а также коалиционности и слаженности действий защитников наследия (**H{1}**). На наш взгляд, это может свидетельствовать о существовании иерархии условий, когда агентские условия приобретают значимость в рамках благоприятного или неблагоприятного контекста. То есть не только структура политических возможностей имеет значение, хотя она играет первостепенную роль.

Третья часть первой формулы (**C{1}E{1}G{1}**) показывает важность отсутствия влиятельных оппонентов защитников наследия, наличие охранного статуса у исторического объекта, а также общественный резонанс. Эта комбинация условий тоже демонстрирует связь действий активистов со структурой политических возможностей. Однако следует отметить, что возможность создания общественного резонанса во многом зависит от наличия СМИ, готовых озвучивать проблему, а также от ценности самого исторического объекта для местных жителей. Так, во втором конфликте активистов с «Газпромом» по поводу застройки Охтинского мыса, начавшемся в 2020 г., большинство СМИ не стали озвучивать проблему. Горожане также не особенно интересовались угрозой утраты археологических памятников, скрытых под землей. В то же время в случае с конфликтом вокруг проекта строительства небоскреба на том же месте в конце 2000-х годов на сторону активистов встали тысячи жителей города и многие СМИ.

Третья часть второй формулы (**E{1}F{0}G{1}**) показывает, что для успеха защитников наследия может быть достаточно наличия у объекта охранного статуса и общественного резонанса, даже при отсутствии союзников в региональных элитах. Отметим, что в пяти из семи объясняемых этой комбинацией случаев отсутствовали коалиции власти и бизнеса. В двух случаях (SALT, SHA2) имелись коалиции власти и девелоперов,

но на стороне защитников наследия выступил глава Следственного комитета РФ, который лично приехал на место конфликта. Поэтому здесь можно говорить о вмешательстве представителей федеральных элит. Кроме того, отметим, что во многих случаях в минимальных импликантах содержится указание на важность вмешательства федеральных акторов на стороне защитников наследия (B{1}D{1} и C{1}D{1}).

Для уточнения результатов проведен качественный сравнительный анализ на предмет условий, препятствующих достижению целей защитников наследия. Сначала были определены минимальные импликанты (табл. 5).

Таблица 5

Минимальные импликанты для исходов «0»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
A{0}*H{0}	OHT2 DEGT	2
A{1}*B{0}	NIKL, ROGV LITD REMS BAVA	5
B{0}*G{0}	BAVA OHT2	2
B{0}*H{0}	BAVA OHT2 DEGT	3
C{0}*H{0}	OHT2 DEGT	2
E{0}*H{0}	OHT2 DEGT VARS	3
G{0}*H{0}	BAVA OHT2	2
H{0}*I{1}	VARS	1
A{0}*F{0}*I{1}	USTV	1
A{1}*C{0}*D{0}	REMS	1
A{1}*C{0}*E{1}	LITD REMS	2
A{1}*C{0}*I{0}	REMS	1
A{1}*E{1}*G{0}	BAVA	1
A{1}*F{0}*G{0}	BAVA	1
B{0}*C{0}*D{0}	REMS OHT2 EKIM DEGT	4
B{0}*C{0}*E{0}	OHT2 USTV EKIM BASE DEGT	5
B{0}*C{0}*F{0}	OHT2 USTV EKIM BASE DEGT	5
B{0}*C{0}*I{0}	REMS OHT2 EKIM BASE DEGT	5
B{0}*D{0}*E{0}	OHT2 EKIM FINL DEGT	4
B{0}*D{0}*F{0}	BAVA OHT2 EKIM FINL DEGT	5
B{0}*D{0}*I{0}	REMS BAVA OHT2 EKIM FINL DEGT	6
B{0}*E{0}*F{0}	OHT2 USTV EKIM FINL BASE DEGT	6
B{0}*E{0}*I{0}	OHT2 EKIM FINL BASE DEGT	5
B{0}*F{0}*I{1}	USTV	1
B{0}*F{1}*I{0}	REMS	1

Окончание табл. 5

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
C{0}*D{0}*E{1}	REMS	1
C{0}*D{0}*F{1}	REMS	1
C{0}*D{0}*G{1}	REMS EKIM DEGT	3
C{0}*D{1}*F{0}	USTV BASE	2
C{0}*D{1}*I{0}	BASE	1
C{0}*E{1}*I{0}	REMS	1
C{0}*F{0}*G{1}	USTV EKIM BASE DEGT	4
C{0}*F{0}*I{1}	USTV	1
C{0}*F{1}*I{0}	REMS	1
C{0}*G{1}*I{0}	REMS EKIM BASE DEGT	4
D{1}*E{0}*F{0}	USTV BASE	2
D{1}*E{0}*I{0}	BASE	1
D{1}*F{0}*I{1}	USTV	3
A{0}*C{0}*D{1}*E{0}	USTV BASE	2
A{0}*C{0}*E{0}*G{1}	USTV EKIM BASE DEGT	4
A{0}*C{0}*E{0}*I{1}	USTV	1
A{0}*C{1}*D{0}*E{0}	FINL	1
A{0}*C{1}*E{0}*F{0}	FINL	1
A{0}*C{1}*E{0}*I{0}	FINL	1
A{0}*D{0}*E{0}*G{1}	EKIM FINL DEGT	3
A{0}*E{0}*F{0}*G{1}	USTV EKIM FINL BASE DEGT	5
A{0}*E{0}*G{1}*I{0}	EKIM FINL BASE DEGT	4
A{1}*C{1}*D{1}*I{1}	NIKL, ROGV	2
A{1}*D{1}*E{1}*I{1}	NIKL, ROGV LITD	3
C{1}*D{1}*E{1}*I{1}	NIKL, ROGV	2
B{0}*C{1}*D{1}*E{1}*F{1}	NIKL, ROGV	2

После этого для поиска простейших логических выражений проведена логическая минимизация. В результате получены три формулы (табл. 6).

Все три формулы состоят из трех частей. Первая часть формул везде одинаковая (**A{1}B{0}**). Она показывает, что наличие коалиций власти и бизнеса ведет к поражению защитников наследия, даже если проблема поднималась на заседаниях КСО или рабочих групп с участием защитников наследия.

Вторая часть формул в двух случаях одинаковая (**E{0}H{0}**). Согласно ей, защитники наследия терпят поражение, когда исторический объект

Таблица 6

Результаты логической минимизации таблицы истинности для исхода «0»

A{1}B{0} +	**E{0}H{0} +**	**B{0}E{0}F{0} => 0**
LITD+REMS+BAVA	OHT2+DEGT+VARS	OHT2+USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT
A{1}B{0} +	**E{0}H{0} +**	**A{0}E{0}F{0}G{1} =>** 0
LITD+REMS+BAVA	OHT2+DEGT+VARS	USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT
A{1}B{0} +	**H{0}I{1} +**	**B{0}E{0}F{0} => 0**
LITD+REMS+BAVA	VARS	OHT2+USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT

не имеет охранного статуса, а также когда нет коалиции в защиту объекта и согласованности действий активистов. Во второй части третьей формулы (**H{0}I{1}**) мы видим случай, когда отсутствие согласованности действий внутри коалиции и недостаточно обдуманные протестные акции части активистов привели к неудаче. В третьей части формул в двух комбинациях (**B{0}E{0}F{0}**) к поражению защитников наследия привели наличие коалиции власти и бизнеса, отсутствие охранного статуса объекта, а также отсутствие союзников в региональных элитах. Другая комбинация показывает (**A{0}E{0}F{0}G{1}**), что к провалу привели отсутствие взаимодействия защитников наследия и власти в рамках КСО или рабочих групп, отсутствие охранного статуса у объекта и отсутствие союзников в региональных элитах. При этом не помогло наличие общественного резонанса.

Анализ случаев из Пскова

Далее по той же схеме были рассмотрены случаи гражданского участия в Пскове и окрестностях. Выборка составила 11 случаев, представленных в таблице 7.

Таблица 7

Случаи защиты исторических объектов в Пскове

№	**Название случая**	**Краткое название**	**Исход**
1	Дом у Покровской башни	POKR	Провал
2	Высотка на ул. Ижорского батальона	IZHB	Провал
3	Золотая набережная	ZNAB	Провал
4	Новый торг Пскова	NOVT	Провал
5	Инсталляция «Россия начинается здесь»	ROSN	Провал
6	Реконструкция набережной реки Великая	NABV	Успех
7	Снетогорский монастырь	SNTG	Успех

Окончание табл. 7

№	Название случая	Краткое название	Исход
8	Выбуты	VYBT	Успех
9	Церковь Успения в Мелетово	MELT	Успех
10	Дом управляющего Штейна	SHTN	Успех
11	Часовня Святой Анастасии	ANAS	Успех

Сформирована таблица истинности (табл. 8) и выявлены минимальные импликанты для успешных исходов (табл. 9).

Таблица 8

Таблица истинности для случаев из Пскова

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	I	OUTCOME
POKR	1	0	1	0	1	0	1	1	0	0
IZHB	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0
ZNAB	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
NOVT	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0
ROSN	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0
NABV	1	1	1	0	0	1	1	1	0	1
SNTG	0	1	1	0	1	0	1	1	0	1
VYBT	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1
MELT	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1
SHTN	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1
ANAS	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1

Таблица 9

Минимальные импликанты для исходов «1»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
B{1}	SNTG VYBT NABV MELT, ANAS SHTN	6
E{0}	NABV	1
F{1}	VYBT NABV MELT, ANAS	4
A{0}*H{1}	SNTG	1
A{1}*D{1}	MELT, ANAS	2
D{1}*G{1}	MELT, ANAS	2
D{1}*H{1}	MELT, ANAS	2
A{0}*C{1}*G{1}	SNTG	1

Логическая минимизация таблицы истинности продемонстрировала лишь один путь, ведущий к достижению цели защитников наследия, —

отсутствие коалиции власти и бизнеса **B{1}**, покрывающий все шесть случаев с исходом «1». При этом обратим внимание на то, что хотя в результате логической минимизации в формуле осталось лишь условие B{1}, в четырех из шести успешных случаев имелось условие F{1}. Это говорит о важности наличия у активистов союзников в региональных элитах. Затем выявлены минимальные импликанты для случаев, закончившихся поражением защитников наследия (табл. 10).

Таблица 10

Минимальные импликанты для исходов «0»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
B{0}	POKR IZHB ZNAB ROSN NOVT	5
C{0}	ZNAB	1
G{0}	ROSN NOVT	2
A{0} * D{1}	NOVT	1
A{0} * H{0}	ZNAB ROSN NOVT	3
D{1} * F{0}	NOVT	1
D{1} * H{0}	NOVT	1
A{1} * F{0} * H{1}	POKR	1

После этого была проведена логическая минимизация для исходов «0», которая показала, что к поражению защитников наследия ведет наличие коалиции власти и бизнеса **B{0}**, что покрывает все пять случаев неудач. Также существенное влияние оказывает наличие союзников в региональных элитах. Если органы власти поддерживают девелопера, в том числе идут на нарушения законодательства при выдаче разрешений на строительство (POKR, IZHB), то защитники наследия не могут этому противостоять. В одном из случаев (ROSN) в качестве оппонентов активистов выступали исключительно местные и региональные власти, нашедшие возможность обойти формальные требования законодательства и реализовать проект.

Анализ случаев из Великого Новгорода

Следующими анализировались случаи из Великого Новгорода. Для этого было отобрано семь случаев (табл. 11).

Таблица 11

Случаи защиты исторических объектов в Великом Новгороде

№	Название случая	Краткое название	Исход
1	Троицкий раскоп	TROI	Успех
2	Историко-культурный ландшафт Юрьева монастыря	YURV	Успех

Окончание табл. 11

№	Название случая	Краткое название	Исход
3	Спас на Нередице	NERD	Успех
4	Строительство на плитах поверх культурного слоя	PLIT	Успех
5	Историко-культурный ландшафт Хутынского монастыря	HUTM	Провал
6	Дом Передольского	PERD	Провал
7	Баня на Набережной	BANN	Провал

После изучения этих случаев сформирована таблица истинности (табл. 12), выявлены минимальные импликанты (табл. 13), а затем проведена логическая минимизация таблицы истинности.

Таблица 12

Таблица истинности для случаев из Великого Новгорода

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	I	OUTCOMES
HUTM	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
NERD	0	1	1	0	1	0	0	0	0	1
TROI	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1
PERD	1	0	0	0	1	0	1	1	0	0
YURV	1	0	1	1	1	1	1	1	0	1
BANN	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0
PLIT	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1

Таблица 13

Минимальные импликанты для исходов «1» в Великом Новгороде

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
D{1}	YURV PLIT	2
F{1}	TROI YURV	2
A{0} * B{1}	TROI NERD	2
A{0} * E{1}	TROI NERD	2
A{0} * G{1}	TROI	1
A{0} * H{1}	TROI	1
B{1} * E{1}	TROI NERD PLIT	3
B{1} * G{1}	TROI	1
B{1} * H{1}	TROI PLIT	2
C{1} * E{1}	TROI YURV NERD PLIT	4
C{1} * G{1}	TROI YURV	2

Окончание табл. 13

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
C{1} * H{1}	TROI YURV PLIT	3
E{1} * G{0}	NERD PLIT	2
E{1} * H{0}	NERD	1
G{0} * H{1}	PLIT	1
A{1} * B{0} * C{1}	YURV	1

В результате выявлено, что достижению целей защитников наследия способствует комбинация условий **C{1}E{1} => 1**, покрывающая все четыре случая с исходом «1». Это значит, что в Великом Новгороде наиболее важными являются отсутствие влиятельного девелопера C{1} и наличие охранного статуса у исторического объекта E{1}. Кроме того, важную роль играет комбинация B{1}E{1}, которая объясняет три из четырех случаев успеха. Отсутствие коалиции власти и бизнеса, а также наличие охранного статуса способствуют успеху защитников наследия.

Сложнее обстоит дело с анализом случаев с исходом «0» ввиду их малочисленности. Нам удалось выявить минимальные импликанты (табл. 14), но не удалось провести минимизацию из-за нехватки данных.

Таблица 14

Минимальные импликанты для исходов «0» в Великом Новгороде

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
C{0}	PERD	1
E{0}	HUTM BANN	2
A{0} * B{0}	HUTM	1
A{1} * D{0}	PERD BANN	2
A{1} * H{0}	BANN	1
B{0} * D{0}	HUTM PERD	2
B{0} * F{0}	HUTM PERD	2
B{0} * G{0}	HUTM	1
B{0} * H{0}	HUTM	1
F{0} * G{1}	PERD	1
D{0} * F{0} * H{1}	PERD	1

Однако из таблицы 14 видно, что основная часть неудач объясняется отсутствием охранного статуса (E{0}), обсуждением проблемы на заседании КСО и отсутствием вмешательства федеральных акторов (A{1}D{0}), наличием коалиции власти и бизнеса и отсутствием вмешательства феде-

ральных акторов (B{0}D{0}), наличием коалиции власти и бизнеса и отсутствии союзников в региональных элитах (B{0}F{0}).

Противоречие с КСО связано с конфликтом вокруг здания 1937 года постройки (Баня № 1), которое было снесено собственником, после того как консультативно-совещательный орган при Инспекции государственной охраны культурного наследия Новгородской области предложил признать сооружение объектом культурного наследия. При этом после сноса здания в 2019 г. собственник на этом месте так ничего и не построил. Несмотря на утрату здания, в защиту которого выступали общественные объединения, конфликт имел последствия. Так, мэр Великого Новгорода в эфире регионального телевидения выступил с инициативой составить список исторических объектов, которые, по мнению жителей, должны стать объектами культурного наследия. Отметим, что с того времени в городе не было публичных скандалов по поводу сноса исторических объектов.

Заключение

Исследование показало, что на результаты гражданского участия в защите исторических объектов влияют различные сочетания условий, включающие как структурные, так и агентские условия. Это может свидетельствовать о существовании иерархии условий, где при сочетании благоприятных комбинаций внешних условий и ряда агентских условий защитники наследия имеют более высокие шансы на успех. Однако отсутствие каких-либо действий активистов по защите исторического объекта или выбор неподходящей стратегии действий, скорее всего, приведет к утрате объекта независимо от контекста.

Полученные комбинации условий различаются в каждом из рассматриваемых городов. Набор случаев из Санкт-Петербурга демонстрирует наибольшее количество комбинаций. Наиболее значимыми условиями являются наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса, союзников в региональных элитах, коалиционности и слаженности действий защитников наследия, охранного статуса у объекта, а также общественного резонанса. Полученные комбинации можно объяснить сложностью городской политики, большим количеством акторов, неоднородностью самого движения за сохранение наследия, а также относительно большим количеством конфликтов вокруг исторических объектов.

Данные о случаях гражданского участия из Пскова указывают на то, что решающим является лишь одно условие — наличие или отсутствие коалиции власти и бизнеса. Если региональное и(или) городское руководство активно поддерживает реализацию девелоперского проекта,

то у защитников наследия не получается добиться успеха. Однако если власти займут нейтральную позицию или, что еще важнее, выступят против реализации проекта, то активисты могут добиться своих целей. Мы предполагаем, что такая ситуация возникла из-за низкого уровня гражданской активности, малочисленности и относительной слабости общественных объединений, что мешает защитникам наследия добиваться успеха в конфликтах против коалиций власти и бизнеса.

В Великом Новгороде наиболее важным сочетанием условий является наличие или отсутствие у защитников наследия влиятельного оппонента, а также правовой статус исторического объекта. Наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса также может объяснить многие случаи. На наш взгляд, сложившаяся комбинация условий объясняется тем, что в XX в. Великий Новгород утратил большую часть исторической застройки, а сохранившиеся сооружения в основном находятся под государственной охраной. По этой причине реализация девелоперских проектов сопряжена с необходимостью строгого соблюдения требований законодательства. Наличие большого количества археологических памятников также накладывает существенные ограничения. Однако влиятельные оппоненты могут вступать в коалиции с властями и пытаться обойти требования закона. Кроме того, некоторые случаи гражданского участия как в Великом Новгороде, так и в Пскове связаны с требованиями консервации и(или) реставрации ценных средневековых объектов. В подобных случаях важным условием является вмешательство федеральных акторов с целью оказать влияние на действия региональных властей.

Говоря о перспективах дальнейших исследований гражданского участия в сфере охраны культурного наследия, можно выделить несколько направлений. Так, представляется весьма перспективным изучение адаптации активистов к изменениям структуры политических возможностей. Кроме того, важен сравнительный анализ различий в действиях активистов в благоприятных и неблагоприятных внешних условиях.

Литература / References

Бедерсон В.Д., Желнина А.А., Запорожец О.Н., Минаева Э.Ю., Семенов А.В., Тыканова Е.В., Хохлова А.М., Чернышева Л.А., Шевцова И.К. (2021) *Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России*. СПб.: ФНИСЦ РАН.

Bederson V.D., Zhelnina A.A., Zaporozhets O.N., Minaeva E.Yu., Semenov A.V., Tykanova E.V., Khokhlova A.M., Chernyshova L.A., Shevtsova I.K. (2021) *The city of forking streets: trajectories of urban conflict development in Russia*. St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Гладарев Б. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. Хархордин О. (ред.) *От общественного к публичному*. СПб.: ЕУСПб: 71–304.

Gladarev B. (2011) Historical and cultural heritage of St. Petersburg: the birth of the public from the spirit of the city. In: O. Kharkhordin (ed.) *From the common to the public*. St. Petersburg: EUSP Press: 71–304 (in Russian).

Дука А.В. (2023) Политический режим и возможности протестной активности. *Актуальные проблемы Европы*, 3(119): 32–54.

Duka A.V. (2023) Political regime and opportunities for protest activity. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 3(119): 32–54 (in Russian).

Зверев А.А. (2016) «Мы наш, мы новый мир построим!» Факторы эволюции движения по охране памятников в Москве (1990–2015 гг.). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 12(1): 90–105.

Zverev A.A. (2016) "We will build our new world!" Factors of the evolution of the movement for the defense of monuments in Moscow (1990–2015). *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 12(1): 90–105 (in Russian).

Зверев А.А. (2017) Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 19(2): 118–129.

Zverev A.A. (2017) The political dimension of monuments protection in Russia: the case of Moscow movement Arhnadzor. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of RUDN University. Political science], 19 (2): 118–129 (in Russian).

Зуйкина А.С. (2017) Факторы успеха и «провала» в деятельности локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства (на примере города Перми). *История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация*. Пермь: Новопринт: 85–94.

Zuykina A.S. (2017) Factors of success and «failure» in the local communities activities in situations of urban space contestation (case of Perm). In: *The history of Perm urban self-government in the XVIII–XXI centuries: the genesis, development, transformation*. Perm: Novoprint: 85–94 (in Russian).

Семенов А.В. (2019) Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, (12): 29–37.

Semenov A.V. (2019) The roots of the grass: patterns of grassroots urban mobilization in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (12): 29–37 (in Russian).

Смолева Е.О. (2020) Практики гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды. *Society and security insights*, 3(1): 76–89.

Smoleva E.O. (2020) Practices of civic participation in the improvement and development of the urban environment. *Society and security insights*, 3(1): 76–89 (in Russian).

Тыканова Е.В. (2013) Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(3): 112–123.

Tykanova E.V. (2013) The influence of urban political regimes on the course of contesting urban space (the examples of St. Petersburg and Paris). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(3): 112–123 (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13(2): 241–256.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2015) Urban political regime in St. Petersburg: The role of real and imagined "growth machines" in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13(2): 241–256 (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2020) Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода). *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений*. Вологда: ВолНЦ РАН: 185–191.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2020) The social construction of the outcomes of local urban conflicts in the discourse of activists and experts (the case of Nizhny Novgorod). In: *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Vologda: VolRC RAS: 185–191 (in Russian).

Уханова Ю.В. (2020) Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 25–50.

Ukhanova Yu.V. (2020) The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological background of the research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 25–50 (in Russian).

Хохлова А.М. (2024) В поисках языка легитимации: фреймирование ценности оспариваемых городских объектов в Нижнем Новгороде. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 202–237.

Khokhlova A.M. (2024) In search of the language of legitimation: framing the value of contested city objects in Nizhny Novgorod. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 202–237 (in Russian).

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 223–238.

Chernysheva L.A., Khokhlova A.M. (2021) Creating value and authenticity: Urban conflicts around historical buildings. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19(2): 223–238 (in Russian).

Amenta E. (2014) How to analyze the influence of movements. *Contemporary sociology: A journal of reviews*, 43(1): 16–29.

Amenta E., Caren N., Chiarello E., Su Y. (2010) The political consequences of social movements. *Annual Review of Sociology*, 36(1): 287–307.

Amenta E., Caren N., Olasky S.J. (2005) Age for leisure? Political mediation and the impact of the pension movement on US old-age policy. *American sociological* review, 70(3): 516–538.

Amenta E., Young M.P. (1999) Making an impact: Conceptual and methodological implications of the collective goods criterion. In: Giugni M., McAdam D., Tilly C. (eds.) *How social movements matter*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 10: 22–41.

Anckar C. (2020) The most-similar and most-different systems design in comparative policy analysis. In: Peters B.G., Fontaine G. (eds.) *Handbook of Research Methods and Applications in Comparative Policy Analysis*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing: 33–48.

Applegate J.S. (1998) Beyond the usual suspects: The use of citizens advisory boards in environmental decisionmaking. *Indiana Law Journal*, 73(3): 903–957.

Argenbright R. (2016) *Moscow under construction: City building, place-based protest, and civil society*. Lanham, Maryland: Lexington Books.

Berg-Schlosser D., De Meur G., Ragin C., Rihoux B. (2009) Qualitative Comparative Analysis (QCA) As an Approach. In: B. Rihoux, C. Ragin (eds.) *Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. SAGE: 1–18.

Diani M. (1997) Social movements and social capital: a network perspective on movement outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*, 2(2): 129–147.

Dundua S., Karaia T., Tabatadze S. (2022) Tbilisi urban social movements: on the verge of success/failure. *European Journal of Transformation Studies*, 10(2): 21–39.

Gamson W.A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, Illinois: The Dorsey Press.

Giugni M. (2009) Political opportunities: from Tilly to Tilly. *Swiss Political Science Review*, *15*(2): 361–367.

Giugni M.G. (1998) Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements. *Annual review of sociology*, 24(1): 371–393.

Giugni M., McAdam D., Tilly C. (eds.) (1999) *How social movements matter. Volume 10*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Giugni M. (2007) Useless protest? A time-series analysis of the policy outcomes of ecology, antinuclear, and peace movements in the United States, 1977–1995. *Mobilization: An International Quarterly*, *12*(1): 53–77.

Hammami F., Uzer E. (eds.) (2022) *Theorizing Heritage through Non-Violent Resistance. Palgrave Studies in Cultural Heritage and Conflict*. Cham: Palgrave Macmillan.

Jasper J.M. (2010) Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. In: Klandermans B., Roggeband C. (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York: Springer: 59–101.

Jones T., Mozaffari A., Jasper J.M. (2017) Heritage contests: what can we learn from social movements? *Heritage & Society*, 10(1): 1–25.

Lebuhn H. (2015) Urban social movements between protest and participation. *RC21 International Conference on "The Ideal City: between myth and reality. Representations, policies, contradictions and challenges for tomorrow's urban life"*, Urbino (Italy), 27–29 August 2015.

Lee A.K.Y. (2016) Heritage conservation and advocacy coalitions: the state-society conflict in the case of the Enning Road redevelopment project in Guangzhou. *International Journal of Heritage Studie*s, 22(9): 729–747.

Li Z., Lin Y., Hooimeijer P., Monstadt J. (2024) Heritage conflict evolution: Changing framing strategies and opportunity structures in two heritage district redevelopment projects in China. *Geoforum*, *149*: 1–12.

Mayer M., Thörn C., Thörn H. (eds.) (2016) *Urban Uprisings: Challenging the Neoliberal City in Europe*. London: Palgrave Macmillan.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) (1996) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D., Sampson R., Weffer S., MacIndoe H. (2005) "There will be fighting in the streets": The distorting lens of social movement theory. *Mobilization: An International Quarterly*, *10*(1): 1–18.

Meskell L. (eds.) (2015) *Global Heritage: A Reader*. Chichester: Wiley Blackwell.

Mozaffari A., Jones T. (eds.) (2020) *Heritage movements in Asia: cultural heritage activism, politics, and identity*. New York: Berghahn Books.

Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.

Rihoux B., De Meur G. (2009) Crisp-set qualitative comparative analysis (csQCA). In: B. Rihoux, C. Ragin (eds.) *Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. SAGE: 34–35.

Roura-Expósito J. (2023) A rampant heritage? Problematising heritage activism through the Casa del Pumarejo social movement. *International Journal of Heritage Studies*, 29(3): 220–238.

Schneider C.Q., Wagemann C. (2012) *Set-theoretic methods for the social sciences: A guide to qualitative comparative analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith L. (2006) *Uses of Heritage*. London: Routledge.

Tilly C., Wood L.J. (2015) *Social Movements, 1768–2012*. New York: Routledge.

Uprety S., Shrestha B. (2021) Role of Heritage Activism in Post-Disaster Reconstruction. *Journal of Disaster Research*, 16(2): 194–200.

A FORMULA FOR VICTORY OR A RECIPE FOR FAILURE: WHAT DETERMINES THE EFFECTIVENESS OF CIVIC PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF HISTORICAL SITES IN RUSSIAN CITIES?

Kirill Shamshura (kirillshamshura@gmail.com)

HSE University — Saint Petersburg, Russia

Citation: Shamshura K. (2026) A formula for victory or a recipe for failure: What determines the effectiveness of civic participation in the protection of historical sites in Russian cities? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 170–204 (in Russian).
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.7 EDN: DIXEYY

Abstract. The article examines the conditions that influence the outcomes of civic participation in the protection of historical sites in Russian cities. It is based on the political opportunity structure theory, which suggests that structural conditions that shape the political opportunity structure have the greatest impact on the outcome of collective action. Drawing on the literature on social movements and urban conflicts, a set of nine conditions that can influence the outcomes of civic participation was formulated. Six conditions were classified as structural conditions. The other three conditions were classified as agency conditions. All conditions were tested through a qualitative comparative analysis of 52 cases of protecting historical sites from three cities — St. Petersburg, Veliky Novgorod and Pskov. Data on these cases were obtained from 25 interviews with activists and experts, publications in the media and activist communities on social networks. The analysis showed that different combinations of conditions influence the outcomes of civic participation, including those combining structural and agency conditions. A hierarchy of conditions was found in which structural conditions are more important, but agency conditions can also have a significant impact on outcomes. The most important structural conditions for activist success are: 1) the absence of a coalition between government and business; 2) the protected status of historical sites; 3) the presence of allies of the activists in the regional elites; 4) the absence of influential opponents. The most important agency condition is the ability of activists to form coalitions and maintain a high level of coordination of actions.

Keywords: activism, civic participation, urban conflicts, urban social movements, cultural heritage.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕРАВЕНСТВА

КЛАССОВО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕРАВЕНСТВА[1]

Олеся Дмитриевна Меркулова (olesya.merkulowa@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Цитирование: Меркулова О.Д. (2026) Классово-специфические модели воспитания детей как культурный механизм воспроизводства неравенства. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 29(2): 205–228.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.8 EDN: DJYKSZ

Аннотация. Один из важных сюжетов в исследованиях культурных механизмов неравенства — это классово-специфические модели воспитания детей, которые были зафиксированы еще с 1960-х годов: родители среднего класса ориентируются на личность ребенка, его саморазвитие и успешную социализацию в системе образования и высококвалифицированного рынка труда, родители рабочего класса — на иерархию и правила и ранний выход на рынок труда. Эти модели воспитания детей ведут к классово-специфическим различиям в самости человека, способах взаимодействия с собой и миром, построении отношений с другими людьми, уровню амбиций, различиям в интересах и мотивации. Представлен обзор исследований классово-специфических моделей воспитания детей и теоретических концепций, объясняющих эти различия, рассматривается культурно-исторический контекст возникновения различных моделей воспитания детей. Анализируется вклад этих различий в воспроизводство неравенства. Показывается российский контекст культурных различий в воспитании детей, связанный с поколенческим разрывом.

Ключевые слова: неравенство, классово-специфические модели воспитания детей, культурные механизмы неравенства, интенсивное родительство, согласованное развитие, естественный рост.

Введение

Связь между социально-экономическим статусом (или «классом», в зависимости от концептуализации конкретных исследований) родителей и успешной образовательно-карьерной траекторией детей достаточно изучена и носит название первичных и вторичных эффектов неравенства (Baker, Stevenson 1986; Useem 1992; Brantlinger 2003; Хавенсон, Чиркина 2019; Бессуднов, Малик 2016), где первичные эффекты неравенства создают разрыв в успеваемости детей за счет больших образовательных

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00533).

возможностей у более привилегированных семей, а вторичные эффекты неравенства разделяют детей и молодых людей по классово-специфичным траекториям, которые уже зависят не столько от образовательных успехов, сколько от положения семьи и ее культурных представлений о сценариях будущего детей (Boudon 1974). Оба этих эффекта взаимообусловлены. В российских условиях первичные и вторичные эффекты неравенства среди детей влияют на базовые институциональные сценарии: дети из семей среднего класса по большей части учатся в престижных школах и поступают в высокорейтинговые вузы. У детей из семей рабочего класса прямо противоположное положение: частый уход после 9-го класса или выбор вузов с невысокими позициями (Чередниченко 2023; Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин 2016; Рощина 2011). Первичные и вторичные эффекты неравенства кажутся задачей, где все условия заранее известны, а результаты многократно подтверждены в разных странах на национальных репрезентативных выборках, поэтому в последние годы исследователи неравенства сфокусировались не на поисках связей между различными переменными, влияющими на воспроизводство неравенства и/или социальную мобильность, а на культурных механизмах, которые обеспечивают эту связь, таких как фреймы, культурные сценарии, символические границы и т.д. (Lamont, Beljean, Clair 2014).

Одна из таких важных тем в исследованиях культурных механизмов воспроизводства неравенства — это исследования культуры воспитания детей в различных классах. У родителей среднего класса и родителей рабочего класса различаются ценности в воспитании детей, структурирующие их воспитательные практики и детско-родительские отношения. Эти различия в воспитании впоследствии формируют паттерны поведения и мышления детей, влияющие на их образовательно-карьерные траектории (Kohn 1963; Lareau 2011). Дети и молодые люди из семей рабочего класса с меньшим успехом справляются с трудностями в школе, университете и на работе не из-за отсутствия способностей, а из-за особенностей воспитания (Lareau 2015). Часто они оценивают себя ниже своих сверстников из семей среднего класса даже в случае хороших образовательных результатов (Skeggs 2004; Mallman 2017) и, если поступают в университеты, сталкиваются с большим количеством трудностей, чем их ровесники из семей, где высшее образование — естественный путь развития (Gaur et al. 2025; Лукина 2023).

В России исследования культуры воспитания детей стали появляться совсем недавно, и их пока достаточно мало (см., например: Сивак 2023; Дорофеева, Козырева 2023; Шпаковская 2015). Хотя в российском контексте они полезны по двум причинам: в России, как и во многих других

странах, появилась новая культура воспитания детей — «интенсивное родительство», требующая от родителей больших временных, психологических и финансовых затрат (Hays 1996); современная российская система образования формально доступна для всех граждан, но на практике наделяет родителей активной ролью в обучении детей и ответственностью за их успехи, в отличие от советской системы с широко распространенной инфраструктурой школьного и внешкольного развития (Иванов 2022; Исупова 2018). Сочетание этих двух причин делает культуру воспитания значимым фактором в воспроизводстве неравенства в российском контексте. Исследования культурных различий в воспитании детей позволяют специалистам в школах и университетах внимательнее отнестись к менее привилегированным детям и молодым людям и помочь им справиться с трудностями (Richards 2022).

Цель данного обзора — систематизировать исследования культурных классово-специфических различий в воспитании детей в контексте воспроизводства социального неравенства, показать генезис этих различий и их влияние на формирование классовых моделей самости. В первом разделе определяются понятия среднего и рабочего класса. Во втором разделе систематизируются исследования культурных различий среднего и рабочего классов в воспитании детей. Третий раздел объясняет социально-исторический контекст, в котором эти различия сформировались, а именно специфику рынков труда и социальных условий, которые мотивируют родителей по-разному воспитывать своих детей, культурный поворот 1960-х годов в восприятии детства и детского развития. В четвертом разделе объясняется, какие паттерны поведения и мышления формируются в результате культурных различий в воспитании и как они влияют на социализацию, получение образования и устройство на рынке труда. Пятый раздел посвящен исследованиям культуры «интенсивного родительства» в России,

Обзор носит тематический характер. На первом этапе проанализированы работы авторов, внесших ключевой вклад в область исследований о связи культуры воспитания и воспроизводства неравенства: исследования о родительских ценностях Мелвина Кона (Kohn 1963), структуралистские этнографические работы Аннет Ларо (Lareau 2011; Lareau 2015) и лингвистические исследования о связи языка и модели воспитания Бэзила Бернштейна (Bernstein 1990).

На втором этапе мы отобрали исследования, ссылающиеся на работы Ларо, Кона и Бернштейна в системе Web of Science, по следующим критериям: исследования посвящены связи культуры воспитания детей с воспроизводством неравенства; авторы работ напрямую используют одну из

ключевых концепций; годы исследований — 1960–2020-е (чтобы проанализировать устойчивость этой зависимости); кросс-культурная повторяемость результатов в различных странах; ограничение по журналам: социология, социальная психология, образование. В выборку попали количественные и качественные исследования. Всего отобрано 120 англоязычных работ. В этой области исследований превалирует структуралистский подход, поэтому в выборку попали 70 исследований, использующих концепцию Ларо, 30 исследований, использующих ценностный подход Кона, и 20 исследований, опирающихся на лингвистический подход Бернштейна. На третьем этапе мы проанализировали пристатейные списки статей, попавших в выборку, и дополнили корпус текстов еще 30 работами, включающими в себя работы, объясняющие контекст возникновения культуры воспитания детей среднего класса.

На четвертом этапе мы подготовили корпус текстов, опубликованных в российских социологических журналах. Так как для российской социологии тема культуры воспитания детей новая и публикаций по ней крайне мало, в обзор вошли две темы, связанные между собой: это исследования первичных и вторичных эффектов неравенства с 2010-х годов по настоящее время, так как они указывают на связь между родительским социально-экономическим статусом и воспроизводством неравенства (в 2009 г. в России полностью ввели ЕГЭ, что вызвало всплеск исследований по социологии образования, в том числе социологии неравенства в образовании), и исследования, посвященные новым культурным нормам воспитания детей — «согласованному развитию» и «интенсивному родительству». Всего было отобрано 30 текстов.

В обзор не включены работы, связанные с гендерным неравенством и культурой воспитания детей, чтобы не размывать фокус классового неравенства; работы, которые анализируют другие факторы неравенства, помимо воспитания детей (исключение — российские исследования первичных и вторичных эффектов неравенства, так как в России еще не сложился достаточный корпус исследований о культуре воспитания детей и связи с неравенством). Обзор не охватывает всех работ на данную тематику, его основная задача — анализ ключевых идей в исследованиях связи воспитания детей, причин возникновения разрыва между воспитательными практиками родителей различных классов и последствий для детей. Я сосредоточусь на классовых различиях в культуре воспитания детей, истории возникновения этих различий и влиянии культурной логики воспитания на формирование детей и подростков и воспроизводство неравенства. Обзор поможет расширить понимание природы неравенства и стимулировать иссле-

дования культуры воспитания детей в контексте социального неравенства в России.

Средний и рабочий класс: к определению терминов в обзоре

В большинстве приведенных в этом обзоре исследований различение среднего и рабочего класса проходит по следующим параметрам: высшее образование и позиция на рынке труда, требующая высокой квалификации или управленческих навыков у представителей среднего класса; среднее специальное образование или высшее образование (в отдельных случаях) и позиция на рынке труда, не требующая управленческих или сложных интеллектуальных навыков у представителей рабочего класса; кроме того, выделяется категория людей, которых относят к «низшему классу» — неработающих или с нестабильной занятостью (Lareau 2011; Calarco 2018). Эти же параметры относятся к понятиям «высокий социально-экономический статус», эквивалентному среднему классй, и «низкий социально-экономический статус», эквивалентному нижней границе рабочего класса (Hoff, Laursen, Tardif 2002). Безусловно, это упрощенная и оспариваемая схема социальной стратификации, так как внутри классов существует градиент и по доходам, и по статусу в обществе, но на макроуровне она общепринята и обозначает класс как «широкую группу людей с одинаковым уровнем образования, профессиональной властью и автономией, набором культурных предрасположенностей в потреблении и досуге, ценностных ориентиров, которые формируют стиль жизни и создают символические классовые границы» (Streib 2017: 136).

В России попытки использовать западные классификации «класса» традиционно критикуют из-за разницы в истории формирования классовых структур, и, хотя статистически построить классовую структуру возможно, сомнения у исследователей вызывают культурные, а не экономические параметры класса (Аникин 2018). Тем не менее исследователи, применяющие классические структуралистские параметры культурного капитала, обнаружили схожие культурные параметры стиля жизни среднего и рабочего класса (Гаврилюк 2021; Соколов 2019). В приведенных выше российских исследованиях образовательного неравенства также применяются бурдьевистские параметры среднего и рабочего класса, устоявшиеся в международных исследованиях.

«Согласованное развитие» и «естественный рост»: классово-специфичные модели воспитания детей

В этом разделе я систематизирую основные классовые различия в воспитании детей, которые влияют на воспроизводство неравенства. Изуче-

ние культурных моделей воспитания детей начинается с ценностей родителей. Мелвин Кон определяет родительские ценности в воспитании детей как представления о желаемых характеристиках в своих детях (Kohn 1963). Родители среднего класса видят такие желаемые характеристики для своих детей как любознательность и индивидуальность, они ориентируются на внутреннюю динамику ребенка, его мотивацию, учат управлять своими чувствами, в то время как родители рабочего класса гораздо больше ценят послушание и подчинение авторитету взрослых. Кон показывает, что даже общие, казалось бы, ценности могут иметь классовую интерпретацию. Он приводит в пример категорию «честность», которая, кажется, обладает универсальным содержанием, но родители из разных классов наделяют ее разными значениями. Для рабочего класса честность подразумевает надежность и преданность, для среднего класса — правдивость и искренность (Kohn 1963: 475). Исследования Кона о классовых различиях в родительских ценностях стали важным открытием в социологии неравенства. Социальный класс влияет на родительские ценности и воспитательные практики, даже когда дети еще младенцы, и предопределяет, будут ли их баловать вниманием или относиться строго. Например, матери из рабочего класса боятся воспитать избалованных вниманием детей и более сдержанны и строги по отношению к своим детям по сравнению с матерями среднего класса (Luster, Rhoades, Haas 1989: 145). Есть количественные исследования родительских дихотомий доверия/контроля, одобрения/наказания, везде эти дихотомии классово специфичны (Raviv, Kessenich, Morrison 2004; Vernon-Feagans et al. 2008), и ценностные ориентации родителей, разработанные Коном, до сих пор подтверждаются в исследованиях (Lee 2023).

Аннет Ларо одной из первых реконструировала культурную логику воспитания детей в различных социальных классах на этнографических наблюдениях за повседневной жизнью семей (Lareau 2011; Lareau 2015). В ее этнографии родители из среднего класса много разговаривают со своими детьми и учат их чувствовать себя на равных со взрослыми. Если они хотят показать ребенку, что можно или нельзя, они делают это с помощью убеждений, а не прямых приказов. Родители из рабочего класса более строги к своим детям, их воспитание построено на авторитете взрослых. По-разному устроена организация времени детей: у детей из среднего класса — плотное расписание с развивающими занятиями и мало свободного времени; у детей из рабочего класса — гораздо больше свободного времени и общения со сверстниками и родственниками, но нет или мало развивающих занятий. Но главное различие в воспитании детей — это отношение родителей из разных классов к сотрудникам обра-

зовательных учреждений. Родители среднего класса занимают по отношению к ним даже не равную, а превосходящую позицию, легко оспаривают их решения в случае, если они приняты не в пользу ребенка, ставят под сомнение не способности детей, а компетенции работников. Родители рабочего класса, напротив, в коммуникации с работниками образовательных учреждений чувствуют себя неуверенно и не способны оспорить их авторитет, они часто принимают их слова и решения на веру, даже если те несправедливы и идут вразрез с их родительскими интересами. Культурную логику воспитания детей среднего класса Ларо называет «согласованным развитием», так как родители среднего класса стараются синхронизировать развитие своих детей с социальными институтами и эффективно коммуницируют по поводу будущего своих детей, а логику рабочего класса — «естественным ростом», где родители рабочего класса не способны дотянуться до стандартов среднего класса и включиться в «гонку развития» (Lareau 2011).

Этнография Ларо стала академическим бестселлером и породила корпус исследований, которые в большей степени подтверждали ее аргументы, будь то неумение родителей рабочего класса обращаться за помощью и вступаться за своих детей (Horvat, Weininger, Lareau 2003) или специфика организации детского времени (Bodovski 2010). Средний класс также породил спрос на частные детские центры с моделью «согласованного развития». Так, Нельсон и Шутц провели этнографическое исследование двух детских центров — частного для детей из среднего класса, другой принадлежал церкви, куда ходили дети из рабочего класса (Nelson, Schutz 2007). Они сосредоточились на сравнении стратегий воспитателей в обучении детей из этих центров и обнаружили, что детей из среднего класса чаще ориентировали на похвалы, чем на санкции, эти дети также чаще спорили со сверстниками, обращались с просьбами ко взрослым, а взрослые, в свою очередь, объясняли свои запреты и вообще развивали у детей навыки говорения и рефлексии, учили их выражать свои чувства.

Если представить градиент ценностей и практик с полюсами консерватизм/либерализм, то родители рабочего класса будут тяготеть к консервативным сценариям воспитания детей, а родители среднего класса — к либеральным. Но эти различия не должны восприниматься исследователями только как культурные онтологии вне контекста повседневной жизни и вызовов, которые она приносит. Представления родителей рабочего класса о детях как о менее равных партнерах связаны с их классовой позицией в социальной структуре, где они менее равные партнеры в переговорах с представителями различных социальных институтов, будь то школьные учителя, преподаватели, чиновники, работодатели. Каким

образом возникли эти культурные различия? И почему именно культура стала мощным фактором в различиях в воспитании детей?

Контекст формирования различий: культурный поворот 1960-х годов и рынки труда

Логика воспитания детей среднего класса, которую описывает Ларо, связана с культурным поворотом 1960-х годов, изменившим представления о детстве и детском развитии и впоследствии сформировавшим систему идей и практик в области развития и воспитания детей, которую Хейс назвала «интенсивным родительством» (Hays 1996), а Ларо — «согласованным развитием» (Lareau 2011). Этот культурный поворот идеологически был не классовым, а скорее связанным с глобальным послевоенным переосмыслением и гуманизацией многих областей знаний, в результате которых дети приобрели самоценность и агентность (Prout, James 2003). Но в большей степени новую парадигму о детстве освоил именно средний класс, в том числе из-за структурного положения в обществе. «Интенсивное родительство» требовало навыков обучения, фактически получения профессии родителя и сложного навыка поиска информации, что было вне поле зрения рабочего класса (Rowe et al. 2016). Эти навыки влияют на чувство уверенности родителей в воспитании детей. Так, матери с более высоким социально-экономическим статусом выше оценивают когнитивные навыки своих маленьких детей, чем матери с более низким социально-экономическим статусом (Hoff, Laursen, Tardif 2002). Родители с более низким социально-экономическим статусом чувствуют, что они в меньшей степени контролируют развитие своего ребенка, чем родители с более высоким статусом (Elder et al. 1995).

Психологические исследования развития ребенка и стиль воспитания среднего класса взаимно подкрепляют друг друга. Эти исследования показывают, что мотивация и интерес ребенка связаны с отношением к нему (Eccles 2007). Социальные психологи поощряют родителей на воспитательные практики, когда родители обязаны создавать насыщенную культурную среду и эмоциональный комфорт (Kalil, Ryan 2020). Родителям рекомендуют учить детей выражать свою точку зрения и брать на себя активную роль (Raftery, Grolnick, Flamm 2012). Исследователи отмечают, что «интенсивное родительство» стало культурным стандартом, по которому оценивают родителей не только на Западе, но и, например, в Китае (Gu 2021), Латинской Америке (Ramos-Zayas 2019), России (Сивак 2023). Это глобальный тренд. Однако многие постулаты «интенсивного родительства» недоступны для родителей из рабочего класса, из-за чего «интенсивное родительство» превратилось в инструмент воспроизводства неравенства.

Для того чтобы понять, почему новая культура родительства стала классовой, попробуем разобраться, почему рабочий класс не смог освоить ее. Кон считает, что классовые различия в родительских ценностях и практиках воспитания связаны со спецификой рынка труда. Профессиональная занятость среднего класса в большей степени связана с управлением межличностными отношениями, генерацией идей и высоким уровнем самостоятельных действий, в то время как профессиональная занятость рабочего класса стандартизирована, выполняется коллективно и находится под внешним контролем (Kohn 1963: 476). Таким образом, родители из разных классов стремятся развить в своих детях те качества, которые помогали бы им продвигаться на рынке труда. Отметим, что Кон проводил свои исследования, когда рабочий класс в США достиг уровня жизни среднего класса по экономическому благополучию, но классовые культурные различия в ценностях и образе жизни сохранялись, и консерватизм рабочего класса был оправдан экономическими возможностями. Индустриальный кризис 1970-х годов изменил рынки труда и разорил рабочий класс, только что получивший респектабельность; культура рабочего класса стала для него ловушкой в новой постиндустриальной экономике. Как показывает Мишель Ламонт, классовые культурные границы достаточно ригидны и соблюдаются не только внешне, но и внутри класса за счет придания собственной системе ценностей морального авторитета (Lamont 2000). Таким образом, структурные условия становятся моральными категориями и воспроизводятся в практиках воспитания детей. Так, педагогические усилия родителей рабочего класса направлены на то, чтобы воспитать своих детей «хорошими и порядочными людьми», которые не обременяют взрослых своими проблемами и способны рано выйти на рынок труда. Демонстрация «хорошего характера» для рабочего класса важнее, чем успеваемость, они видят в ней источник социализации для своих детей (Calarco 2018: 38).

Сами по себе культурные различия в воспитании детей не могли бы приводить к воспроизводству неравенства, если бы они оценивались как равные в обществе. Ларо подчеркивает, что все родители независимо от класса любят своих детей и что у обоих культурных логик воспитания есть плюсы и минусы, но «согласованное развитие» оценивается выше внутри системы образования (Lareau 2011; Lareau 2015). Универсализация культурной логики воспитания детей среднего класса приводит к затушевыванию структурных условий, в которых живут люди, и делает родителей рабочего класса более уязвимыми в опыте своего родительства и в желании обеспечить своим детям благополучное будущее. Шэрон Уилер утверждает, что симбиоз структурных условий и культурных представле-

ний создает классовые различия в воспитании детей, и показывает это на примере матерей рабочего класса Британии, которые выстраивают свои приоритеты исходя из барьеров, а не возможностей, и эти барьеры структурируют их мышление. Так, матери рабочего класса сосредоточены на краткосрочных решениях насущных проблем и не верят в способность серьезно повлиять на судьбу своих детей, в отличие от матерей среднего класса, будущее детей которых осязаемо и спланировано (Wheeler 2017). Кроме того, у родителей из различных классов совершенно разные вызовы родительства. Как показала Маргарет Нельсон, родители среднего класса находятся в ситуации, где возможны долгосрочные вложения в своих детей, и неосознанно продлевают своим детям детство, в то время как стиль воспитания родителей рабочего класса основывается на желании раннего взросления детей и выхода на рынок труда (Nelson 2010).

Последствия для детей: от классово-специфических моделей воспитания к классово-специфическим моделям самости

Родители среднего класса обладают «правильной диспозицией» (Bourdieu 1990) и способны эффективнее продвигать своих детей в доминирующих социальных институтах, но это одна из культурных форм воспроизводства неравенства. Фактор, который играет более глубокую роль в воспроизводстве неравенства, чем просто поддержка родителей и передача стартовых капиталов, — классовые различия в воспитании детей, так как они влияют на то, какие паттерны поведения, восприятия и мышления будут формироваться у детей и станут их культурной моделью «я» (Skeggs 2004; Giddens 1991). Родители среднего класса не только вступаются за своих детей перед работниками различных учреждений, но и учат их этому, передавая «чувство права на себя» и навыки его реализации, в то время как родители рабочего класса передают своим детям чувство беспомощности в коммуникации с людьми, которые выше их по статусу (Lareau, Weininger 2003; Lareau 2011). Дети осваивают эти способы взаимодействия с миром и, уже будучи взрослыми, по-разному реагируют на трудности в своей жизни. Так, дети, выросшие в семьях рабочего класса, часто не чувствуют себя достойными учиться в элитных вузах даже при условии высокой успеваемости в школе или колледже, а также не обращаются за помощью и боятся говорить о своем отставании, что уменьшает или даже нивелирует их достижения и попытки подняться по социальной лестнице (Лукина 2023; Lareau 2015; Mallman 2017).

Эти классовые различия в представлении о себе, сформированные воспитанием, влияют на воспроизводство неравенства опосредованным

образом — не через образовательные результаты и доступ к ресурсам, а через стратегии преодоления трудностей. Джессика Каларко обнаружила классовые культурные различия в стратегиях детей справляться с учебой и жизнью в школе, которые влияли на воспроизводство неравенства, а именно в обращении за помощью и привлечении к себе внимания. Дети из семей среднего класса, когда сталкивались с трудностями, воспринимали учителей как ресурс для их решения, они не только гораздо чаще обращались за помощью, но и делали это требовательно и прямолинейно, не оставляя своих попыток, пока не получали ее. В свою очередь, дети из рабочего класса рассчитывали только на себя, когда сталкивались с трудностями, тратили много времени и сил, не обращаясь за помощью, а в случае обращения делали это не прямо и тем более не требовательно, а завуалированным способом. Каларко отдельно выделяет стратегии детей по привлечению внимания, когда дело касается не трудностей, а их интересов в целом. Она отмечает, что все дети «хотели, даже жаждали внимания взрослых». Но их стратегии привлечения внимания взрослых тоже оказались классово специфичными. Дети из семей среднего класса привлекали к себе внимание за счет своих захватывающих историй; дети же из рабочего класса привлекали к себе внимание за счет своей общности с другими и готовности помочь им. Они делали это уклончиво и только тогда, когда было ясно, что у учителей есть время. И хотя учителя старались отвечать на потребности всех детей, дети из среднего класса получали в разы больше внимания и признания просто потому, что их прямые и захватывающие стратегии эффективнее (Calarco 2018: 24–25).

Каларко и ее коллеги возвращаются к работам Толкотта Парсонса (Parsons 1951) о социализации как процессе усвоения норм и ценностей, которые формируют модели поведения, натурализованные как личные качества (Guhin, Calarco, Miller-Idriss 2021). Это значит, что не существует культуры, которая делает людей бедными или богатыми, но существуют условия, в которых познание и способы проживания отличаются и воплощаются в культурных сценариях социализации (Small, Harding, Lamont 2010).

Именно формирование «я» человека внутри отношений является главным стимулом изучать стили воспитания родителей. Социолингвист Бэзил Бернштейн показывает, что классовые различия в воспитании детей выражаются даже на лингвистическом уровне (Bernstein 1990). Дети из рабочего класса усваивают модель семьи, основанную на авторитете взрослых и правилах. Бернштейн называет ее статусно-ориентированной. Ее лингвистическое выражение — это приказы, призывы и правила, формирующие четкие неоспоримые культурные идентичности. Как пишет

Бернштейн, «эта модель отношений «не способствует устойчивому интересу к мотивационным процессам. “Я” редко является предметом исследования» (Bernstein 1990: 64). Дети из среднего класса усваивают другую модель семейных отношений — личностно-ориентированную. Родители обращаются лично к ним, апеллируют не к правилам и нормам, а к поступкам ребенка и чувствам, открывая ребенку доступ к рефлексивному «я», регулирующему свое поведение не столько внутри структуры четко определенных ролей, сколько в сложно устроенной системе мотиваций и чувств. Впоследствии одни дети научаются распознавать сигналы авторитетности, ориентируются на нее, а не на свои чувства и рефлексию, другие, наоборот, учатся осознанному восприятию своих действий с помощью языка и развитых навыков интерпретации себя и других. Будучи еще и педагогом, Бернштейн подчеркивает, что речь идет не об интеллектуальных способностях, и приводит пример, как дети из разных классов одинаково решают математические задачи, но письменные работы детей из среднего класса — гораздо более насыщены и рефлексивны. Причем языковые различия начинают проявлять себя в очень раннем возрасте, когда дети учатся взаимодействовать друг с другом в дошкольных учреждениях (Streib 2011).

Культурные модели «самости» вследствие воспитания делают проблему неравенства глубже, так как эти модели интегрированы в личностные характеристики людей и воспроизводят неравенство даже в ситуации формального доступа к образованию и позитивной дискриминации. Тем важнее изучать повседневные практики воспитания детей, которые могли бы корректироваться в образовательных институтах и выравнивать шансы детей на социальную мобильность. Для удобства мы создали таблицу с основными параметрами культурных различий в воспитании детей. Эта таблица позволяет сфокусироваться на тех элементах воспитания, которые влияют на формирование характера, социализацию и образовательно-карьерные траектории.

Таблица

Классово-специфические культурные модели воспитания детей

Маркеры	Средний класс	Рабочий класс
Метафора стиля воспитания	«Согласованное развитие», «интенсивное родительство»	«Естественный рост», «хороший характер»
Отношения со взрослыми в семье	Нет жестких границ между взрослым и ребенком, ориентация на равенство, переговоры с ребенком	Авторитет взрослых, жесткие границы и социальные роли, ориентация на правила и приказы

Окончание табл.

Маркеры	Средний класс	Рабочий класс
Организация детского времени	Структурированное время, «полноценная занятость» детей в развивающих практиках, ориентация на амбициозное будущее	Неструктурированное время, больше свободной игры, общения со сверстниками и родственниками, ориентация на «здесь и сейчас»
Стратегии привлечения внимания	Напрямую и за счет «самих себя» — своих талантов и ярких историй о своей жизни	Косвенно и за счет своего «хорошего характера», через попытки угодить взрослым
Обращение за помощью	Прямое и требовательное, ориентация на коллективное решение трудностей и проблем	Либо обращаются за помощью не напрямую, либо не обращаются вовсе, ориентируясь только на собственные силы
Отношение родителей с работниками образовательных учреждений	Равное или даже превосходящее, умение оспорить решения и правила институтов	Неравное. Невозможность оспорить правила институтов. Беспомощность перед их решениями

Культура «интенсивного родительства» в России: поколенческий разрыв и скрытая классовая принадлежность

В российской социологии начали появляться исследования культуры воспитания детей «интенсивное родительство». Этот термин предложила исследовательница Шэрон Хейс, чтобы зафиксировать изменившиеся культурные нормы в воспитании детей (Hays 1996). «Интенсивное родительство» предполагает профессионализацию родителей. Такие родители опираются на экспертизу психологов, педагогов и специалистов по развитию в воспитании детей, считают своим долгом фокусироваться на эмоциональном состоянии ребенка, развитии в нем творческих способностей и амбиций для самореализации. «Интенсивное родительство» поддерживается экспертными сообществами и государственными институтами как стандарт в воспитании детей, где ключевую роль в их благополучии играют родители.

Образованные женщины в крупных городах России в возрасте от 25 до 40 лет освоили ценности «интенсивного родительства» как новую желаемую норму (Сивак 2023). В интервью с исследователями они утверждали, что «хотели бы развить в ребенке качества, которые они считают необходимыми для успеха в современной экономике: уверенность в себе,

самостоятельность, ответственность, инициативность, креативность, желание познавать мир или открытость миру, формирование вкуса — в музыке, живописи и др.» (Сивак 2023: 21). Формирование желаемых характеристик в своих детях влияет на то, как матери выстраивают отношения с ними. Они категорически против наказаний и насилия по отношению к детям и стараются создать для них стимулирующую среду.

Однако «интенсивное родительство» доступно не всем матерям по умолчанию. Не зря Елизавета Сивак подчеркивает социально-экономический статус респонденток. Хейс акцентировала внимание на растущем культурном давлении на родителей, прежде всего матерей, которым требуются огромные усилия, чтобы справляться с «интенсивным родительством». Исследователи социального неравенства тоже занимаются темой культуры воспитания детей, но переносят фокус на классовые различия в воспитании детей. В этой логике «интенсивное родительство» является культурной нормой родителей из среднего класса, экспертного сообщества и государственных институтов, в то время как родители из рабочего класса воспитывают своих детей по-другому. Аннет Ларо выделила два стиля воспитания в зависимости от классовой принадлежности родителей — «согласованное развитие» среднего класса и «естественный рост» рабочего класса (Lareau 2011). Мы хотим отметить, что «интенсивное родительство» Хейс и «согласованное развитие» Ларо (Lareau 2011) можно назвать концептами-синонимами, описывающими один и тот же феномен.

Культура «интенсивного родительства» влияет не только на практики воспитания, но и на широкий спектр родительских выборов, в том числе на выборы образовательных учреждений для детей. Лариса Шпаковская проанализировала, какие требования к дошкольным учреждениям предъявляют родители из среднего и рабочего класса в Санкт-Петербурге (Шпаковская 2015). Родители из среднего класса лучше ориентировались на рынке образовательных услуг, чем родители из рабочего класса. Кроме того, родители из разных классов предъявляли различные требования к дошкольным учреждениям: для родителей из среднего класса был важен индивидуальный подход и комфортная психологическая обстановка, для родителей рабочего класса — дисциплина и строгие педагоги (Шпаковская 2015: 126). Исследовательница раскрывает мотивы различных требований к дошкольным учреждениям: родители среднего класса настроены на успех и высоко оценивали способности своих детей, которые учреждения должны были помочь раскрыть. В свою очередь, родители рабочего класса ожидали от образования своих детей «преодоления неизбежных сложностей», а будущее видели в терминах выживания в агрессивной среде (Шпаковская 2015: 128). Раиса Акифьева и Юлия Андреева показывают,

как классовый выбор родителей в пользу «хороших школ» также влияет на качество досуга и вовлеченность детей во внешкольные мероприятия и ведет к большему развитию творческого потенциала (Акифьева, Андреева 2017). Родители среднего класса ищут возможности, чтобы их представления о воспитании совпадали с нормами образовательных учреждений, чтобы «согласованно» развивать своих детей (Lareau 2011).

В России основным сюжетом в социологии неравенства является образовательный выбор детей в зависимости от социально-экономического статуса родителей (Тенишева, Болотова 2023; Чередниченко 2023; Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин 2016; Абрамова, Гончарова, Костюк 2015; Рощина 2011). За этой связью стоят родительские ожидания от детей и их будущего. Родители среднего класса предполагают, что у их детей больше талантов и способностей, и учитывают это при выборе школ, в отличие от родителей рабочего класса, ограничивающих себя в выборе образовательных учреждений (Александров, Тенишева, Савельева 2018). Переходы в «хорошие школы» при равной успеваемости детей из семей среднего и рабочего класса оказываются возможными только для детей из семей среднего класса (Косякова и др. 2016), а само разделение школ и университетов на «хорошие» и «плохие» и стремление попасть в «хорошие» места отражает динамику власти привилегированных родителей, которые стремятся вытеснить детей из менее обеспеченных семей, детей мигрантов и т.д. из «хороших школ» (Чернова, Шпаковская 2023). Это тоже отражается на жизненных шансах детей и подростков из непривилегированных семей. Сегрегация школ снижает их шансы на поступление в университеты (Керша 2021). Все эти данные показывают, что за рациональными выборами могут скрываться классовые культурные логики воспитания детей, которые формируют различия в представлении о себе и паттернах поведения. Различия возникают, даже если подростки из семей с низким социально-экономическим статусом решаются поступать в университеты. Они больше боятся провала, чем их ровесники из среднего класса, даже если они хорошо учатся (Minina, Pavlenko 2023; Лукина 2023).

При этом в российском контексте сформировался взгляд на культуру «интенсивного родительства» не через призму классового разрыва, а через призму поколенческого разрыва (Козьмина, Сивак 2015). Современные родители среднего класса противопоставляют себя своим родителям, дедушкам и бабушкам своих детей, которые, по их мнению, придерживаются ценностей и практик «советского воспитания». Как показывает Сивак, современные родители воспринимают ценности и практики своих родителей, выросших в Советском Союзе, как вредные для ребенка, что зачастую является источником семейных конфликтов (Sivak 2018). Злата Дорофеева и По-

лина Козырева зафиксировали восходящий поколенческий тренд вовлеченности родителей в жизнь детей и выравнивание гендерных диспозиций в родительстве (Дорофеева, Козырева 2023). Вместе с тем, хотя поколенческий разрыв очевиден, особенно в гендерном выравнивании родительских ролей, когда оба родителя вовлечены в жизнь ребенка (Годованная, Темкина 2017), нужно учитывать социально-экономический статус респондентов и их мобильность по отношению к родительскому статусу.

В российской социологии достаточно хорошо изучены первичные и вторичные эффекты неравенства на различных статистических, опросных и качественных данных (Тенишева, Болотова 2023; Чередниченко 2023; Хавенсон, Чиркина 2019; Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин 2016; Абрамова, Гончарова, Костюк 2015; Рощина 2011). Вместе с тем исследования культуры воспитания детей немногочисленны, и акцент в них делается на поколенческих трендах, а не на классовой природе культурных установок, связанных с воспитанием детей.

Заключение

В обзоре рассмотрены исследования классово специфических моделей воспитания детей и теоретические концепции, объясняющие их культурные различия и последствия для социализации детей и молодых людей. Социальные исследователи с различных теоретических позиций начиная с 1960-х годов фиксируют классово-специфические модели воспитания детей, которые затрагивают отношения в семье, модель отношений с работниками социальных институтов, различия в формировании чувства своего «я». Родители среднего класса ориентируются на чувства, эмоции и объяснения внутри семьи при воспитании своих детей, на равное или даже превосходящее отношение в переговорах с работниками социальных институтов по поводу будущего своих детей, на формирование у детей «чувства права» на себя. В то время как родители рабочего класса ориентируются на иерархическую структуру внутри семьи, четкие правила, а в случае переговоров с работниками социальных институтов демонстрируют беспомощность перед их решениями.

Эти различия по-разному интерпретируются исследователями: с помощью бурдьевистского культурного капитала как набора практик и знаний, где одни знания и практики являются более приоритетными в социальных институтах, чем другие (Lareau 2011), функциональной социализацией, связанной с ценностными установками родителей из различных классов и их положением на рынке труда (Kohn, 1963; Luster, Rhoades, Haas 1989), символическими кодами, формирующими принадлежность к группе и ролевые модели отношений (Bernstein 1990).

Но какими бы ни были теоретические схемы, объясняющие эти различия, все они сводятся к тезису о формировании классово-специфических паттернов поведения и мышления, натурализованных как личные качества (например, скромность у детей из семей рабочего класса и пробивной характер у детей из семей среднего класса). Они влияют на то, каким образом дети и молодые люди чувствуют и ведут себя, делают образовательные выборы, строят карьеру.

Мы также показали контекст возникновения классовых культурных различий в воспитании детей: неравные структурные условия родителей из разных классов, которые диктуют разные ожидания и модели успешной социализации при получении образования и на рынке труда, культурный поворот 1960-х годов в представлениях о детстве и детском развитии, сформировавший культуру «интенсивного родительства», которая перестроила рынки образовательных услуг и стала культурным репертуаром родителей среднего класса и стандартом для социальных институтов образования и развития детей.

Исследования культурных различий в воспитании детей будут продуктивными и для российского контекста. Несмотря на очевидные отличия от других стран в устройстве стратификации и социальных институтов, уже есть исследования, которые показывают, что стиль воспитания «интенсивного родительства» стал частью образа жизни образованных городских жителей (Сивак 2023). Российские исследования также фиксируют различия в классово специфическом мышлении и ощущении себя в исследованиях образовательных выборов детей и подростков (Романенко 2024; Minina, Pavlenko 2023). Но в России нет этнографии детства и родительства, которая показала бы более тонкие и нюансированные механизмы воспроизводства неравенства, а не только связь между статусом родителей и образовательно-карьерными результатами детей. Такие исследования будут полезными для практикующих специалистов, учителей, тьюторов и наставников, которые могли бы замечать и сглаживать проявления неравенства, возникающие из-за различий в воспитании детей.

Литература / References

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. (2015) Влияние уровня образования родителей на формирование образовательных стратегий детей (на примере выпускников школ Новосибирской области). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(2): 87–102.

Abramova M.A., Goncharova G.S., Kostyuk V.G. (2015) The Influence of Parents' Level of Education on the Formation of Children's Educational Strategies:

The Case of School Graduates in Novosibirsk Region. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(2): 87–102 (in Russian).

Акифьева Р.Н., Андреева Ю.В. (2017) Структурированная активность школьников «спального» района Санкт-Петербурга: социальный класс, семья и школа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(1): 128–148.

Akifieva R.N., Andreeva Yu.V. (2017) Structured Activity of Schoolchildren in a Residential District of St. Petersburg: Social Class, Family and School. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(1): 128–148 (in Russian).

Александров Д.А., Тенишева К.А., Савельева С.С. (2018) Дифференциация школьного выбора: два района Санкт-Петербурга. *Вопросы образования*, 4: 199–229.

Aleksandrov D.A., Tenisheva K.A., Savelieva S.S. (2018) Differentiation of School Choice: Two Districts of St. Petersburg. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 199–229 (in Russian).

Аникин В.А. (2018) Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 39–67.

Anikin V.A. (2018) Social Stratification by Life Chances: An Attempt at Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 39–67 (in Russian).

Бессуднов А.Р., Малик В.М. (2016) Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы. *Вопросы образования*, 1: 135–167.

Bessudnov A.R., Malik V.M. (2016) Socioeconomic and Gender Inequality in the Choice of Educational Trajectories after the 9th Grade of Secondary School. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 1: 135–167 (in Russian).

Гаврилюк Т.В. (2021) Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодежи как составляющие ее классового габитуса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 110–143.

Gavrilyuk T.V. (2021) Cultural Practices, Norms and Preferences of Russian Working Youth as Components of Their Class Habitus. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 110–143 (in Russian).

Годованная М., Темкина А. (2017) «Мать — ты навечно, но и художница — всегда»: творчество в условиях интенсивно расширенного материнства. *Laboratorium*, 9(1): 30–61.

Godovannaya M., Temkina A. (2017) "You Are a Mother Forever, but an Artist Always": Creativity under Conditions of Intensively Extended Motherhood. *Laboratorium*, 9(1): 30–61 (in Russian).

Дорофеева З.Е., Козырева П.М. (2023) Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей. *Социологические исследования*, 8: 86–100.

Dorofeeva Z.E., Kozyreva P.M. (2023) Transformation of Parental Involvement Practices in Children's Lives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 86–100 (in Russian).

Иванов И.Ю. (2022) Чьи дети? Внешкольное образование в странах бывшего Советского Союза. *Вопросы образования*, 4: 184–207.

Ivanov I.Yu. (2022) Whose Children? Supplementary Education in the Countries of the Former Soviet Union. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 184–207 (in Russian).

Исупова О.Г. (2018) Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3: 180–189.

Isupova O.G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School-Age Growing Up. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kulture* [NZ: Debates on Politics and Culture], 3: 180–189 (in Russian).

Керша Ю.Д. (2021) С кем учиться, чтобы попасть в вуз: социально-экономическая композиция школы и неравенство доступа к высшему образованию. *Вопросы образования*, 4: 187–219.

Kersha Yu.D. (2021) Who to Study with to Enter University: School Socioeconomic Composition and Inequality of Access to Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 187–219 (in Russian).

Козьмина Я.Я., Сивак Е.В. (2015) Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4): 65–81.

Kozmina Ya.Ya., Sivak E.V. (2015) Do Disagreements with Relatives about Child-Rearing and Care Rules Affect Parental Self-Efficacy? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(4): 65–81 (in Russian).

Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. (2016) Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(5): 76–97.

Kosyakova Yu., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(5): 76–97 (in Russian).

Лукина А.А. (2023) Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании. *Вопросы образования*, 2: 133–160.

Lukina A.A. (2023) Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2: 133–160 (in Russian).

Романенко К.Р. (2024) «Особого выбора не было»: институциональные условия и культурные нарративы образовательного выбора в моногородах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 204–229.

Romanenko K.R. (2024) "There Was No Real Choice": Institutional Conditions and Cultural Narratives of Educational Choice in Single-Industry Towns. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 204–229 (in Russian).

Рощина Я.М. (2011) Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников. *Вопросы образования*, 4: 257–277.

Roshchina Ya.M. (2011) Family Capital as a Factor of Educational Opportunities for Russian Schoolchildren. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 257–277 (in Russian).

Сивак Е. (2023) Особенности представлений родителей о воспитании детей. В: Поливанова К.Н. (ред.) *Материнство: новые дискурсы, проблемы, практики*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 18–30.

Sivak E. (2023) Features of Parents' Ideas about Child-Rearing. In: Polivanova K.N. (ed.) *Materinstvo: novye diskursy, problemy, praktiki* [Motherhood: New Discourses, Problems, Practices]. Moscow: HSE Publishing House: 18–30 (in Russian).

Соколов М.М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31(1): 71–91.

Sokolov M.M. (2019) Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(1): 71–91 (in Russian).

Тенишева К.А., Болотова В.А. (2023) Академическая резильентность учащихся российских школ: возможности компенсации низкого семейного статуса и последствий школьного буллинга. *Вопросы образования*, 4: 241–274.

Tenisheva K.A., Bolotova V.A. (2023) Academic Resilience of Russian School Students: Opportunities to Compensate for Low Family Status and the Consequences of School Bullying. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 241–274 (in Russian).

Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. (2019) Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи. *Журнал исследований социальной политики*, 17(4): 539–554.

Khavenson T.E., Chirkina T.A. (2019) Students' Educational Choices after the 9th and 11th Grades: Comparing Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 17(4): 539–554 (in Russian).

Чередниченко Г.А. (2023) Перемены в послешкольных траекториях молодежи: социальная дифференциация. *Социологические исследования*, 9: 51–62.

Cherednichenko G.A. (2023) Changes in Young People's Post-School Trajectories: Social Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 51–62 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2016) Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 521–534.

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. (2016) Professionalization of Parenthood: Between Expert and Everyday Knowledge. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(4): 521–534 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2023) *Путевка в жизнь. Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. (2023) *Putevka v zhizn. Sotsiologicheskie esse ob obrazovanii, klassovom neravenstve i sotsialnom isklyuchenii v Rossii* [A Ticket to Life: Sociological Essays on Education, Class Inequality and Social Exclusion in Russia]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press (in Russian).

Шпаковская Л.Л. (2015) Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства. *Журнал исследований социальной политики*, 13(2): 211–224.

Shpakovskaya L.L. (2015) Parents' Educational Aspirations as a Mechanism of Reproduction of Social Inequality. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13(2): 211–224 (in Russian).

Baker D.P., Stevenson D.L. (1986) Mothers' Strategies for Children's School Achievement: Managing the Transition to High School. *Sociology of Education*, 59(3): 156–166.

Bernstein B. (1990) *Class, Codes and Control, Volume IV: The Structuring of Pedagogic Discourse*. London, UK: Routledge.

Bodovski K. (2010) Parental Practices and Educational Achievement: Social Class, Race, and Habitus. *British Journal of Sociology of Education,* 31(2): 139–156.

Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York: Wiley.

Bourdieu P. (1990) *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity.

Brantlinger E. (2003) *Dividing Classes: How the Middle Class Negotiates and Rationalizes School Advantage*. New York, NY: Routledge.

Calarco J.M. (2018) *Negotiating Opportunities: How the Middle Class Secures Advantages in School*. New York: Oxford University Press.

Eccles J.S. (2007) Families, schools, and developing achievement-related motivations and engagement. In: Grusec J.E., Hastings P.D. (eds.) *Handbook of Socialization*: *Theory and Research*. N.Y.: The Guilford Press: 665–691.

Elder G.H., Eccles J.S., Ardelt M., Lord S. (1995) Inner-city parents under economic pressure: Perspectives on the strategies of parenting. *Journal of Marriage and the Family*, 57(3): 771–784.

Espinoza R. (2011) *Pivotal moments: how educators can put all students on the path to college*. Cambridge, MA: Harvard Education Press.

Gaur D., Pandey S.K., Karabchuk T., Sharma D.P. (2025) Academic Track Choices, Educational Achievements and Social Inequality in India. *Educational Studies Moscow,* 3: 176–197.

Giddens A. (1991) *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press.

Guhin J., Calarco J.M., Miller-Idriss C. (2021) Whatever happened to socialization? *Annual Review of Sociology*, 47: 109–129.

Gu X. (2021) Parenting for success: the value of children and intensive parenting in post-reform China. *Child Indicators Research*, 14: 555–581.

Hays S. (1996) *The cultural contradictions of motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press.

Hoff E., Laursen B., Tardif T. (2002) Socioeconomic status and parenting. In: Bornstein M.H. (ed.) *Handbook of parenting*. 2nd ed. Mahwah, NJ: Erlbaum: 421–448.

Horvat E., Weininger B., Lareau A. (2003) From social ties to social capital: class differences in the relations between schools and parent networks. *American Educational Research Journal*, 40(2): 319–351.

Kalil A., Ryan R. (2020) Parenting practices and socioeconomic gaps in childhood outcomes. T*he Future of Children*, 30(1): 29–54.

Kohn M.L. (1963) Social Class and Parent-Child Relationships: An Interpretation. *American Journal of Sociology*, 68(4): 471–480.

Lamont M., Beljean S., Clair M. (2014) What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review,* 12(3): 573–608.

Lamont M. (2000) *The dignity of working men. Morality and the boundaries of race, class, and immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lareau A., Weininger E.B. (2003) Cultural capital in educational research: A critical assessment. *Theory and Society*, 32: 567–606.

Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life.* Berkeley: University of California Press.

Lareau A. (2015) Cultural knowledge and social inequality. *American Sociological Review*, 80(1): 1–27.

Lee T.T. (2023) Social class, intensive parenting norms and parental values for children. *Current Sociology*, 71(6): 964–981.

Luster T., Rhoades K., Haas B. (1989) The relation between parental values and parenting behavior: a test of the Kohn hypothesis. *Journal of Marriage and Family,* 51(1): 139–147.

Mallman M. (2017) The perceived inherent vice of working-class university students. *The Sociological Review*, 65(2): 235–250.

Minina E., Pavlenko E. (2023) "Choosing the lesser of evils": cultural narrative and career decision-making in post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*, 26(9): 1109–1129.

Nelson M., Schutz R. (2007) Day Care Differences and the Reproduction of Social Class. *Journal of Contemporary Ethnography*, 36(3): 281–317.

Nelson M. (2010) *Parenting out of control: Anxious parents in uncertain times*. New York: New York University Press.

Parsons T. (1951) *The Social System*. New York: Free Press.

Prout A., James A. (2003) A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems. In: James A., Prout A. (eds.) *Constructing and Reconstructing Childhood.* 2nd ed. London: Falmer Press: 7–33.

Raftery J.N., Grolnick W.S., Flamm E.S. (2012) Families as facilitators of student engagement: Toward a home-school partnership model. In: Christenson S.L., Reschly A.L., Wylie C. (eds.) *Handbook of research on student engagement*. New York: Springer: 343–364.

Ramos-Zayas A.Y. (2019) Sovereign parenting in affluent Latin American neighborhoods: race and the politics of childcare in Ipanema (Brazil) and El Condado (Puerto Rico). *Journal of Latin American Studies*, 51(3): 639–663.

Raviv T., Kessenich M., Morrison F.J. (2004) A mediational model of the association between socioeconomic status and three-year-old language abilities: The role of parenting factors. *Early Childhood Research Quarterly*, 19(4): 528–547.

Richards B.N. (2022) Help-seeking behaviors as cultural capital: cultural guides and the transition from high school to college among low-income first generation students. *Social Problems*, 69(1): 241–260

Rowe M.L., Denmark N., Harden B.J., Stapleton L.M. (2016) The role of parent education and parenting knowledge in children's language and literacy skills among white, black, and Latino families. *Infant and Child Development*, 25(2): 198–220.

Sivak E. (2018) Managing grandparental involvement in child-rearing in the context of intensive parenting. *Sociological Research Online*, 23(4): 830–846.

Skeggs B. (2004) Exchange, value and affect: Bourdieu and "the self". The *Sociological Review*, 52(2): 75–95.

Small M.L., Harding D., Lamont M. (2010) Reconsidering Culture and Poverty. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629(1): 1–22.

Streib J. (2011) Class Reproduction by Four Year Olds. *Qualitative Sociology*, 34: 337–352.

Useem E.L. (1992) Middle School Math Groups: Parents' Involvement in Children's Placement. *Sociology of Education,* 65(4): 263–279.

Vernon-Feagans L., Pancsofar N., Willoughby M., Odom E., Quade A., Cox M. (2008) Predictors of maternal language to infants during a picture book task in the home: Family SES, child characteristics and the parenting environment. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(3): 213–226.

Wheeler S. (2017) 'Essential assistance' versus 'concerted cultivation': theorising class-based patterns of parenting in Britain. *Pedagogy, Culture & Society,* 26(3): 327–344.

CLASS-SPECIFIC MODELS OF CHILD-REARING AS A CULTURAL MECHANISM FOR THE REPRODUCTION OF INEQUALITY[1]

Olesya D. Merkulova (olesya.merkulowa@gmail.com)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Merkulova O. (2026) Class-specific models of child-rearing as a cultural mechanism for the reproduction of inequality. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 205–228 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.8 EDN: DJYKSZ

Abstract. One of the key themes in research on the cultural mechanisms of inequality is the existence of class-specific child-rearing models, a phenomenon documented since the 1960s. Middle-class parents tend to focus on the child's personality, self-development, and successful socialization within the educational system and the high-skilled labor market. In contrast, working-class parents emphasize hierarchy, adherence to rules, and an earlier entry into the workforce. These child-rearing models lead to class-specific differences in an individual's sense of self, ways of interacting with oneself and the world, interpersonal relationship building, levels of ambition, and variations in interests and motivation. This article provides a review of research on class-specific child-rearing models and the theoretical concepts explaining these differences, while also examining the cultural and historical context of their emergence. The contribution of these differences to the reproduction of inequality is analyzed. Finally, the article highlights the Russian context of cultural differences in parenting, particularly as they relate to the generational gap.

Keywords: inequality, social mobility, class-specific child-rearing models, cultural mechanisms of inequality, intensive parenting, concerted cultivation, accomplishment of natural growth.

[1] The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22–18–00533).

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ НЕГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ (по материалам российских фолк-хоррор фильмов и сериалов)

Ольга Вячеславовна Сергеева (o.v.sergeeva@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сергеева О.В. (2026) Визуальная антропология негородских пространств (по материалам российских фолк-хоррор фильмов и сериалов). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 229–250.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.9 EDN: DKSRQC

Аннотация. Рассматривается негородское пространство как ключевой художественный ресурс российского фолк-хоррора и его вклад в массовое географическое воображение. Используется перцептивно ориентированная теория кино Т. Эльзессера и М. Хагенера для визуально-антропологической интерпретации мест сюжетного развития фильмов. Эмпирический материал включает отечественные фильмы и сериалы 1990–2020-х: «Прогулка по эшафоту», «Мертвые ласточки», «Топи», «Территория», якутские ленты «Маппа», «Наахара», «Иччи», «Хара дьай». Показано, что негородские ландшафты фолк-хоррора служат не только фоном, но и структурируют опыт зрителя. Лес, болото, тундра работают как пороговые пространства, дом — как проницаемый хронотоп для вторжения мистических сил, локальные сообщества — как хранители памяти и правил. Стихия природы, удаленность от предсказуемого пространства города становятся вызовом для героев и их движением по пути самораскрытия. Сенсорные (гаптические и акустические) характеристики фильмов переводят травматические социальные темы в режим осязательно-слухового переживания зрителей, формируя «аффективную карту» репрезентированных пространств. Когнитивные структуры кинонарративов моделируют ассоциативную работу мышления и конфликт рациональных установок с мифологическими табу. Делается вывод, что фолк-хоррор создает перцептивные знания о местах, которые окрашивают для людей их повседневные встречи с реальным пространством и поддерживают атмосферу ландшафта. Методологический вклад статьи заключается в соотнесении перцептивных регистров с социологией пространства и памяти: показано, как жанровые формулы активируют схемы топофобии, воспроизводят границы своего/чужого и обучают зрителя практикам осторожности и уважения к локальным нормам, а также экологической чувствительности за пределами урбанизированной среды.

Ключевые слова: визуальная антропология, кино, фолк-хоррор, воображение пространства, негородское пространство, сенсорика.

Что такое фолк-хоррор и социологические вопросы его исследования

Когда исследователи, представляющие социальные науки, обращаются к кино, то один из важных результатов их работы связан с обсуждением эстетики и художественных приемов в качестве способов выражения мировоззрения, политики, экономики, технологии и других составляющих эпохи. Воображаемое пространство кинематографа позволяет не только увидеть и понять, но и почувствовать социальные веяния в жизни человека. И в этом смысле фильмы любого жанра, даже фантастического, имеют свою ценность как материал для анализа.

Подходом, который дает возможность в том числе социологам анализировать предысторию и вскрывать подтексты репрезентаций, изучая образы как источники информации об обществе, является визуальная антропология (Круткин, Романов, Ярская-Смирнова 2007: 8). Отечественные социологи, ставшие пионерами этого подхода, писали: «Визуальная антропология не образует точную предметную область, она выступает обобщенным названием совокупности стратегий исследования визуальных систем» (Круткин, Романов, Ярская-Смирнова 2007: 8). Можно сказать, что социологи, работающие с визуальным с помощью интерпретативных методик, входят в эту «совокупность стратегий» визуальной антропологии и начинают более гибко сочетать науку и художественный анализ.

Киноматериал, составивший объект исследования и основу данной статьи — это фантастические фильмы и сериалы, сюжеты которых связаны с негородским, т.е. с сельским, а также природным пространством. Несколько десятилетий назад в языке анализа кино появился термин «фолк-хоррор», и именно это понятие берется в качестве рабочего применительно к российским фильмам, диапазон выхода которых охватывает 1990-е годы по настоящее время. Что такое фолк-хоррор в кино и какие зарубежные исследования этого направления существуют, объясняет А. В. Павлов (Павлов 2023). Он же приводит определения фолк-хоррора, которые есть у ведущих исследователей жанра А. Сковелла (Scovell 2017) и Б. Графиуса (Grafius 2020). Можно сказать, что специфика фолк-хоррора трактуется либо с акцентом на ландшафте (сюжет связан с мистикой изоляции и удаления места действия от привычной цивилизации), либо с особым вниманием к народной мифологии (волшебство и непредсказуемость являющейся героям-путешественникам хтони). В любом случае средовые аспекты фолк-хоррора принципиальны, поскольку влияние таинственных сил, связанных с древними легендами и архаикой, стано-

вится возможным благодаря попаданию героев в непривычную и незнакомую местность.

Почему фолк-хоррор актуален для социологического внимания? При обсуждении социокультурных причин развития этого жанра, в частности в кино, подчеркивают обычно, что здесь замешана культурная политика, на которую опирается хоррор-эстетика. Британский социолог и культурный географ Дж. Терджилл пишет об этом как о попытке эксплуатировать процесс поддержания инаковости, проявляющийся в изображении негородских мест в качестве чего-то выходящего за рамки нормы. Фолк-хоррор развивает управление пространством, которое работает на отчуждение сельских сообществ от современного образа жизни, помещая их в контекст как духовной, так и физической угрозы (Thurgill 2020: 33–34). Типичные смыслы инаковости, на которых основывается проведение границ, следующие: 1) сельская местность как хранилище народных или языческих верований и среда для сообществ, противоречащих или конфликтующих с рациональностью, укоренившейся во всем остальном просвещенном мире; 2) сельская местность как пространство, враждебное по отношению к человеку из города (чужаку), не знающему и не понимающему природы и жизни в деревне; 3) сельская местность как пространство, скрывающее забытые трагические истории. То есть социологическое обращение к произведениям в жанре фолк-хоррора позволяет объяснить воспроизводство топофобий, а при более общей постановке исследовательского вопроса — формирование чувства места, идентичности места и в целом роли конкретных мест (сельских и природных) для опыта человека.

Включение в академическую дискуссию о развитии фолк-хоррора российских фильмов этого жанра представляется интересным и своевременным. Отечественный кинематограф, особенно в настоящее время, постоянно пополняется такими лентами, но исследовательских работ, в которых обсуждались бы именно наши фильмы почти нет (есть рецензии, подкасты, блог-обзоры[1]). Одна из немногих научных статей написана философом-религиоведом Р. В. Шиженским, который определяет инварианты языческой культуры, тиражирующиеся в отечественных и зарубежных фильмах для создания сюжетов об изолированных сообществах (Шиженский 2023). Неосвоенность темы преодолевается за счет нарастающего потока публикаций, где анализируются фольклорно-мистические фильмы Республики Саха (Якутия) (Федорова, Данилова 2025; Марсан

[1] Отечественные фолк-хоррор сериалы [https://pikabu.ru/story/otechestvennyie_folkkhorror_serialyi_9475246] (дата обращения: 21.09.2025).

2024; Радаева 2022). Ужас прорыва «нижнего мира» в наш мир, представленный якутскими режиссерами, есть экспрессивная форма репрезентации социальных проблем, таких как давление урбанизации на народные традиции, пренебрежение к местным устоям и травмы локального сообщества.

Если взять анализ не только отечественных фолк-хоррор фильмов, но и книг, то нетривиальное мнение высказывает писатель и колумнист М. С. Галина. Она считает, что российские книги со страшными сюжетами более, чем западные, тяготеют к образам «столкновения горожанина с враждебной деревней природой, со странными людьми, там обитающими, со странными существами» (Галина 2020: 346), что связано с советскими потрясениями и преобразованиями деревенского мира. Вклад в дискуссию о мифопоэтике страшных пространств вносит изучение Е. А. Сафрон географии Севера в фолк-хоррор романах и рассказах российских писателей (Сафрон 2024). Все авторы, размышляющие о жанре ужасов вообще и о фольклорных сюжетах в частности констатируют невозможность появления таких произведений в советский период из-за установки культуры на социальный оптимизм. При этом все называют фильм «Вий» (1967) как образец воспроизведения этнофольклора, на котором строились страшные истории Н.В. Гоголя. Вообще, согласно М. С. Галиной, русская литература ужасов развивалась до революции в общеевропейских ритмах, потом произошел разрыв, длившийся до снятия постсоветских идеологических ограничений. А вот на экране отечественные фильмы ужасов начали свою историю только с 1980-х гг. перестроечной эпохи, фолк-хоррор в том числе.

Итак, негородское пространство — важнейший художественный элемент фильмов в жанре фолк-хоррор. Понятие «негородское пространство» фиксирует в данном случае исходную жанровую установку этого вида хоррора на столкновение с чем-то страшным за пределами рациональной урбанизированной организации жизни. Кроме того, говоря о негородском, мы имеем возможность соединить в одном слове ключевые места действия — лес, деревню, хутор, проселочные дороги и т.д. Каким образом работают такие фильмы с массовым географическим воображением? Концепции пространства, постигаемые посредством кино, могут способствовать формированию наших перцептивных знаний, которые, в свою очередь, могут окрашивать наши повседневные встречи/столкновения с пространством, когда мы перемещаемся по местам реального мира. Этот тезис является отправной точкой для визуально-антропологического изучения российских фолк-хоррор фильмов и сериалов.

Перцептивный опыт как основание исследования кино

Фильм как перцептивное событие все чаще становится предметом дискуссий, что во многом связано с мобильными гаджетами (просмотр «на ходу»), развитием технологизированной практики наблюдения мира (машинное зрение), с формами вовлечения (импакт-медиа). Тон задается сторонниками когнитивного подхода, которые, как, например, Т. Эльзессер и М. Хагенер, подчеркивают: «Отношение тела зрителя к движущемуся изображению является ключевой исторической переменной, значимость которой недооценивается» (Эльзессер, Хагенер 2016: 28). Представляется эвристичным изучить негородские миры фолк-хоррора, опираясь на идеи ученых-когнитивистов и вводя переменную кинопроектирования физического опыта зрительства. Апелляция к возможному телесному отклику зрителей в качестве исходной установки визуального анализа очень важна и продуктивна применительно к фолк-хоррору, поскольку, как и хоррор в целом, этот жанр является «телесным», создающим ярко выраженную физическую реакцию аудитории («мурашки», «закрыть глаза и уши» в самых острых местах фильма и т.п.).

Разработка идей об аффективном соучастии и телесном вовлечении человека перед экраном, а не только обращении к его глазу, велась преимущественно Т. Эльзессером в течение двух десятилетий XXI в. Чтобы анализировать кинотексты российского фолк-хоррора, обозначим некоторые находки ученого, максимально релевантные для интерпретации воссоздаваемого пугающего пространства.

В работе 2009-го года, которую можно считать одной из вводных для возродившихся в наши дни дебатов о киноопыте, немецкий кинотеоретик разбирает телесную воплощенность зрительского вовлечения. Т. Эльзессер задает вопрос «Что снова и снова возвращает нас к экрану?» и отвечает: «предвкушение экстремального опыта нахождения на “границе”» (Elsaesser 2009: 297). Кино выводит нас за рамки обыденного, но это еще и особое состояние под влиянием двух императивов — пассивной восприимчивости и обостренного, активного осознания. Киноопыт можно представить через границы нашего ощущения тела vs развоплощенности, агентности vs беспомощности, управление временем vs шок от его необратимости.

По мнению Т. Эльзессера, понятие тела в качестве значимой переменной опыта наиболее заметно начали обсуждать именно исследователи фильмов ужасов (Carroll 1990; Clover 1993; Smith 1995; Noll Brinckmann 1999). Восприятие фильма, согласно этим авторам, предполагает целостную перцепцию, а не просто метонимическую представленность всего

зрителя через глаз/взгляд или метафорическое обозначение его как носителя закодированных культурных кодов.

Идеи о связи между просматриваемым фильмом, его восприятием и телом зрителя обобщены в книге Т. Эльзессера в соавторстве с М. Хагенером, вышедшей на английском в 2010-м, на русском — в 2016-м. Создатели фильма действуют в пределах той или иной кинематографической парадигмы, поэтому «любой вид кинематографа предусматривает некоего идеального зрителя» и постулирует «определенное отношение между зрителем (и его телом) и изображением на экране (его свойствами)» (Эльзессер, Хагенер 2016: 22). Первый вариант идеального зрительского опыта обозначается авторами книги концептуальной метафорой «окно/рамка». При таком подходе господствует окулярноцентристская трактовка кино, а зритель понимается как полностью отрезанный от событий фильма. «Дверь и порог» — это второй вариант взаимодействия зрителя с фильмом. Предполагается, что есть не просто наблюдение истории, выделенной кем-то в раму, но возможно вхождение в киномир, как физическое (загорается экран, идут титры и т.п.), так и метафорическое (зритель забывает свое здесь-и-сейчас и живет с героями). Третий вариант зрительского опыта «зеркало/лицо» сконцентрирован на самореференции смотрящего фильм человека. Фильмическое изображение дает человеку переживание и размышление о себе. Зритель смотрит на киноэкран как будто в зеркало и может увидеть себя заново (Эльзессер, Хагенер 2016: 128). Четвертое, зритель и фильм могут быть связаны практикой властного пристального взгляда (кино как подвижный и всевидящий глаз). Быть зрителем значит усилить свое восприятие за счет кино как «машины зрения» или протеза, посредством которого создатели фильма делятся своей силой наблюдающего ока со зрителем (Эльзессер, Хагенер 2016: 173).

Окулярноцентристские воздействия кинематографа не исчерпывают весь диапазон ощущений зрителя. Мы можем говорить еще о кино как гаптическом опыте (пятый вариант опыта — кино как кожа). Тело зрителя, в частности его кожа, проявляет себя в физиологических и аффективных реакциях на то, что происходит на экране. Действует принцип синестезии: телесные жанры кино (например, ужасы) «дотрагиваются» до зрителя, который не только смотрит историю на экране, но и холодеет и цепенеет (Эльзессер, Хагенер 2016: 231). Кино можно также считать органом слуха (шестой вариант), и совсем неправомерно полагать, что звук в кино есть приложение к визуальной информации. Трехмерный звук наделяет двухмерное изображение осязаемостью. Ухо является «органом страха», поскольку именно ухо, а не глаз может сигнализировать об окружающих явлениях, когда они в темноте или за спиной. Наконец, еще один,

аспект зрительской перцепции, который анализируется Т. Эльзессером и М. Хагенером, связан с работой мозга/мышления. Фильм не исчезает после просмотра, он начинает жить внутри нас в процессах обдумывания, сравнения, воспоминания. Фильмы вплетены во время, сознание и «я» (Эльзессер, Хагенер 2016: 299). Кино как эпистемологическая сила генерирует знание, которое невозможно получить иным способом. Недаром в кинематографе, особенно в современном, есть особая традиция фильмов о работе сознания (провалы памяти, паранойя, шизофрения) или о процессах мышления (решение задач, воспоминание, моделирование ситуаций).

Когда мы рассматриваем кино как модус опыта, то и условия зрительства, и аффективность, которую эти условия порождают, являются частью исторически специфической (визуально-сенсорной) культуры, подверженной изменениям и доступной для анализа в социологической перспективе. Такая исследовательская установка привела Эльзессера к определению фильмов-головоломок (mind-game films) в качестве симптомов произошедшего в новом тысячелетии культурного сдвига, ломающего традиционные категории «причина — следствие», «автор — зритель», «реальность — иллюзия». В головоломках пересекается множество реальностей — сон, онлайн-пространство, параллельные вселенные и т.д., поэтому зритель сталкивается с кризисом интерпретации и различения реальностей (Elsaesser 2021).

Итак, когнитивный подход к кинематографу, представленный, в частности, идеями Т. Эльзессера и М. Хагенера, ставит вопрос о перцептивных регистрах, которые моделируются при создании фильмов и становятся характеристиками того или иного произведения, инициируя затем определенный зрительский опыт. Данная логика — глаз + эмоции + тело — принимается в качестве основания для анализа смыслообразующей роли территорий/ландшафтов в российских фолк-хоррор фильмах. Анализируется не весь корпус имеющихся картин данного жанра. Отбор обусловлен целью исследовать перцептивную составляющую пространственных особенностей негородских фильмических «мест страха» с охватом хронологии от 1990-х годов к третьему десятилетию XXI в.

«Кто я?»: проверка пространством в фолк-хорроре

Фильм на экране в качестве зеркала, которое отражает взлеты и падения личности либо показывает истинную сущность героя, до времени скрывающуюся под обычной внешностью, — в гамму таких переживаний вовлекается зритель фолк-хоррора. Примечательно, как именно этот жанр предлагает зрителю рефлексию и работу с идентичностью, поскольку

в арсенале хоррора есть возможность создавать аллотопию или мир, кардинально отличающийся по своим законам и живущим там существам от реальности. Отчасти собственно это преломление в зеркале фантазийного пространства позволяет фолк-хоррору открывать забытые варварства и несправедливости и заставлять нас по-новому взглянуть на себя.

Кинематограф преимущественно предполагает зрителя-горожанина, зрителя, кодируемого в качестве урбанизированного субъекта, впитавшего противоречивые устремления «урбанизма как образа жизни» — атомизацию, гипертрофированное потребление, инфантилизм и эгоцентризм. Поэтому пространство за пределами предсказуемой среды города становится вызовом, проверкой и движением по пути самораскрытия. Горожане, герои фильмов, попадающие в глубинку, открывают в себе очень разные составляющие личности и, естественно, подталкивают к похожим вопросам зрителя.

В одном из первых российских фильмов ужасов «Прогулка по эшафоту» (1992) зрителям дается шанс увидеть (и прочувствовать) дилеммы человека-гражданина эпохи перестройки. По сюжету фильма молодые люди, «он» и «она», поехавшие в путешествие на природу, оказываются на лесном острове где-то в средней полосе России. Неожиданно на этом острове появляется мистический «хозяин», и начинают исполняться желания героев о комфортабельном, «люксовом» отдыхе с едой, напитками, гламурным интерьером. Вышедший в самом начале 1990-х фильм через созданный фанатзийный мир показывает, от чего надо отказаться человеку для жизни среди рыночного изобилия. В эссе, посвященном «Прогулке по эшафоту», акцентируется новая форма несвободы: «Но советские-то люди привыкли к совсем другому порядку вещей, они чувствуют в этом какой-то подвох. Как ни услужлив и ненавязчив “хозяин”, они чувствуют в нем скрытую и непонятную силу, от которой они зависят, которая, как они смутно догадываются, и обеспечивает все те чудеса консьюмеризма, которыми наслаждаются наши экскурсанты в “капиталистическом раю”»[1]. Прямо, а не метафорически объясняется хирургическая боль социальной трансформации: «Чтобы переделать его в новую свободную личность, нужна небольшая операция на мозге. Но желает ли он сам ложиться под нож?» (Бузинный 2021). Пространство острова не позволяет героям его покинуть, тем самым обостряя вопрос выбора: либо принять условия хозяина острова и его блага, либо, скорее всего, погибнуть.

[1] Бузинный А. Обзор фильма «Прогулка по эшафоту» [https://proza.ru/2021/12/06/77] (дата обращения: 21.09.2025).

В связи с ролью кино как зеркала теоретики обсуждают функции крупного плана и демонстрации зрителю лиц героев. Крупный план проявляет смысл и доносит идею (Эльзессер, Хагенер 2016: 127). Если понимать «Прогулку по эшафоту» в качестве зеркала, то поколения взрослых советских людей, шагнувших в трансформации 1990-х, смогли увидеть благодаря крупному плану на лице главного героя в кадрах начала и финала фильма (фильм закольцован этими кадрами) ужас потери идентичности.

Помимо того, что экран и фильм дают зрителю возможность всмотреться в самого себя «через феноменологическое заражение персонажем» (Эльзессер, Хагенер 2016: 131), в хоррор-кинематографе часто присутствует зеркало как один из самых магических материальных предметов. Зеркало — глубоко символический артефакт, через который раскрывается граница между видимым и невидимым, реальным и сверхъестественным. Зеркальная поверхность становится своеобразным порталом, способным выявлять скрытые мистические сущности и внутренние аспекты человеческой души, недоступные обычному зрению. Эта метафора работает в российском фолк-хорроре «Мертвые ласточки» (2018), где зеркало в финальных кадрах фильма служит неким зеркалом правды: герой, столкнувшись с хтоническими силами русского леса и подвергшийся их испытанию, видит в отражении не просто себя, а свою истинную, пугающую сущность — виновного и разрушенного внутренне человека. Такой образ акцентирует некоторое моральное правило: в экстремальных условиях скрытые стороны личности неизбежно выходят на свет, заставляя персонаж и зрителя переосмыслить грани человеческой природы и ответственности за свои поступки.

«Мертвые ласточки» — фильм, помогающий исследовать корни страха человека перед лесом и описать, как эта среда конструируется в качестве страшного пространства, оживляющего архетипы в нашем настоящем. Фолк-хоррор считается жанром, в котором реализуется повествование пространством. То есть ландшафтные особенности места действия фильма транслируют смысл, без которого невозможна история. Если размышлять в логике моделей восприятия кино Т. Эльзессера и М. Хагенера и добавить к опыту «зеркала» еще модус «окна/рамки», то становятся понятными нюансы смысла леса в фолк-хорроре. Опыт зрителя, связанный с рамкой, предполагает, что экран, действуя «рамочно», придает форму появляющимся образам. Зритель заражается пониманием явления таким образом, как его направляет рамка.

Лес захватывал воображение с незапамятных времен, занимая видное место как в мифологии, так и в современном культурном творчестве.

При систематизации составных частей волшебной сказки В. Я. Пропп писал о «темном, дремучем лесе»: «Лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев. <...> Лес окружает иное царство... дорога в иной мир ведет сквозь лес» (Пропп 2000: 40–41). В современной работе о символике леса не только в сказке, но и в научной фантастике подчеркивается популярность волшебно-сказочной первоструктуры леса для вымышленных миров. Лес в фантастике — один из главных героев произведения, как и в сказке: пройти лес значит победить (Неёлов 1983: 115).

Фильм в качестве «окна/рамки» удерживает взгляд зрителя, совершая некоторое принуждение к вхождению в диегетический мир. Так, мистика леса регулирует восприятие драмы героев, говорим ли мы о подобных ландшафтах фолк-хоррора вообще или конкретно о фильме «Мертвые ласточки». Кроме того, пример этого фильма демонстрирует, каким образом современное произведение возрождает архаическую символику, выводя на экран полную структуру волшебного леса. Мы видим опасную среду леса, проверяющую качества героя; волшебницу-ягу (в фильме это шишимора/кикимора), воплощающую традиционно женское начало таинственных сил; также есть более знающий помощник героя и дом в лесу, проницаемый для вторжения враждебного потустороннего. Соответственно, зритель становится свидетелем обряда инициации, но данного в авторской фильмической интерпретации.

Размышляя в укоренившейся сегодня логике обнаружения и обоснования научных «поворотов» в социогуманитарном знании, вполне возможно говорить о проблемах, методе, языке «экологического поворота». Такой поворот предполагает рассмотрение проблем культуры и общества в природно-экологической перспективе. Более того, появляются новые концепты, среди которых — актуальная для темы фолк-хоррора «темная экология». Данный концепт встраивается в критическую теорию, альтернативную просвещенческому рациональному подходу к природе как удобной мастерской для человека (Morton 2016; Мортон 2019). Темная экология акцентирует видение природы в качестве намного более непредсказуемой силы, чем то, что дают научные модели и законы ее объяснения.

Аналитика фолк-хоррора идет в унисон и получает творческий импульс с развитием экологического поворота в социогуманитаристике. Актуальной для темы леса в культурном/географическом воображении является книга британской исследовательницы Э. Паркер «Лес и эко-готика: дремучие темные леса в массовом сознании» (Parker 2020). В отличие от классических идей фольклористов и ученых, изучавших мифы в XIX–XX вв., Э. Паркер

строит свою концепцию леса под влиянием современных онтологических изысканий, стремясь понять наши отношения с окружающими мирами, выходящими за рамки человеческого. Лес с точки зрения темной экологии — одно из мест на планете, существовавшее до человека и могущее быть (жить) без человека, поэтому страх перед стихией леса универсален. Вместе с тем Э. Паркер формулирует свою гипотезу в виде тезисов о том, почему мы боимся леса, и в этом есть связь с тревогами и волнениями из разных эпох. Согласно им, лес противостоит цивилизации; ассоциируется с прошлым; является ландшафтом испытаний; местом, где мы теряемся; поглощающей угрозой; пространством человеческого подсознания; антихристианской территорией (Parker 2020: 47).

Удаленные негородские пространства фолк-хоррора являются важным компонентом перцептивного опыта зрителя этих фильмов. Испытание вне цивилизации и привычных порядков жизни, что представляет собой повторяющийся мотив в фолк-хорроре, подводит героев к решению экзистенциального вопроса «Кто я?» «Зеркало», «окно/рамка» открывают зрителю действия и характеристики героя, соблазненного идеей отдыха и обретения новых сил на природе. Согласно подходу, объясняющему регистры восприятия фильма, лес оказывается тем ландшафтом, который может сломать установку на развоплощенный взгляд у зрителя, пробуждая трепет и ужас.

Место травмы. Прошлое и история в фолк-хорроре

Фолк-хоррор во многом основан на обращении к прошлому, будь то личная история героев, социальные повороты «большой истории» или их пересечение. А поскольку, как правило, действие фильмов происходит в сельской местности и затрагивает народные обычаи, древние верования, быт негородских жителей, то этот жанр добавляет еще один ракурс к крестьяноведению, как бы смело это ни звучало. Стоит сказать, что визуальные реконструкции деревенских социумов — не самый популярный объект исследования. Недавно вышедшая книга историков Л. Н. Мазур и О. В. Горбачева о деревне в советском кино (Мазур, Горбачев 2022) способствовала дискусси рецензентов о методологии обращения с кинопроизведениями как для социально-исторического анализа негородских реалий, так и для выводов об эволюции темы (Фокин, Степанов 2022; Осипова 2022). Но естественно, что в корпусе проанализированных фильмов за 1920–1991 гг., посвященных деревне, хоррор-фильмы отсутствуют. Тем более актуально обратиться к мистическому фантазийному преломлению темы деревни и окружающей ее природы в фильмах, которые стали выходить на отечественный экран с 1990-х годов.

В представленном исследовании основанием для анализа социально-исторических конфликтов и катастроф, отраженных в фолк-хорроре, выступает модус зрительской перцепции. В частности, значительную новизну в дискуссию о народных/семейных/личных травмах вносит реконструкция гаптических и акустических ощущений при просмотре фолк-хоррора. Следуя идеям когнитивного подхода, напомним об оппозиции «развоплощенные — телесные» жанры: в фильмах «телесных жанров», например ужасах, «телесные реакции выходят за пределы экрана, охватывая зрителя и "дотрагиваясь" до него» (Эльзессер, Хагенер 2016: 231). Избыточность ощущений у зрителя, в частности гаптических и акустических, сокращает дистанцию «чистого наблюдения», но именно это и является частью ожиданий от данного жанра. В киноведческой теории полагается, что между зрителями и создателями фильмов ужасов есть своеобразный контракт на доставку «мурашек по коже»: «Зрители платят деньги за билет, а создатели фильма средствами кино программируют получение ими определенных эмоций» (Комм 2012: 8). Следовательно, восприятие фильма всем телом благодаря приемам, которые используются при съемке, характеризует ужасы.

Что же дают негородские пространства фолк-хоррора в сенсорной оболочке «кожи» и «уха» для разговора о травмах истории? Важный и интересный кейс в визуально-антропологическом исследовании перцептивного преломления коллизий прошлого представлен современным якутским кинематографом. Вообще о фильмах, снимаемых кинокомпанией «Сахафильм», говорят как о культурном ренессансе, импульс которого воспринят далеко за пределами региона[1]. Одной из сил, влияющей на ренессансный подъем, считают сопротивление якутов утратам этнических компонентов культуры и социальности, которые вопреки всему новые поколения не должны забыть (Пудов 2022). Каждый фильм можно анализировать как «лабораторию ощущений» (выражение Т. Эльзессера и М. Хагенера). Согласно этой установке, телесные переживания стихий воды, огня, почвы, снега/мороза в якутском кино являются ресурсами для зрительской эмпатии.

Создатели «Иччи» (2021) в полной мере реализуют практику перевода чувственного восприятия ночной темноты, вязкой сырой дороги, частокола сухих деревьев, сырого тумана у Ленских столбов в размышления о причинах столкновения людей с темными духами. В ночном простран-

[1] Якутские режиссеры представят свои проекты на Каннском фестивале [https://ysia.ru/yakutskie-rezhissery-predstavyat-svoi-proekty-na-kannskom-festivale/] (дата обращения: 21.09.2025).

стве, не подконтрольном законам обычной жизни, переплетаются трагедии двух семей — живущих сегодня братьев Тимира и Айсена, а также девочки Мааппы и ее родных, бывших жителями этих мест в прошлом. Приемы «гаптики взгляда» в «Иччи» позволяют зрителю прочувствовать драму семейного разлада, в которой много типичного для сегодняшнего конфликта городского и деревенского, но также страдание от социального клеймения и исключения в истории Мааппы. Сенсориум фильма «Иччи» связан с канонами якутского фольклора, «где злое потустороннее начало, в отличие от добрых сил, никак не персонифицировано, не материализовано, т.е. нет четкого описания того, как эти темные сущности выглядят. <...> Есть некие абстрактные описания призрачных теней, напоминающих странных существ, либо чаще всего состояние тревоги, резкое нарушение спокойного течения жизни, атмосфера, сильно меняющаяся в присутствии Иного» (Марсан 2024: 125). «Рассказ пространством» о несчастьях и потерях героев происходит благодаря тревожному, ночному, иррациональному лесу и затягивающим безднам реки.

Значимый гаптический компонент в якутском фолк-хорроре, который, как видим, воспроизводит в этом случае каноны азиатского кинематографа, — это колдовское движение длинных черных волос у инфернальных героинь и шаманок. Хотя женщина-призрак как напоминание о несправедливости, зле, насилии, совершенном когда-то, существует не только в якутском фольклоре (вспомним образ русалки), но черные всплески оживающих волос воплощают этническое начало и являются силой, отменяющей развоплощенное восприятие происходящего на экране. На основе женской печальной истории построен легендарный для становления якутского кино фильм «Мааппа» (1986). Гаптические интерпретации вплетены в страшное путешествие к покинутой деревне Наахара (фильм «Наахара», 2007, снят под влиянием «Ведьмы из Блэр»). Наказание за непочтительное отношение к предкам выносят героям женщины-призраки, именно они заключают в себе знаки того, что все происходит уже в другой реальности, из которой нет возврата.

Передача ужаса присутствия потусторонних сил через атмосферу, а не через буквальную визуализацию, повышает значение акустических впечатлений в якутском фолк-хорроре. Теоретики кино подчеркивают проникающую способность звука: глаз скользит по поверхности «окна/рамки», «зеркала», но посредством звука человек включается в аффективную и пространственную канву фильма. Акустическая оболочка смеси реального с ирреальным, например в «Мааппе», — это «неторопливое повествование, “затягивающее” зрителя в созданное историей пространство, обрамленное... ритмизированным закадровым текстом и пением, отсылаю-

щим к исполнителям-олонхосутам» (Красильникова, Ляпкина 2022: 88). Противостояние деревенского, где есть будоражащая мистика звуковой реальности иного мира, и городского мобильного опыта существования в индивидуальном звуковом ландшафте раскрывается в одной из историй из киносборника «Хара дьай» (2016). Герой, сервисный инженер из города, спешит завершить работу в командировке и остается ночью ремонтировать камеры в офисном здании в поселке. У него в наушниках звучит музыка, и он не слышит, что в ночном пустом здании хозяйничают призраки. Зритель при этом уже понимает аномалию происходящего, что усиливается диссонансом между звуком (современная музыка в наушниках) и изображением (призрачное нечто приближается к герою).

Тайна места или пространство как когнитивный лабиринт

Вопрос о когнитивных измерениях зрительского опыта занимает важное место в современных исследованиях визуальной культуры. По Делезу, кинематограф философствует о движении и времени собственными средствами, становясь эпистемологической силой, способной производить знание, недостижимое иными формами (Делез 2004). Каким образом пространственные образы становятся не только элементом художественного мира, но и механизмом когнитивной работы зрительского сознания, мы видим на примере фолк-хоррор сериалов «Топи» (2021) и «Территория» (2020).

Оба сериала можно рассматривать как кинематографическое воплощение традиции фильмов, где изображаются механизмы вытеснения из памяти, флэшбэки, паранойя, состояния тревоги. Пространственная структура сериала выстраивается на постоянном смещении между реальными и мистическими окружениями, что моделирует механизмы ассоциативного мышления. Подобно тому как разум связывает разнородные фрагменты восприятия в сложную сеть значений, киномонтаж соединяет лесные чащи, деревенские ландшафты и мифологические проекции, создавая «ментальную карту» повествования.

Нелинейное течение времени — один из ключевых принципов делезовского понимания кино как философии движения и времени — проявляется здесь особенно отчетливо. В «Топях» смерть и жизнь, прошлое и будущее, сон и реальность существуют неразделимо. Зритель погружается в режим восприятия, где сознание героев становится экраном для фантазий, а экран с изображением — продолжением этих процессов. Таким образом, сериал не только транслирует нарратив, но и вовлекает в процесс мышления, где визуальные ряды работают как модели памяти и воображения. Заброшенный монастырь и лесные про-

странства обладают двойной функцией: они выступают физической декорацией и одновременно символическим языком, через который раскрываются архетипические темы страха, изоляции и поиска смысла действий. Местные жители и мистические фигуры оказываются не столько внешними персонажами, сколько отражениями внутренних состояний героев, проекциями вытесненного и подавленного. Эта стратегия подчеркивает, что пространство в «Топях» не является нейтральным фоном: оно играет роль эпистемологического инструмента, позволяющего исследовать аффективные и когнитивные механизмы, прежде всего памяти, вины, страха. Финальные сцены, где граница реального и мистического пространства полностью размывается, акцентируют динамику сознания, которое постоянно балансирует между фактами и иллюзиями. Здесь проявляется ключевая мысль Т. Эльзессера и М. Хагенера: фильм продолжает существовать в зрителе, поскольку его пространственные и временные решения активируют когнитивные процессы, аналогичные работе мышления. В итоге «Топи» функционируют как культурологический феномен, демонстрирующий возможность кинематографа быть расширением эпистемологического опыта, а не просто аттракционом.

Если в «Топях» пространство выступает ассоциативной моделью сознания, то в «Территории» оно предстает как когнитивный лабиринт, где рациональные карты мира сталкиваются с архаичными и мифологизированными. Тайга и окрестности Кудымкара представлены как непонятная и/или враждебная когнитивная среда, превращающая любое перемещение в испытание для разума. В этом пространстве городское рациональное мышление героев, прежде всего Егора, вступает в конфликт с локальными табу и мифологическими представлениями.

Деревня Городище и окружающий ее лес структурируются через сеть социальных и магических запретов. Слова о «медвежьем шамане» и ритуальные предостережения превращают физический ландшафт в пространство старинных обрядов, где нарушение границ чревато наказанием. Таким образом, пространство становится текстом, который считывается и интерпретируется героями, но не поддается рациональному контролю. Болото, в которое проваливается Егор, служит ключевым образом когнитивного «пространства-поглотителя». Здесь границы между сознанием и бессознательным размыты, а сам ландшафт оказывается порогом на пути в иное состояние. Этот мотив отсылает к архаическим моделям восприятия природы как живого и враждебного субъекта. Природа в «Территории» демонизируется и сакрализуется одновременно, становясь активным актором, формирующим сознание персонажей.

Телесное переживание пространства достигает кульминации в образе «икотки» — духа-болезни, который буквально проникает в тела героев. Тайга, таким образом, оказывается не только визуальным окружением, но и источником телесной трансформации, моделируя ситуацию, в которой пространство формирует идентичность буквально и напрямую. Интересен мотив навигатора с GPS-картами, оставленного родителями Егора. Этот технологический артефакт символизирует рациональное картографирование пространства, но в условиях тайги он оказывается бесполезным. Магический и мифологический порядок, управляющий территорией Пармы, нивелирует современные когнитивные инструменты. Особая роль отводится персонажам — хранителям памяти: ведьмам и шаманам. Они олицетворяют саму память пространства, воплощая его скрытые знания и правила. Здесь проявляется конфликт двух эпистемологических режимов: рационального и мифологического. Важным мотивом становится и ритуальное очищение пространства. Сцены казни ведьмы и сожжения избы показывают, что коллективные практики насилия конструируют пространство как социальное, регулируемое системой изгнания чужого.

Оба сериала демонстрируют, что фолк-хоррор как жанр обладает особым потенциалом для исследования когнитивных аспектов пространства. В каждом случае пространство оказывается эпистемологическим инструментом, поскольку не только отражает внутренние состояния героев, но и само производит знание или дает подсказки — о памяти, коллективном бессознательном, социальных табу, телесности и предельных состояниях сознания.

Заключение

Поставленная в работе цель — проанализировать, что и каким образом российские фолк-хоррор фильмы и сериалы транслируют для поддержания массового географического воображения, принимая во внимание, что негородское пространство является ключевым художественным элементом жанра, достигается через визуально-антропологическое прочтение фильмов в перцептивной перспективе. Опорой послужили регистры зрительского опыта, предложенные когнитивной теорией кино Т. Эльзессера и М. Хагенера: окно/рама, порог, зеркало/лицо, всевидящий взгляд, кино как «кожа», кино как «ухо», кино как «мозг». Такое теоретико-методологическое развитие темы позволило связать кинематографические образы негородского пространства с производством перцептивных знаний о местах и ландшафтах.

Во-первых, показано, что фолк-хоррор конструирует негородское пространство как испытание идентичности урбанизированного субъекта.

В «Прогулке по эшафоту» и «Мертвых ласточках» ландшафт не обрамляет действие, а раскрывает его: лес и изолированная деревенская сцена выступают зеркалом, где субъект сталкивается с собственными соблазнами и виной; через рамку/окно зритель подталкивается к специфической трактовке леса как пороговой зоны, а через зеркало — к саморефлексии. Возрождаются архаические структуры (лес-преграда, дом-порог, женские хтонические фигуры, помощник/проводник), что проецируется в массовое воображение как устойчивая схема инициации вне города.

Во-вторых, негородские пространства становятся медиумом травматических историй, где телесная и акустическая перцепция сближает дистанцию между экраном и зрителем. Якутские фильмы («Мааппа», «Наахара», «Иччи», «Хара дьай») демонстрируют «лабораторию ощущений»: ночь, сырость, ветер, движение волос у инфернальных героинь, ритмизированное пение и закадровые голоса переводят социальную память — о клеймении, исключении, нарушенных отношениях с предками — в режим осязательно-слухового опыта. Тем самым формируется аффективная карта Севера: лес и река кодируются как зоны риска, ответственности и долга, а не как схематичные декорации. Контракт «телесного жанра» с аудиторией («ужасы должны дотрагиваться») работает как механизм эмпатического усвоения прошлого.

В-третьих, сериалы «Топи» и «Территория» проявляют когнитивное измерение пространства. Воссозданное в кино пространство — эпистемический инструмент: оно производит знание о границах, ритуале, запрете и уязвимости субъекта. Нелинейные переходы между локусами моделируют работу ассоциативного мышления.

Фолк-хоррор в массовом географическом воображении воспроизводит набор схем — лес как порог/испытание, «место прошлого» и травмы, агент, поглощающий и сопротивляющийся картографированию; дом как проницаемый хронотоп угрозы; болото — образ постепенного погружения в нечто аномальное; негородское сообщество проявляет себя хранителем памяти и правил. Эти схемы, будучи усвоенными через зрительный, тактильный и акустический каналы, окрашивают наши повседневные встречи с реальными местами: усиливают настороженность на границах, возвращают уважение к локальным нормам и ритуалам, реочаровывают пейзажами. Проведенный анализ обращает внимание на работу киноиндустрии по проектированию соматических реакций и телесного отклика у аудитории. Киномир больше, чем репрезентация: у фильма и зрителя есть телесный контакт.

Литература / References

Галина М.С., Христофорова О.Б. (2020) «В России есть деревенская хтонь, ужас пустых отчужденных пространств»: Мария Галина о хорроре, взаимодействии литературы с реальностью и с фольклором: интервью. *Фольклор и антропология города*, 3(1–2): 345–350.

Galina M., Khristoforova O. (2020) "There are rural chtonic monsters in Russia, the horror of empty, estranged spaces": Maria Galina on horror and interaction of fiction with real life and folklore. *Folklor i antropologiya goroda* [Urban Folklore & Anthropology], 3(1–2): 345–350 (in Russian).

Делез Ж. (2004) *Кино*. М.: Ад Маргинем.

Deleuze G. (2004) *Cinema*. Moscow (in Russian).

Комм Д. Е. (2012) *Формулы страха. Введение в историю и теорию фильмов ужасов*. СПб.: БХВ-Петербург.

Komm D.E. (2012) *Formulas of Fear: Introduction to the History and Theory of Horror Films*. Saint Petersburg: BXV-Peterburg (in Russian).

Красильникова Г.А., Ляпкина Т.Ф. (2022) Кино Якутии в контексте диалога культур. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 2(51): 82–89.

Krasilnikova G.A., Lyapkina T.F. (2022) Cinema of Yakutia in the context of the dialog of cultures. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture], 2(51): 82–89 (in Russian).

Круткин В.Л., Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2007) Интеллектуальное поле визуальной антропологии. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В., Круткин В. Л. (ред.) *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность*. Саратов: Научная книга: 7–17.

Krutkin V.L., Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2007) Intellectual Field of Visual Anthropology. In: Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V., Krutkin V.L. (eds.) *Visual Anthropology: New Views of Social Reality*. Saratov: Nauchnaya kniga: 7–17 (in Russian).

Мазур Л.Н., Горбачев О.В. (2022) *Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа*. М.: РОССПЭН.

Mazur L.N., Gorbachev O.V. (2022) *Soviet Films about the Village: Experience of Historical Interpretation of an Artistic Image*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Марсан К. (2024) Мерцающий ужас — миф, морок, мистерия. Кочарян В. (ред.) *Якутское кино. Путь самоопределения*. М.: Музей современного искусства «Гараж»: 119–132.

Marsan K. (2024) Shimmering Horror — Myth, Mirage, Mystery. In: Kocharjan V. (ed.) *Yakut Cinema: The Path of Self-Determination*. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh»: 119–132 (in Russian).

Мортон Т. (2019) *Стать экологичным*. М.: Ад Маргинем.

Morton T. (2019) *Being Ecological*. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Неёлов Е.М. (1983) Образ Леса в народной сказке и научной фантастике. *Жанр и композиция литературного произведения*. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т: 104–120.

Neyolov E.M. (1983) The Image of the Forest in Folk Tales and Science Fiction. In: *Genre and Composition of Literary Work*. Petrozavodsk: Petrozavodskij gos un-t: 104–120 (in Russian).

Осипова Н.О. (2022) Деревня в исторической рефлексии советского кинематографа. *Вестник гуманитарного образования*, 3(27): 134–138.

Osipova N.O. (2022) The Village in Historical Reflection of Soviet Cinema. *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija* [Herald of Humanitarian Education], 3: 134–138 (in Russian).

Павлов А.В. (2023) Фолк-хоррор. Субжанр, изобретенный учеными. *Versus*, 3(4): 58–76.

Pavlov A.V. (2023) Folk Horror: A Subgenre Invented by Scholars. *Versus*, 3(4): 58–76 (in Russian).

Пропп В.Я. (2000) *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт.

Propp V.Ya. (2000) *The Historical Roots of the Fairy Tale*. Moscow: Labirint (in Russian).

Пудов А.Г. (2022) «Русский Голливуд» и «Сахавуд» в параллелях культурного ренессанса. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 198–210.

Pudov A.G. (2022) "Russian Hollywood" and "Sakhawood" in the Parallels of Cultural Renaissance. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2: 198–210 (in Russian).

Радаева Э.А. (2022) Традиции немецкого экспрессионизма в киноискусстве второй половины XX — начала XXI в. *Концепт: философия, религия, культура*, 6(3): 156–170.

Radaeva E.A. (2022) Traditions of German Expressionism in the Cinematography of the Second Half of the 20th — Early 21st Centuries. *Koncept: filosofiya, religiya, kul`tura* [Concept: philosophy, religion, culture], 6(3): 156–170 (in Russian).

Сафрон Е.А. (2024) Тема Севера в современном отечественном фолк-хорроре. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*, 29(4): 703–710.

Safron E.A. (2024) The theme of the North in modern Russian folk-horror. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 29(4): 703–710 (in Russian).

Федорова А.Р., Данилова Н.К. (2025) Современный якутский кинохоррор: репрезентация и социокультурный контекст. *Сибирские исторические исследования*, 2: 73–91.

Fedorova A.R., Danilova N.K. (2025) Contemporary Yakut Film Horror: Representation and Socio-cultural Context. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2: 73–91 (in Russian).

Фокин А.А., Степанов Б.Е. (2022) Когда деревни были большими: воображаемые пространства на советском экране. Рец. на кн.: Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М.: РОССПЭН, 2022. 349 с., ил. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 24(4): 303–312.

Fokin A.A., Stepanov B. E. (2022) When the Villages were Big: Imaginary Spaces on the Soviet Screen. Review of: Mazur L.N., Gorbachev O.V. Soviet Films about the Village: An Attempt at Historical Interpretation of the Artistic Image. Moscow: ROSSPAN. 349 p., il. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 24(4): 303–312 (in Russian).

Шиженский Р. В. (2023) «Частокол, инициация и табу»: транскрипция язычества в художественном кинематографе. *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта.

Shizhenskij R.V. (2023) "Palisade, Initiation and Taboo": Transcription of Paganism in Feature Cinema. In: *Paganism in Contemporary Russia: An Interdisciplinary Study*. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta (in Russian).

Эльзессер Т., Хагенер М. (2016) *Теория кино. Глаз, эмоции, тело*. СПб.: Сеанс.

Elsaesser T., Hagener M. (2016) *Film Theory. Eye, Emotions, Body*. St. Petersburg: Seans (in Russian).

Carroll N. (1990) *The Philosophy of Horror, or; Paradoxes of the Heart*. New York: Routledge.

Clover C. (1993) *Men, Women and Chain Saws*. Princeton: Princeton University Press.

Elsaesser T. (2021) *The Mind Game Film: Distributed Agency, Time Travel, and Productive Pathology*. New York: Routledge.

Elsaesser T. (2009) Between Erlebnis and Erfahrung: Cinema Experience with Benjamin. *Paragraph*, 32: 292–312.

Grafius B. (2020) *The Witch (Devil's Advocates)*. Liverpool, UK: Auteur Publishing in partnership with Liverpool University Press.

Morton T. (2016) *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence.* New York: Columbia University Press.

Noll Brinckmann C. (1999) Somatische Empathie bei Hitchcock: Eine Skizze. In: Heinz B. Heller et al. (eds.) *Der Körper im Bild: Schauspielen — Darstellen — Erscheinen*, Marburg: Schüren: 111–120.

Parker E. (2020) *The Forest and the EcoGothic: The Deep Dark Woods in the Popular Imagination*. Cham: Palgrave Macmillan.

Scovell A. (2017) *Folk horror: Hours dreadful and things strange*. Liverpool, UK: Liverpool University Press.

Smith M. (1995) *Engaging Characters: Fiction, Emotion and The Cinema*. Oxford: Clarendon Press.

Thurgill J. (2020) A Fear of the Folk: On Topophobia and the Horror of Rural Landscapes. *Revenant*, 5: 33–56.

Источники

Бузинный А. Обзор фильма «Прогулка по эшафоту» [https://proza.ru/2021/12/06/77] (дата обращения: 21.09.2025).

Отечественные фолк-хоррор сериалы [https://pikabu.ru/story/otechestvennyie_folkkhorror_serialyi_9475246] (дата обращения: 21.09.2025).

Якутские режиссеры представят свои проекты на Каннском фестивале [https://ysia.ru/yakutskie-rezhissery-predstavyat-svoi-proekty-na-kannskom-festivale/] (дата обращения: 21.09.2025).

VISUAL ANTHROPOLOGY OF NON-URBAN SPACES: BASED ON RUSSIAN FOLK HORROR FILMS AND TELEVISION SERIES

Olga Sergeyeva (o.v.sergeeva@spbu.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Sergeyeva O. (2026) Visual anthropology of non-urban spaces: based on Russian folk-horror films and television series. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 229–250 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.9 EDN: DKSRQC

Abstract. The author examines non-urban space as a key element of Russian folk horror and its imprint on the mass geographic imagination. Drawing on the perceptually oriented film theory of T. Elsaesser and M. Hagener, the study offers a visual-anthropological interpretation of the narrative locations in the films. The empirical material includes Russian films and series from the 1990s to the 2020s, such as "Walk on the Scaffold", "Dead Swallows", "Swamps", "Territory", and Yakut productions "Maappa", "Naahara", "Ichchi", and "Khara Dyai". The analysis demonstrates that the non-urban landscapes in folk horror function not merely as settings but actively shape the viewer's experience: forests, swamps, and tundra serve as threshold and cognitive spaces; the home operates as a permeable chronotope of threat from mystical forces; and local communities act as guardians of memory and social norms. The elemental force of nature and the remoteness from the predictable urban environment challenge the protagonists and propel their journey of self-discovery. The films' sensory (haptic and acoustic) features translate traumatic social issues into tactile and auditory experiences for viewers, creating an "affective map" of the depicted spaces. The cognitive structures within the film

narratives model associative thinking and highlight the conflict between rational mindsets and mythological taboos. The study concludes that folk horror produces perceptual knowledge of places that colors everyday encounters with real environments and sustains a re-enchantment of the landscape. Methodologically, the article links perceptual registers to the sociology of space and memory, showing how genre conventions activate patterns of topophobia, reproduce boundaries between familiar and foreign, and train viewers in practices of caution, respect for local norms, and ecological sensitivity in life beyond urban settings.

Keywords: visual anthropology, cinema, folk horror, imagination of space, non-urban space, sensory experience.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ. СТАРЕНИЕ НА МЕСТЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ»[1]

Ирина Андреевна Григорьева[1] (soc28@yandex.ru),
Оксана Анатольевна Парфенова[1] (oparfenova2023@yandex.ru),
Ирина Сергеевна Петухова[1,2] (irini-ptz@yandex.ru)

[1] Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
[2] Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Цитирование: Григорьева И.А., Парфенова О.А., Петухова И.С. (2026) Конференция «Социальные исследования старения. Старение на месте и повседневность пожилых». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 251–256.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.10 EDN: DPJOWA

Центру социальных исследований старения Социологического института РАН в октябре 2025 г. исполнилось пять лет. Будучи пионером в продвижении темы старения в российской социальной науке, Центр провел 11 декабря 2025 г. четвертую по счету всероссийскую научную конференцию «Социальные исследования старения. Старение на месте и повседневность пожилых». В этом году тема была тесно связана с изучением старения в сельском пространстве. Выбранный в качестве магистрального теоретический подход «старения на месте» призван продемонстрировать смену фокуса с общих проблем политик и культуры старения в России и мире к сужающемуся освоенному пространству сельской местности, инфраструктурному дефициту и ухудшению качества жизни пожилых людей в современном селе. Поле докладов можно условно разделить на три блока: преимущественно теоретико-концептуальные, эмпирико-аналитические и практико-ориентированные. Однако в ходе работы не возникло жесткого деления «теория vs практика», поскольку значительная часть теоретических докладов встроена в практические контексты (социальная политика, цифровые сервисы, грантовое поле), а практико-ориентированные работы, напротив, концептуализируют свои кейсы через различные теоретические подходы.

В первой части пленарного заседания руководитель проекта РНФ «Старение на месте в условиях современного российского села: социоло-

[1] Обзор подготовлен в рамках проекта РНФ № 24-78-10118 (https://rscf.ru/project/24-78-10118/).

гический анализ повседневных практик пожилых» молодая исследовательница И.С. Петухова представила промежуточные результаты проектного исследования и сделала акцент на том, что в условиях ограниченного доступа пожилых жителей села к объектам социальной и медицинской инфраструктуры забота о них часто строится на основе связей внутри сообщества, а неформальная поддержка, исходящая от соседей и родственников, становится ключевым ресурсом сохранения привычных условий жизни. Продолжил докладывать о результатах исследования старения в селах К.А. Галкин, изучающий влияние сельского пространства на самоидентификацию местных жителей. К.А. Галкин отметил, что пожилые люди наделяют пространство личными смыслами, ценностями и символами, превращая родное село не только в место проживания, но и в эмоционально насыщенный культурный ресурс.

По мнению И.И. Толстиковой, в последнее десятилетие тема цифровой культурной вовлеченности пожилых приобретает все большую актуальность, поскольку интернет становится средством обогащения жизни и повседневности пожилых высокими культурными впечатлениями. При этом Т.С. Киенко высоко оценила низовые практики социального участия пожилых, которые окрашены постматериалистическими ценностями, а именно развитием солидарности вместо потребления и имитаций. Таким образом, вторая часть пленарной сессии прошла под знаком признания важности ресурсов и занятий пожилых, которые часто не видны и не артикулированы ни властями разных уровней, ни СМИ. Это инициативное участие, направленное на спонтанную солидаризацию, не менее важно, чем организованное «серебряное волонтерство», которым заняты сегодня социальные службы.

Помимо пленарного заседания конференция включала в себя пять секций. На секции «Социальная политика и будущее пожилых» обсуждались вопросы незаинтересованности государства в занятости пожилых, в переформатировании рынка труда, который мог бы включать большее число пожилых, если бы режимы занятости становились более гибкими, учитывающими желание пожилых работать неполный день или неполную неделю. Однако ни демографическая политика, ни политика занятости не учитывают недоиспользованный ресурс пожилых, предпочитая труд мигрантов, отмечает И.А. Григорьева. Отсутствие интереса к планированию своего старения характерно и для самих пожилых, однако тут есть важный вопрос о том, к чему именно нужно готовиться в первую очередь. В инфляционной экономике трудно «накопить на старость», поэтому есть уверенность в том, что покупка жилья — лучшая стратегия финансового обеспечения. Однако спасет ли «запасная квартира», если пожилой

человек потеряет способность к самообслуживанию? Как готовиться к такой ситуации и можно ли и нужно ли к ней подготовиться, вопрошает М.А. Мыльникова. Благополучная старость зависит от многих факторов. Г.В. Белехова представила результаты опроса экспертов на эту тему. Согласно выводам, экспертное сообщество, причем в разных регионах, считает, что пенсия недостаточно велика, но трудовой активности и социальной интеграции пожилых придает небольшое значение. Для перехода к модели благополучной старости, основанной на расширении возможностей пожилых, требуется не только перераспределение ресурсов, но и трансформация экспертного дискурса с обеспечения защищенности пожилых на создание условий для реализации потенциала старости как полноценного этапа жизни. О противоречиях в понимании старения, которые проявляются через грантовую политику Фонда президентских грантов (ФПГ) рассказывал М.И. Равчик. Проведя анализ тематики заявок на гранты ФПГ и тематики победивших проектов, он сделал вывод, что формируется противоречивый порядок, при котором социальное признание и поддержка предоставляются тем, кто способен соответствовать идеологеме активного долголетия, а не тем, кто в рамках законодательства о социальном обслуживании традиционно рассматривался как наиболее уязвимый — нуждающийся в постоянном уходе, больной, неспособный к самообслуживанию и не обладающий ресурсами для самообеспечения.

В секции «Достойное старение, здоровье и телесность» А.О. Агишевой и Д.В. Музыкой была поднята важная тема «двойного старения» и уязвимости семей, в которых пожилые ухаживают за престарелыми родственниками. Авторы анализировали причины, по которым заботящиеся не могут или не хотят получить внешнюю помощь. Тему телесности и здоровья продолжил доклад М.В. Самулева, который проанализировал, как воспринимается собственное тело в рамках различных моделей заботы о себе у мужчин разных возрастов. Тему здоровья, но уже в сельском контексте продолжила О.А. Парфенова, анализирующая, как пространство села влияет на представления о здоровье и практики здоровьесбережения пожилых. Завершил работу секции практический доклад В.А. Беккер, рассказавшей о разработанной и планируемой к внедрению программе по поддержанию нейрокогнитивного здоровья в старших возрастах.

В секции «Забота как социальная практика» исследователи поделились результатами практической работы. Ж.С. Бакулина рассказала о московском опыте реализации системы долговременного ухода (СДУ), сделав акцент на развитии семейных форм заботы и поддержки ухаживающих. Коллеги из Ростова-на-Дону рассказали про свой опыт организации на-

родных дискотек в условиях крупного города. Дискотека для пожилых переросла в народный проект «Лучшее время танцевать».

В секции «Цифровое пространство» рассматривались различные аспекты расширения и дифференциации цифрового пространства пожилых, создающего не только новые возможности участия, но и риски социальной изоляции. Показана двойственная роль цифровизации, которая и объединяет, и делает пожилых окончательно одинокими. Т.С. Куприянова отметила, что цифровая повседневность задает разные сценарии старения — от адаптационного до отчужденного, где технологическая зависимость сочетается с поиском автономии и смысла. А.А. Соколова и М.А. Груздева представили результаты массового опроса, проведенного в Вологодском центре ФНИСЦ РАН в 2025 г. (1000 человек старше 50 лет). Были оценены масштабы включенности пожилых людей в цифровые формы потребления товаров, услуг и разнообразного контента и факторы, которые их определяют. Исследователи из ИТМО рассказали об использовании систем мониторинга здоровья с носимыми устройствами и искусственным интеллектом, которые могут собирать данные о состоянии организма, анализировать их и сообщать врачам о возможных проблемах пожилых пациентов. С помощью анкетирования, проведенного с использование возможностей Единой карты петербуржца (ЕКП), получена информация о привычках и предпочтениях пользователей цифровых технологий, а также об отношении пользователей к новым цифровым сервисам и технологиям. В качественном анализе предложений продуктов пассивного дохода в цифровой среде выявлена четкая возрастная сегментация: предложения для пенсионеров акцентируют дополнительный доход к пенсии и простоту моделей, контрастируя с технологичными и высоко рисковыми нарративами для молодежи, а преобладание (75,2 %) возрастно-нейтральных сообщений маскирует риски для финансово уязвимых групп.

В рамках онлайн-секции З.Х.-М. Саралиева рассказала о многолетнем опыте изучения смысложизненных проблем пожилых, сфокусировав особое внимание на таких категориях, как социальная защищенность, социальная субъектность, конструирование социальных проблем пожилых. К.А. Галкин и М.В. Корнилова поделились опытом изучения сценариев конструирования возраста пожилыми людьми, участвующими в моделинге. Такие практики, по мнению авторов, способствуют продлению молодости и преодолевают устоявшиеся стереотипы о старости. Коллеги из Саратова обозначили важные аспекты качества жизни незрячих пожилых, которое в значительной мере определяется сочетанием индивидуальных адаптационных стратегий и степени открытости социальных институтов.

В заключение отметим, что анализ повседневности пожилых, которая прежде понималась как «низкая» часть жизни, помог в более объемной и насыщенной форме посмотреть на старение как процесс, который во многом формируется социальным контекстом. Докладчики нынешней конференции активно работают с понятийным аппаратом, расширяя язык анализа и переопределяя старение как социально конструируемый, медиатизированный и политически управляемый процесс. Концептуально конференция соединила в себе культурную геронтологию, критическую геронтологию, теории социального действия и участия, подход «старение на месте», перспективу жизненного пути, дискурсивный и нарративный анализ, исследования политик, а также элементы STS (цифровые технологии, ИИ, мониторинг, платформы). Такая палитра подходов способствует расширению отечественного поля исследований старения и дальнейшей институциализации старения как предмета исследований.

CONFERENCE "SOCIAL RESEARCH ON AGING. AGING IN PLACE AND EVERYDAY LIFE OF THE ELDERLY"[1]

Irina A. Grigoryeva[1] (soc28@yandex.ru),
Oksana A. Parfenova[1] (oparfenova2023@yandex.ru),
Irina S. Petukhova[1,2] (irini-ptz@yandex.ru)

[1] Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
[2] Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Citation: Grigoryeva I., Parfenova O., Petukhova I. (2026) Conference "Social research on aging. Aging in place and everyday life of the elderly". *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 251–256 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.10 EDN: DPJOWA

Abstract. The Fourth Conference on Social Studies of Ageing focused on ageing in the context of rural Russia. The theoretical framework was provided by the *ageing in place* approach, which made it possible to shift the focus from the level of policy programs and cultures of ageing to the narrowing, infrastructurally deprived space of rural areas and local urban communities. The range of presentations formed a continuum encompassing both theoretical–conceptual and practice-oriented contributions, in which the rigid opposition between "theory" and "practice" was blurred: theoretical inquiries

[1] The review was prepared within the framework of the Russian Science Foundation (RSF) project No. 24-78-10118 (https://rscf.ru/project/24-78-10118/).

were grounded in policy measures, digital services, and related domains, while practical case studies were conceptualized through critical and cultural gerontology, as well as theories of participation and recognition. The key issues discussed at the conference included: the countryside as a specific space of ageing; the underutilized labor and social potential of older people; the vulnerability associated with "double ageing"; the ambivalence of digitalization; symbolic politics of recognition within the grant landscape; the invisibility of grassroots participation practices; and a range of other topics. The conference demonstrates the progressive institutionalization of ageing studies in Russia and the formation of a broad research framework that brings together diverse approaches, including ageing in place, the life-course perspective, discursive analysis, STS, and the categories of care and public health. Ageing is clearly understood as a socially constructed, mediatized, and politically governed process.

РЕЦЕНЗИИ

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ИСТОРИЧЕСКИ ОСВЕДОМЛЕННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО МУЗЫКИ: НАЗАД В БУДУЩЕЕ?

Рецензия на книгу:
Хейнс Б. (2024) Конец старинной музыки.
М.: Ад Маргинем Пресс. — 384 с.

Анита Андреевна Поплавская (apoplavskaya@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Поплавская А.А. (2026) Социальное движение за исторически осведомленное исполнительство музыки: назад в будущее? Рецензия на книгу: Хейнс Б. (2024) Конец старинной музыки. М.: Ад Маргинем Пресс. — 384 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 257–273.
https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.11 EDN: EDUFWF

Лучше всего видеть идеал, которому нужно следовать,
чем цель, которой надо добиться (Haskell 1988).

Введение

Брюс Хейнс (1942–2011) — музыкант американского происхождения, построивший карьеру гобоиста в классическом оркестре. С молодости он интересовался историей своего инструмента, классическими произведениями и практиками их исполнительства. После окончания вуза в г. Луисвилле (штат Кентукки, США), отправился в Нидерланды, чтобы изучать исполнительство старинной музыки у известных педагогов Франса Брюггена и Густава Леонхардта в Королевской консерватории в г. Гааге. Брюс Хейнс был одним из пионеров игры на раннем гобое в XX в. и помог установить профессиональные стандарты исполнения старинной музыки. Он сотрудничал с несколькими ансамблями инструментов исторических эпох и оставил после себя аудио- и видеозаписи. У него также была мастерская по изготовлению копий оригинальных деревянных духовых инструментов эпохи барокко. Помимо столь глубокой погруженности в практическую деятельность, Брюс Хейнс опубликовал монографии и статьи по истории, конструкции, репертуару, технике игры на гобое: «Музыка для гобоя, 1650–1800: библиография» (1985, 1992), «Люлли и расцвет

гобоя в произведениях искусства, старинной музыке» (1988), «Выразительный гобой: история гобоя с 1640 по 1760 год» (2001), «Гобой» (совместно с Джеффри Берджессом, 2004). Также Хейнс внес вклад в такие важные справочные издания, как «Музыка в истории и современности»[1] и «Новый словарь музыки и музыкантов Гроува»[2].

Кажется, что книга «Конец старинной музыки: история музыки XXI века глазами исполнителя того времени», впервые изданная в 2007 г. в Oxford University Press, является ключевой в списке и венчает вышеуказанный цикл публикаций автора. С одной стороны, текст является своеобразной энциклопедией по ключевым понятиям, терминам, именам, так как объединяет обширный практический опыт автора с его музыковедческими знаниями, позволяющими рассказать читателю об основных чертах музыкальных эпох, практиках сочинительства и исполнительства старинной музыки. С другой стороны, книга ярко отражает позицию автора и заставляет усомниться или по крайней мере поставить под вопрос современную ситуацию с музыкальным творчеством и исполнительством. В книге описываются основные постулаты социального движения за исторически осведомленное исполнительство (Historically informed performance — HIP), акцентирующего внимание на том, что копировать произведения прошлого необходимо, но особым, осведомленным и исторически подкованным образом, чтобы приходить к конечному аутентичному и сознательному музыкальному продукту, получающему отклик у зрителя, образовывающему его. Чувствуется крик души автора, что сегодня мы не имеем таких же комплексных, сложных, великих классических композиций, которые породила эпоха XVIII–XIX вв., и чтобы понять почему, автор предлагает окунуться в прошлое. Более того, современному исполнению классических произведений не всегда хватает достоверности. Практики проигрывания известных пьес во многом искусственно насаждены и принудительно воспроизводимы. Хейнс критикует современное исполнение старинных произведений, выступая за более выразительный и контекстуально-чувствительный подход к историческому исполнительству, призывая к переосмыслению многих установившихся шаблонов в этой области.

---

[1] Музыка в истории и современности (Die Musik in Geschichte und Gegenwart, MGG) — крупнейшая в мире музыкальная энциклопедия, составленная музыковедами и лексикографами в 1949–1986 гг. С 2017 г. в интернете доступна электронная версия музыкальной энциклопедии MGG: https://www.mgg-online.com/.

[2] Музыкальный словарь Гроува (Grove Dictionary of Music and Musicians) — крупнейшее справочное издание по музыке на английском языке, созданное в 1878 г. музыковедом Джорджем Гроувом и на данный момент включающее в себя 29 томов: https://www.oxfordmusiconline.com/grovemusic.

Безусловно, книга полезна для музыкантов, преподавателей музыки, слушателей классики, сочувствующих ее инструментальному исполнительству. Однако особенный интерес книга может представлять для нас, социологов, особенно социологов, занимающихся социологией музыки или историей социальных движений. Автор книги, будучи практиком и музыковедом, стремится комплексно представить феномен «старинной музыки», описывая исторические эпохи, важные и значимые различения между понятиями по теме. Будучи габоистом и музыковедом, он акцентирует внимание на «меняющихся ролях композиторов, публики, произведений, музыкантов как исполнителей нотного текста», и весьма социологично описывает установление «новых социальных норм в сфере музыкального творчества и исполнительства». Охватить все темы не представляется возможным. В рецензии мы представим значимые для анализа музыки, старинной музыки и современного исполнительства различения, а также раскроем историю, основные постулаты и критику позиций социального движения HIP. В заключении содержатся некоторые критические заметки относительно позиции автора, рефлексия относительно ограничений рецензируемой монографии и попытка поставить некоторые вопросы для исследований в нашей стране.

Прошлое музыки: что мы знаем о нем?

Когда мы оцениваем произведение искусства, то обращаемся к критериям его качества. В литературе, архитектуре, театре, изобразительном искусстве подобные критерии заимствовались из античных времен. Многие эталонные образцы того времени дошли до нас в своем аутентичном виде. Увы, но передача звука невозможна. Не осталось артефактов и текстов, которые помогли бы нам понять, как раньше звучали музыкальные произведения, какие инструменты люди использовали и какие практики исполнительства были присущи прошлому времени. Из древнегреческой мифологии мы узнаем о силе музыки Орфея, которая усмиряла зверей, или Амфиона, чьей игре на лире подчинялись камни при строительстве сооружений. То есть уже в прошлом представления об энергии звука, эффектах от гармонического звучания были значительны. Но понять, почему музыка могла быть настолько влиятельной, представляется сложным. Согласно историческим свидетельствам, музыкальные мелодии и произведения передавались в одном или двух поколениях музыкантов, владеющих техниками игры на музыкальных инструментах, но исчезали безвозвратно на протяжении истории из-за порчи инструментов или прерывания династий. Таким образом, наши знания о старинном звучании музыки и исполнительских практиках остаются неполными и неточными,

а само понятие старинной музыки, вынесенное Брюсом Хейнсом в заглавие книги, — мистическим и загадочным.

Первые письменные исторические исследования музыки появились в XVIII в. в Англии и были опубликованы монахом ордена Святого Бенедикта (с. 326). Затем в 1776 г. появился монументальный труд Чарльза Берни «Всеобщая история музыки». Хейнс называет Ч. Берни первым этнографом сферы искусств, так как при жизни он много путешествовал по европейским странам, заводил знакомства с представителями разных творческих сфер, в том числе с композиторами и музыкантами того времени. Свои наблюдения и разговоры он фиксировал в записях. Из заметок путешественника мы узнаем о взглядах Берни на музыку, а также о состоянии музыкального творчества в период его жизни. Он был убежден в том, что исследовать прошлые типы музыкального исполнительства нет смысла, так как музыка постоянно развивалась и достигла своего апогея во время его жизни. В литературе 1770-х годов появился термин *классическая музыка*, который обозначал зарождение *канона*, т.е. первых произведений из корпуса регулярно исполняемых и общепризнанных произведений музыкального искусства. Правда, утвердился список канонических произведений значительно позже, в XIX в., а «вход в Пантеон» великих композиторов был закрыт в середине XX в., когда композиторы и сами произведения получили широкое признание в высших кругах ценителей музыкального творчества и вход в их число стал затруднительным.

В своем историческом исследовании Брюс Хейнс отмечает, что до XVIII в. голос считался образцом для музыкальных инструментов, а инструментальное творчество как отдельное явление не было популярным. Только в 1810 г. Э.Т.А. Гофман сформулировал принцип автономной музыки, т.е. свободной от напевов и речитативов, который позже в XX в. развил К. Дальхаус (Dahlhaus 1991; Пылаев 2012). Этот принцип подвергался сомнениям со стороны французских музыкальных критиков. Ле Серф и Ла Вьевиль утверждали, что симфонии и инструментальные мелодии являются лишь дополнительными элементами к вокалу оперных певцов или к речи актеров на сценах театров (Арнонкур 2005). Но сомнения в легитимности подобного разделения развеивались благодаря в том числе институциональному оформлению процесса инструментального исполнительства. В 1784–1793 гг. в Париже появляется первая консерватория, ориентированная на подготовку музыкантов[1]. Ее целью становится со-

[1] Согласно историческим справкам, первая в мире консерватория появилась в Неаполе, Италия, в 1537 г. Однако термин «консерватория» тогда обозначал приюты для детей-сирот, где обучали различным ремеслам, включая церковное пе-

хранение традиций исполнительского мастерства, установленных самими композиторами. Тем самым, консерватория становится, с одной стороны, местом накопления, а затем и хранилищем, библиотекой уникального и выдающегося музыкального наследия, с другой стороной — образовательной средой для подготовки будущих композиторов и исполнителей. Именно из-за появления консерваторий поменялась практика передачи музыкальных знаний и навыков. Раньше весь образовательный процесс был сосредоточен на взаимоотношениях мастеров с учениками, а с появлением консерваторий появились различные дисциплины и педагоги по разным сферам музыкального творчества. Подход к обучению стал более унифицированным, формальным и рациональным, появились четкие нотные записи, нормативы и техники игры на музыкальных инструментах, что оказало огромное влияние на западный стиль обучения музыке и исполнения композиций.

Сегодня мы продолжаем заложенные в первых консерваториях традиции. Во-первых, музыканты обучаются набору техник и приемов, в рамках которых формируется манера исполнения и особый стиль артиста, вписывающийся в общие стандарты и лишь незначительно изредка выделяющийся из них. Принято считать, что этот стиль исторического исполнения произведений включает в себя философские, художественные, идеологические элементы, позволяющие воспринимать классические произведения как мост в прошлые времена и события. Так, музыкант получает рецепты игры на своем инструменте и досконально исполняет прочитанное в «поваренной книге». Во-вторых, инструменты в целом мало менялись за последние 170 лет, несмотря на значительный прогресс во многих отраслях науки и промышленности, в оркестрах преобладают сегодня образцы 1820-х годов (так, саксофон был изобретен в 1830-х) (Арнонкур 2018). В-третьих, внешние атрибуты исполнительского музыкального мастерства были заложены именно в консерваториях и получили в дальнейшем развитие. С 1900-х годов на концертах классической музыки для выступающих был установлен в качестве обязательного дресс-код, за нарушение которого можно было получить штраф. Сами слушатели должны были дисциплинированно и завороженно слушать концерты, выражая минимум эмоций, и только в завершение выступления могли разразиться овациями.

Но всегда ли это было так? Всегда ли мы пользовались формальным образованием, четкими правилами исполнительства, «мерными ложками

ние. Консерватория Санта-Мария-ди-Лорето также сначала была приютом для сирот, позже превратилась в ведущее музыкальное учебное заведение, но не стала образцом для дальнейших консерваторий в современном их понимании.

и стаканчиками», для того чтобы создать и исполнить музыкальное произведение высокого качества? Автор считает, что это не так, и, для того чтобы доказать свою правоту, обращается к истории.

Стили исполнительства: барокко, романтизм и современное «музыканство»

В книге Брюса Хейнса рассказывается о трех стилях музыкального исполнительства, которые меняли друг друга на протяжении последних трех столетий и во многом сформировали наш взгляд на современную классическую музыку: барокко, романтический стиль и современный.

Эти стили, известные нам из исторических документов и записей, удобнее всего рассмотреть через понятие «музыканства», введенного в научный оборот Кристофером Смоллом[1]. Согласно его концепции, музыка является не вещью, не записями, а именно действием (Small 1998; Цветковская 2020). Музыканство же является практикой исполнения музыки, в которую входят множество элементов: подготовка музыканта (образование, обучение исполнительству и сочинению), подготовка произведения (создание инструментов, сочинение мелодии и ритма, обучение музыкальному мастерству, редакция произведения) и само исполнение музыки (подготовка места, коммуникация со зрителями, организация концертов). Понятие помогает описать различения между тем, как эти элементы воспринимались людьми в разные исторические периоды и как действительно протекало музыканство в прошлом, как сочинялась и презентовалась музыка вчера и сегодня, действительно ли мы подражаем прошлому или все-таки даем ему новое прочтение.

Стиль барокко был распространен в XVI–XVII вв. Барокко характеризуется автором как стиль «однодневки». В целом каждый музыкант эпохи барокко в той или иной мере был композитором. Барочное сочинительство включало в себя эскизные (thin) наброски произведений, репетиции имели непостоянный характер, артист на сцене мог по-своему интерпретировать любые произведения. Письменная информация о музыкальном произведении в целом не была необходима, так как произведение могло и скорее даже должно было звучать каждый раз по-новому. Музыка сочинялась постоянно и не могла быть полностью одинаково воспроизведена артистами. Ч. Берни писал о музыкальной среде в Италии

[1] Кристофер Смолл (1927–2011) — известный новозеландский музыковед, педагог, социомузыколог и этномузыколог, автор знаковых работ, в которых рассматривал музыку не как предмет, а как деятельность (musicking), подчеркивая социальный и перформативный аспект музыкального опыта.

как о постоянной тяге к новизне (Берни 1967). Причем несоответствие подобному тренду на новизну санкционировалось. Существуют документальные свидетельства увольнений канторов из-за исполнения одних и тех же пьес, так как узнаваемость их произведений скорее была негативным качеством исполнительского мастерства (Butt 2002). Интересна и мотивация сочинительства музыки в барочном контексте. Хейнс относит композиторов стиля барокко к мастерам-ремесленникам, которых интересует развитие музыкальных компетенций, но не значимость или создание собственного имени в сфере искусств (с. 23). Конечно, музыка подписывалась именами композиторов с конца XIV в., но до XVI–XVIII вв. атрибуция скорее носила эпизодический характер. Барочные исполнители были заняты музыкой: постоянным сочинительством, выступлениями и подстройкой под интересы широкой и аристократичной публики. В целом в эпоху барокко музыка воспринималась скорее как хобби, и более качественно исполнялась в среде аристократов, которые не воспринимали ее в качестве коммерческой деятельности. Парадоксально, но среди музыкантов-любителей было много профессионалов своего дела, а профессиональные музыканты, зарабатывавшие музыкой на хлеб, чаще всего представляли собой слуг богатой аристократии, готовых за деньги что-то сочинить для своих меценатов.

Концерты в эпоху барокко не отличались особой возвышенностью. Согласно Кристоферу Смоллу, они были организованы естественным образом: не было разделения между зонами прослушивания музыки и общения между зрителями, места не были специально оборудованы для исполнительства музыки, публика была скорее занята собою, чем концертом, так как она была «господствующей» (Small 1998). Зрители активно высказывались, если музыка им не нравилась, а привлечение ее благосклонного внимания в целом было успехом для музыканта. В наше время подобный стиль исполнительства скорее был похож на фоновую музыку, а публику эпохи барокко сочли бы за неблагодарную или не умеющую себя вести в храмах классической музыки. Интересны и различения причин подобного отношения к музыке, которую предлагал Арнольд Долмеч (с. 193). В Италии музыка была общедоступной, дешевой, поэтому итальянской публике было присуще вести себя шумно, критично и менее благопристойно. В то же время в Англии и Франции социальная норма более цивилизованного прослушивания музыкальных произведений была продиктована дороговизной музыкальных инструментов и самого музыкального образования. Но во всех странах в эпоху барокко, по выражению Хейнса, музыка создавалась «для удобства пользователя».

За барочным исполнением музыки последовало романтическое. Автор достаточно рефлексивно относится к описанию периода перемен в «музыканстве» и становлению романтического стиля. Точкой отсчета принято считать Французскую революцию 1789 г., обсуждаемую в качестве ключевого события для многих социальных процессов. Однако в книге подчеркивается, что саму революцию нельзя считать ключевым событием в изменении стиля музыкального исполнительства. Скорее нужно обозначить исторический период, в течение которого менялись ценности, восприятие, стили исполнительства и мышление. Этим периодом стали годы с 1760-х по 1840-е, когда на авансцену вышла личность композитора, появилось музыковедение как наука, а публика стала более восприимчивой к высокому искусству. В целом именно в это время был создан пантеон великих классических композиторов современности.

В эпоху романтизма музыка стала возвышеннее, поменялось отношение к композиторам и смыслу произведений, начала распространяться нетерпимость к анонимности. В работе Джона Спитцера наглядно показано, как музыкальные произведения получали признание благодаря имени композиторов (Spitzer 1983). И наоборот, если произведения были анонимными, не хватало информации про «родословную» произведения (кто, когда, зачем написал произведение), такая музыка исчезала из репертуара музыкантов. Важно, что подобное отношение к произведениям остается с нами по сей день и во всех сферах искусств. Атрибуция картины, пьесы, театральной постановки важна, авторская подпись необходима, а история создания, точность деталей привлекают ценителей искусства. Личность творца, его громкое имя стало важным как для создателей канонов, так и для широкой публики. Сегодня мы имеем множество каталогов с именами, датами, историями произведений. Все это остается, с одной стороны, нашим культурным наследием, с другой стороны — хорошим поводом для его коммерциализации. Брюс Хейнс подчеркивает, что вышеописанные тенденции характерны для западного восприятия музыкальных произведений, где для каждого произведения создавалась история и соответствующая «этикетка». В азиатских странах, например в Китае, повторение анонимных работ мастеров прошлого нисколько не умаляло статусности и востребованности произведения искусства среди широкой аудитории, чего нельзя сказать о западной и русской музыкальной традициях.

Ценность идентичности, атрибуции, личности творцов изменила и стиль исполнения и прослушивания концертов. Во-первых, был сделан переход к фиксации произведений, записи нотных текстов, уточнении композиторами различных акцентов в мелодиях. Внимание уделялось замыслу

автора произведения, что заставляло музыкантов-исполнителей трепетно относиться к самому акту представления музыки на сцене. Романтичный стиль тяжеловестный, личностно окрашенный, свободный, спонтанный и иногда хаотичный (с. 95, 101–151). Во-вторых, сами концерты были организованы иначе. У музыкантов появилась торжественная одежда. Зал стал организован таким образом, что в центре внимания была сцена и исполнение произведений. Ранее свет рассеивался по всему концертному залу, но начиная с эпохи романтизма освещение сконцентрировано на сцене и приковывало внимание публики, дисциплинировало ее. Со стороны артистов, наоборот, появилась свобода самовыражения, расставления акцентов, музыканты стремились установить связь со зрителями, сделать мощное внушение, создать атмосферу торжественного приема и колоссального давления на эмоции и чувства слушателей. В-третьих, в романтизме сохранялась связь между композитором и исполнителем, и после концерта автор произведения мог вносить в ноты изменения, совершенствовать их. В целом романтизм строился на личностях композиторов, манер исполнительства, восхищенной реакции публики на монументальные шедевры XVIII–XIX вв.

Современный стиль появился в 1930-х годах. Он перенял некоторые черты романтического стиля, такие как благоговение перед композиторами и вторичность публики, которая призвана внимать происходящему на сцене. При этом у него есть существенные отличия, так как он стал реакцией на романтизм и все больше отдаляет нас от стиля барокко. Современному стилю присущи более строгая верность тексту и менее сентиментальное исполнительство. Брюс Хейнс характеризует этот стиль как наиболее благопристойный, стыдливый и скромный по сравнению с барокко или романтизмом, но при этом более механический, безличный, буквальный и четкий (с. 56–101). Кристофер Смолл пишет о беспомощности современного классического музыканта, нотном фетишизме и уменьшении тяги к самовыражению (Small 1998). В современном исполнительстве важно почитание умершего композитора, музыкант становится посредником и машиной по воспроизведению канонических произведений. Много времени уделяется репетициям, отточенность и дисциплина приводят к успеху исполнителя, а экспрессия и импровизация уходят на второй план. На фоне современного стиля барокко воспринимается как непрофессиональное исполнительство, а романтический стиль выглядит как чрезмерное фанфаронство и самовлюбленное позерство. На сцену выходит дисциплинированный и серьезный музыкант во фраке, свысока и с формальной четкостью представляющий нотные тексты классиков.

Современный стиль связан с прескриптивной нотацией, предписывающей музыканту определенную манеру исполнительства, подробно указывающей, как должна проигрываться пьеса (Арнонкур 2005[1]). Эта нотация противоположна дескриптивной, описательной или риторической, в рамках которой исполнитель несет ответственность за детали исполнения и делает множественные выборы относительного того, как исполнять музыку. Брюс Хейнс считает, что один раз распространившись, прескриптивная нотация и современный стиль исполнения действуют на восприятие музыки и ее проигрывание ограничительно, так как подавляют чувственность и человечность и возвеличивают автоматизм, механику, строгую математичность[2]. Ричард Тарускин называет современный стиль тесным, стесняющим музыканта как смирительная рубашка (Taruskin 1995). Это может приводить к подавлению творческого начала, уменьшению ответственности музыкантов и практик сочинения музыки, к некоему новому пуританизму, не приемлющему любые проявления личного прочтения и относящие их к «вульгарности». Важно и то, что современный прескриптивный стиль искажает исторические смыслы произведений и цели, ради которых они создавались. При всей подобной критике после Второй мировой войны современный стиль (иначе — модерн) становится общепринятым. Среди основных его защитников в книге упоминаются Игорь Стравинский, Артуро Тосканини и другие современные классики, а среди основных противников — представители движения HIP и автор книги.

Движение HIP как психологический трюк

Historically Informed Performance (HIP) — социальное движение за исторически осведомленное, профессиональное, вдохновленное прошлым исполнительство музыки. Его представители поддерживают аутентичное исполнительство, историческое звучание, старинные инструменты и прак-

[1] Мы используем понятия, предложенные в Б. Хейнсом. Николаус Арнонкур фиксировал существование двух типов нотации: «запись произведения» и «запись исполнения», что соотносится с идеями Б. Хейнса о набросках и точных инструкциях к музыке.

[2] Американский теоретик музыки Милтон Бэббит представлял музыку в виде математики или физики, которой стоит обучаться как точной науке [Столяр 2017]. Он полагал, что музыкой могут наслаждаться лишь погруженные, понимающие, профессиональные музыканты. И в проигрывании произведений нельзя идти на компромиссы с широкой публикой. Брюс Хейнс подобными выводами не отличался, наоборот, поддерживал в этом отношении позицию Ричарда Тарускина, который говорил, что музыка должна работать на общественность, ее образование и развитие [Taruskin 1995].

тики исполнения музыки. Автор считает, что движение стало реакцией на период модерна и ориентировано одновременно на аутентичное исполнительство и оригинальное прочтение пьес, так как оно больше тяготеет к периоду барокко и является протестом против прескрептивных нотаций, механического заучивания и безэмоционального представления музыки. При этом кажется, что Брюс Хейнс, рассказывая о HIP, вкладывает в данное движение старинной музыки иной смысл — более импровизаторский и открывающий свежие грани в возможностях сочинения, исполнения и слушания подобной классическим произведениям музыки.

Кратко представим историю зарождения движения. Его предвестниками стали польская пианистка Ванда Лавондовска (1879–1959) и британский музыкант Арнольд Долмеч (1858–1940), которые, не сговариваясь, обратились к историческому исполнительству музыки. Интересно, что личности этих незнакомых друг другу людей характеризовали одинаково: как тщеславных и гордых, не терпящих вопросов и возражений профессионалов своего дела, разработавших новую философии игры на музыкальных инструментах, притом что их учения взаимно дополняли друг друга. В. Лавандовска, будучи известным исполнителем и музыкальным педагогом, написала книгу о старинной музыке, где подчеркивалась важность воссоздания прошлого, передачи духа времени и четкости проигрывания нот. А. Долмеч был мастером воссоздания копий старинных инструментов. Именно он считается основателем движения за аутентичное звучание музыкальных произведений прошлого, так как с помощью старинных инструментов пытался достигнуть классического звучания и сохранить его в насколько это возможно исконном виде. Более того, он пытался умерить официоз концертов, организуя встречи со слушателями дома, общаясь с публикой, что больше ориентировало гостей на эпоху барокко и тесное взаимодействие слушателя с артистом, чем на концертные залы романтизма и современности. Таким образом, сочетание идей субъективного желания воссоздания эпохи прошлого и объективированное создание таких условий породило движение за исторически осведомленное исполнительство.

В 1960-е годы HIP сформировалось как социальное движение. Основными приверженцами стали музыканты (клавишники, струнники, вокалисты), дирижеры (например, Николаус Арнонкурт — основатель австрийского инструментального ансамбля старинной музыки, «барочного оркестра» Concentus Musicus Wien), Густав Леонхардт, Кристофер Хогвуд — представители британского камерного музыкального ансамбля, специализирующегося на аутентичном исполнении музыки эпох барокко и классицизма, Academy of Ancient Music и др.), музыковеды (Питер Хилл,

Кристоферр Смолл, Роберт Донингтон и др.) и даже политические философы, такие как Роджер Скруттон. Вместе и по отдельности они сформировали принципы HIP и боролись за новые подходы к исполнению классической музыки, экспериментируя со стилем, манерами и техникой исполнения. HIP критикует современные принципы восприятия музыки: (1) хронцентризм (почитание современной эпохи в качестве наиболее развитой и единственно правильной, т.е. идею эволюции в музыке), (2) утопический канонизм (абсолютное почитание композиторов и их произведений, иерархию классических канонов) и (3) текстовый фетишизм (жесткая привязка к нотам и механическому их воспроизведению). Вместо этих принципов предлагается вернуться к эпохе риторического прочтения и истолкования произведений. Представители HIP реконструируют разные эпохи и на современном языке музыки пытаются истолковать идеи авторов прошлого, адаптировать старинную музыку под реалии настоящего, предлагают посмотреть на музыку не снизу вверх, а погружаясь и познавая ее истоки, говоря с публикой на ее же языке. HIP предлагает использовать аутентичные музыкальные инструменты или их точные копии для улучшения звучания пьес и учитывать стилистико-технические условности эпох, избегая современных наложений на раннюю музыку и излишне скованного ее прочтения.

Представители данного движения призывают к реформированию образования в музыкальных консерваториях, направленного на историческую осведомленность музыкантов, понимание условий и целей создания классических произведений, на развитие независимого мышления, чувствительности к контексту, возможности коллаборации между композиторами прошлого и исполнителями настоящего, а также развития старинного стиля в современном музыкальном творчестве. В отличие от унифицированного и стандартизованного звучания музыкальных коллективов и исполнителей, HIP стремится к возрождению вариативности звучания в музыке, ее дифференциации в зависимости от периода создания произведений, страны и эпохи, в которой жили и творили известные нам композиторы. Движение за исторически осведомленное исполнительство пытается переосмыслить стилистические манеры исполнения старых и новых произведений, сыграть их иначе, подражая композиторам прошлого и в то же время возвращая музыкантов к живому искусству, творчеству, импровизации, риторике, нарративному прочтению нот. Сделана попытка примирения великих композиторов прошлого и талантливых музыкантов сегодняшнего дня, превращая замысел композитора из его личного дела в вопрос исполнительского стиля современного профессионала.

Одной из основных проблем движения является попытка выйти из оков прошлого, но при этом отдавая ему дань уважения. Брюс Хейнс подчеркивает, что современная музыка «находится в беде», так как ее подменили механическим заучиванием, что не дает творческим силам развить ее на новом, современном уровне. Следуя критике HIP Р. Тарускиным, Брюс Хейнс обсуждает дилеммы того, что между композитором и исполнителем есть два полюса — канон и импровизация (Taruskin 1995). Причем ***канон*** заставляет музыканта полностью подчиняться воле композитора, делая нотный текст неприкосновенным, а импровизация устраняет необходимость в генерирующем музыкальные идеи великом композиторе. Б. Хейнс предлагают срединный путь, а именно установку на восприятие старинных композиций в качестве образцов, которые не нужно точно копировать, но необходимо исполнять в особом старинном стиле, для того чтобы воспитывать новое поколение композиторов. Сосуд жанра и стиля будет взращивать новое вино для новых ценителей музыки в старинном стиле. Проще говоря, музыкант должен украшать произведение по своему усмотрению, соединяя волю композитора (нотный текст) и собственную волю (манеру исполнения), акцентируя внимания на наслаждении процессом проигрывания, трепетном и в то же время хозяйском отношении к проигрываемому тексту. Если современным практикам исполнения присущ строгий надзор и точность проигрывания, что делает музыку долговечной, но неизменчивой, то в исторической практике вклад композитора и исполнителя равноценен, что приводит к адаптивности произведения под современные реалии и гибкости его восприятия слушателями.

Сам автор называет движение HIP психологическим трюком, целью которого является создание нового музыкального стиля на основе старого («окрыленные и наивные мы называем его старым стилем и прикрываемся им», «мы непритязательны и поэтому предписываем эту традицию нашим предшественникам, и если она нам по душе, то мы должны уверенно назвать ее “нашей”»). В целом мораль книги заключается в том, что лучше видеть идеал, которому нужно следовать, чем цель, которой нужно добиться (*Haskell* 1988). И для создания творческой атмосферы современной музыкальной сцене не хватает большей раскрепощенности, нестандартности, эмоциональности и конкуренции в понимании произведений, исполнительском мастерстве их воспроизведения. Появление такого исторически осведомленного исполнительства могло бы привести к созданию новых, отвечающих запросам современности произведений музыкального искусства.

Вместо заключения: через исполнение старинной музыки к музыкальным инновациям?

Книга Брюса Хейнса «Конец старинной музыки» высоко оценивается в академических кругах за хорошо аргументированный, доскональный и подробный анализ истории музыкального исполнительства, подчеркивающий необходимость возрождения старинного стиля вместо слепого копирования текстов из прошлого. При этом критики подчеркивают, что книга провокационна, содержит остроты, для ее прочтения нужны предварительные знания о классической музыке, эпохах, музыкантах и работах музыковедов, чтобы критически к ней отнестись[1]. В настоящей рецензии мы постарались представить наиболее релевантные для социологов обобщения и заключения Брюса Хейнса. Мы считаем, что книга заслуживает внимания со стороны исследователей-гуманитариев, так как содержит множество концептуальных обобщений, применимых для анализа музыки, понимания организации современного музыкального инструментального творчества и исполнительства.

Можно заявить, что Хейнс использует историко-социологический анализ, отражая роли композиторов, музыкантов, публики в разные эпохи, и, по сути, пытается ответить на вопрос о том, как возможны инновации в инструментальной музыке сегодня. Он отвечает на этот вопрос, обращаясь к прошлому. Эпоха барокко характеризовалась центральностью и господством публики, постоянным обновлением репертуара и желанием развлечь аудиторию, что при уменьшении роли творца все же создало благотворную почву для взращивания композиторов, профессионализирующихся, конкурирующих друг с другом, гибких и способных к сочинительству. Эпоха романтизма поставила на первое место автора произведения, при этом изменив роли музыкантов до механических исполнителей воли композитора, а слушателей до эстетически-созерцательных, отстраненных, т.е. пассивных зрителей. Современная эпоха переняла некоторые черты эпохи романтизма, с той лишь оговоркой, что взяла за основу прошлое, поставила музыканта в положение мало эмоционального и не высказывающего своего мнения слуги истории и как будто потеряла способность к сочинительству и обновлению пула значимых произведений. Этому способствовало и распространение музыковедения как науки, сводящей все к неоспоримым теориям и кующей стандарты качества в исполнении несомненно великих произведений прошлого, но при этом не дающей простор для творчества профессионалам современности. Брюс

[1] См., например, рецензию на сайте The Classical Source: http://www.classical.net/music/books/reviews/0195189876a.php.

Хейнс, будучи практиком, на протяжении книги подчеркивает мысль, что в музыке есть бесконечное множество деталей, которые определяют характер и стиль исполнения. И музыковед, несмотря на свое громкое имя, никогда их не обнаружит, а практикующий музыкант, несмотря на свое подчиненное положение в музыкальной иерархии, при должной подготовке все-равно может точнее истолковать и представить музыку прошлого.

Первым ограничением книги является то, что исследование не содержит четкой методологии, но очевидно, что оно основано на работе с документами, музыкальными записями, книгами и статьями музыковедов и музыкантов-практиков, а также на практическом участии автора в жизни HIP. Вторым вытекающим отсюда ограничением становятся сами принципы HIP как социального движения, верящего в профессионализм музыкантов, но усложняющего наше понимание аутентичности вне фиксированного, нотного, выверенного текста и отдающего ее (аутентичность) на волю музыканту и его способностям представить текст, эпоху, произведение и композитора. Третьим важным ограничением позиции автора является аспект сочинения музыкальных произведений, ведь не каждый музыкант в целом может быть композитором, но, как верно отмечает Б. Хейнс, активный и исторически осведомленный музыкант с большей вероятностью сможет передать смысл произведения слушателям, чем пассивный исполнитель и доскональный читатель нотных инструкций. Автор считает, что музыкант должен возвыситься над мышлением кавер-группы, копирующей известные произведения великих классиков. Для того чтобы музыка оставалась живой и привлекала в свои ряды новых людей, необходимо повышать статус исполнителя этой музыки, разрешать ему быть соавтором, а не просто техническим мастером исполнения классических произведений.

Книга подходит для погружения в проблематику социологии музыки, дальнейшего выведения исследовательских гипотез для их проверки на российском поле. Читая книгу, постоянно возникают мысли, действительно ли музыканты ощущают описанные в книге проблемы? Есть ли в российском поле защитники аутентичного исполнительства? Какие социальные движения есть среди музыкантов в нашей стране? Возникает ли старинное исполнительство само по себе в рамках концертов и выступлений или же в российской школе музыки практика исполнения классических произведений также стандартизована и не риторична? Нужно ли нам как потомкам великих композиторов, таких как М.И. Глинка, П.И. Чайковский, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, С.С. Прокофьев, разбираться в том, как сочинялась музыка в прошлые века, как она исполнялась и воспринималась публикой? Как она может быть представлена сегодня? И самое

важное — что нужно делать, чтобы поле русской классики обогащалось новыми произведениями? На размышления над этими и другими вопросами наталкивает рецензируемая книга. Она полезна для развития понимания дискурсов в поле социологии, антропологии, этнографии музыки, а также выведения собственных исследовательских тем и направлений.

Литература / References

Арнонкур Н. (2005) *Мои современники: Бах, Моцарт, Монтеверди*. Пер. с нем. С. Грохотова. М.: Классика-XXI.

Harnoncourt N. (2005) *My Contemporaries: Bach, Mozart, Monteverdi*. Moscow: Klassika-XXI (in Russian).

Арнонкур Н. (2019) *Музыка барокко. Путь к новому пониманию*. Пер. с нем. О. Коваля. М.: Рипол Классик.

Harnoncourt N. (2019) *Baroque Music. The Path to a New Understanding*. Moscow: Ripol Klassik (in Russian).

Берни Ч. (1967) *Музыкальные путешествия. Дневник путешествия 1772 г. по Бельгии, Австрии, Чехии, Германии и Голландии*. Пер. с англ. Вступ. ст., ред. и примеч. С.Л. Гинзбурга. М.; Л.: Музыка.

Burney C. (1967) *Musical Tours. The 1772 Travel Diary through Belgium, Austria, Bohemia, Germany, and Holland*. Moscow, Leningrad: Muzyka (in Russian).

Пылаев М.Е. (2012). К. Дальхауз и Э.Т.А. Гофман: герменевтическая модель «абсолютной музыки». *Музыкальная академия*, 1: 158–160.

Pylaev M.E. (2012). C. Dahlhaus and E.T.A. Hoffmann: A Hermeneutic Model of "Absolute Music". *Muzykal'naja akademija* [Musical Academy], 1: 158–160 (in Russian).

Столяр Р.С. (2017) Милтон Бэббит: Кого заботит, слушаешь ли ты? *Вестник музыкальной науки*, 2(16): 93–100.

Stolyar R.S. (2017) Milton Babbitt: Who Cares if You Listen? *Vestnik muzykal'noj nauki* [Journal of Musical Science], 2(16): 93–100 (in Russian).

Butt J. (2002) *Playing with history: the historical approach to musical performance*. Cambridge University Press.

Dahlhaus C. (1991) *The idea of absolute music*. Chicago: University of Chicago Press.

Haskell H. (1988) *The Early Music Revival: A History*. New York: Thames and Hudson.

Small C. (1998) *Musicking: The meanings of performing and listening*. Middletown: Wesleyan University Press.

Spitzer J. (1983) *Authorship and attribution in Western art music (Europe)* [https://www.proquest.com/openview/0528a92e11da42d67749be707ccd80e0/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y] (дата обращения: 03.01.2026).

Taruskin R. (1995) *Text and act: Essays on music and performance*. New York: Oxford University Press.

THE SOCIAL MOVEMENT FOR HISTORICALLY INFORMED MUSICAL PERFORMANCE: BACK TO THE FUTURE? BOOK REVIEW: HAYNES B. (2024) *THE END OF EARLY MUSIC*. Moscow: Ad Marginem Press. — 384 p.

Anita A. Poplavskaya (apoplavskaya@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Poplavskaya A.A. (2026) The Social Movement for Historically Informed Musical Performance: Back to the Future? Book Review: Haynes B. (2024) The End of Early Music. Moscow: Ad Marginem Press. — 384 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 257–273 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.11 EDN: EDUFWF

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем *статей* — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученую степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:
http://www.jourssa.ru

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology
An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:
- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:
The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: http://www.jourssa.ru

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: http://www.jourssa.ru
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: http://www.jourssa.ru

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023

Учредители:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: https://www.fnisc.ru
Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)
Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.
Сайт: https://www.sociologynet.ru

Главный редактор: В.В. Козловский
Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 1, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
• на официальном сайте журнала: https://www.jourssa.ru
• на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)
Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: https://www.sociologynet.ru
Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96
Электронная почта редакции: jssa@list.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2026. Том 29. № 2. Дата выхода в свет 27.06.2026.
Формат бумаги 60×84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»
Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40